КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

KANTIAN JOURNAL

2021 • $\frac{\text{Tom}}{\text{Vol.}}$ 40 • No 3

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

KANTIAN JOURNAL

2021

 $\frac{T_{OM}}{Vol.}40$

No 3

Калининград Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта Kaliningrad Immanuel Kant Baltic Federal University Press **Кантовский сборник.** -2021. - Т. 40, № 3. - 178 с. **Kantian Journal**, 2021, vol. 40, no. 3, 178 pp.

Интернет-адрес: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/ URL: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/

> Издается с 1975 г. Выходит 4 раза в год

> Published since 1975 A quarterly periodical

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-65775 от 20 мая 2016 г.

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Certificate of registration Π M № Φ C 77-65775, May 20, 2016

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14)

Established by

the "Immanuel Kant Baltic Federal University" Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education (14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia)

Адрес редакции: 236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6, БФУ им. И. Канта e-mail: kant@kantiana.ru

> Editorial office address: 6 Gaidara st., Kaliningrad, 236001, Russia e-mail: kant@kantiana.ru

Адрес издателя: 236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6, БФУ им. И. Канта

Адрес типографии: 236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6, БФУ им. И. Канта

Дата выхода в свет: 29.10.2021

[©] Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2021

[©] Immanuel Kant Baltic Federal University, 2021

Редакционная коллегия

Дмитриева Нина Анатольевна, доктор философских наук, доцент, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
Московский педагогический государственный университет, Москва (Россия) — главный редактор;

Чалый Вадим Александрович, доктор философских наук, доцент, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия) — заместитель главного редактора;

Бажанов Валентин Александрович, доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет, Ульяновск (Россия);

Байзер Фредерик С., доктор философии, профессор, Сиракьюсский университет, Сиракьюс (США);

Белов Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва (Россия); Васильев Вадим Валерьевич, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия);

Вуд Аллен, доктор философии, профессор, Индианский университет, Блумингтон (США);

Дёрфлингер Бернд, доктор философии, профессор, Трирский университет, Трир (Германия);

Зильбер Андрей Сергеевич, кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия) — ответственный секретарь; Калинников Леонард Александрович, доктор философских наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия); Кляйнгельд Паулин, доктор философии, профессор, Гронингенский университет, Гронинген (Нидерланды);

Конев Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара (Россия);

Копцев Иван Демьянович, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия); Круглов Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва (Россия); Мер Рудольф, доктор философии, Грацский университет им. Карла и Франца, Грац (Австрия);

† Мотрошилова Неля Васильевна, доктор философских наук, профессор, Институт философии РАН, Москва (Россия);

Пушкарский Анатолий Геннадьевич, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия) — ответственный секретарь;

Разеев Данил Николаевич, доктор философских наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия);

Румянцева Татьяна Герардовна, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный университет, Минск (Белоруссия);

Соболева Майя Евгеньевна, доктор философских наук, профессор, Марбургский университет им. Филиппа, Марбург (Германия);

Сорина Галина Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва (Россия);

Тиммерман Йенс, доктор философии, профессор, Сент-Эндрюсский Университет, Сент Эндрюс (Великобритания);

Тремблэй Фредерик, доктор философии, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, София (Болгария);

Уоткинс Эрик, доктор философии, профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего (США);

Чернов Сергей Александрович, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург (Россия);

Штарк Вернер, доктор философии, профессор, Марбургский университет им. Филиппа, Марбург (Германия)

Editorial board

Prof. Nina A. Dmitrieva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia); Moscow State Pedagogical University, Moscow (Russia) — Editor-in-chief;
Prof. Vadim A. Chaly, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia) — Deputy Editor-in-chief;

Prof. Valentin A. Bazhanov, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk (Russia);

Prof. Frederick C. Beiser, Syracuse University, Syracuse (USA);

Prof. Vladimir N. Belov, The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow (Russia);

Prof. Sergey A. Chernov, Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, St. Petersburg (Russia);

Prof. Bernd Dörflinger, University of Trier (Germany);

Prof. Leonard A. Kalinnikov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia);

Prof. Pauline Kleingeld, University of Groningen (the Netherlands);

Prof. Vladimir A. Konev, Samara State University, Samara (Russia);

Prof. Ivan D. Koptsev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia);

Prof. Alexey N. Krouglov, Russian State University for the Humanities, Moscow (Russia);

Dr Rudolf Meer, University of Graz (Austria);

 $\dagger \textit{Prof. Nelly V. Motroshilova}, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia); \\$

Anatoly G. Pushkarsky, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia) - Executive Secretary;

Prof. Danil N. Razeev, Saint Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Prof. Tatiana G. Rumyantseva, Belarusian State University, Minsk (Belarus);

Prof. Maja E. Soboleva, University of Marburg (Germany);

Prof. Galina V. Sorina, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia);

Prof. Werner Stark, University of Marburg (Germany);

Prof. Jens Timmermann, University of St Andrews (UK);

Dr Frederic Tremblay, Sofia University "St. Kliment Ohridski", Sofia (Bulgaria);

Prof. Vadim V. Vasilyev, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia);

Prof. Eric Watkins, University of California, San Diego (USA);

Prof. Allen W. Wood, Indiana University Bloomington (USA);

Dr Andrei S. Zilber, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia) — Executive Secretary

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Баранова Е. В., Маслов В. Н., Верещагин В. А. Дом Иммануила Канта в Кёнигсберге: опыт трехмерной реконструкции	7
Кант: pro et contra	
Π аткуль A . B . Критика онтологического аргумента и интерпретация кантовского учения об идеале разума у Φ . B . Π . Шеллинга	28
Круглов А. Н. Кант как немецкий теоретик французской революции: возникновение догмы в марксистско-ленинской философии	63
<i>Певин М. Р.</i> Трансцендентальная философия как научно-исследовательская программа	93
Румянцева Т. Г. И. Кант и его наследие в белорусской философии советского и постсоветского периодов	127
События	
Зильбер А. С. Кантианская рациональность в философии науки. Обзор Первой конференции лаборатории «Кантианская рациональность»	150
Некролог	
<i>Быкова М. Ф., Синеокая Ю. В.</i> Памяти философа Нелли Васильевны Мотрошиловой (1934—2021)	167

CONTENTS

Articles

Baranova E. V., Maslov V. N., Vereshchagin V. A. Immanuel Kant's House in Königsberg: Attempt at a 3D Reconstruction	7
Kant: pro et contra	
Patkul A. B. Schelling's Criticism of Ontological Argument and Interpretation of Kant's Doctrine of the Ideal of Reason	28
Krouglov A. N. Kant as the German Theorist of the French Revolution: the Origin of a Dogma	63
Lewin M. Transcendental Philosophy as a Scientific Research Programme	93
Rumyantseva T. G. Kant and His Heritage in Belarusian Philosophy of the Soviet and Post-Soviet Periods	127
Events	
Zilber A. S. Kantian Rationality in the Philosophy of Science. Report of the First Conference of the Kantian Rationality Lab	150
Obituary	
Bykova M. F., Sineokaya Yu. V. In Memoriam: Philosopher Nelly V. Motroshilova (1934–2021)	167

Ссылки на оригинальные тексты Канта приводятся по изданию: Kant I. Gesammelte Schriften (Akademie-Ausgabe). Berlin, 1900 ff. — и оформляются в тексте статьи следующим образом: (АА 07, S. 578), где сначала цифрами указывается номер тома
данного издания, а затем дается страница по этому изданию. Ссылки на «Критику чистого разума» оформляются по этому же изданию, например: (A 000) — для текстов из первого издания, (B 000) — для второго издания или (A 000 / B 000) — для фрагментов текста, встречающихся в обоих изданиях. References to Kant's original texts (I. Kant. Gesammelte Schriften (Akademie-Ausgabe), Berlin 1900 ff.) are presented in the fol-
lowing form: Siglum, AA (VolNumber.), page[s], for example: (MpVt, AA 08, p. 264). Siglen index see here: http://www.kant-ge-sellschaft.de/de/ks/Hinweise_Autoren_2018.pdf (pp. 3-6). References to the Critique of Pure Reason are given as follows: (KrV, A 000) for the texts of the first edition, (KrV, B 000) for the texts of the second edition, and (KrV, A 000 / B 000) for fragments present in both editions.

СТАТЬИ ARTICLES

УДК 929:004.92:728.3

ДОМ ИММАНУИЛА КАНТА В КЁНИГСБЕРГЕ: ОПЫТ ТРЕХМЕРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Е. В. Баранова¹, В. Н. Маслов¹, В. А. Верещагин¹

Дом, который Иммануил Кант купил в Кёнигсберге в 1783 г., не сохранился до наших дней – был снесен в конце XIX в. Также почти не осталось личных вещей, которыми пользовался знаменитый философ. Многие предметы мебели и домашнего обихода были проданы на аукционе после его смерти, поэтому в музее Канта имелось мало оригинальных экспонатов из дома кёнигсбергского мыслителя, причем почти все эти артефакты утрачены в годы Второй мировой войны. Сегодня места, где проживал Кант, и в частности интерьер комнат в его доме, можно представить с помощью цифровых технологий. Они позволяют виртуально воссоздать разные помещения кантовского особняка, реконструировать убранство и мебель, характерные для прусского городского жилища конца XVIII — начала XIX в. С помощью метода 3D-моделирования удалось на основе исторических источников создать реалистичную модель дома И. Канта, представить как внешний вид здания, так и его внутренние помещения. Помимо скудности источниковой базы работу затрудняли технические сложности, связанные с необходимостью воссоздания сразу нескольких помещений в одной локации. Реконструкция выполнена на основе изучения некоторых подлинных вещей из дома Канта, находящихся в музеях Германии, а также имеющихся письменных и визуальных источников, в которых отражены внешний вид здания и упомянуты некоторые предметы мебели, размещенные в жилых и иных комнатах моделируемого строения. К настоящему времени подготовлены объемные реконструкции экстерьера дома и окружающей его городской среды, прихожих на первом и втором этажах, лекционного зала, кухни, рабочего кабинета, гостиной, спальни, библиотеки и столовой.

Ключевые слова: 3D-моделирование, Кант, Кёнигсберг, дом Канта, эпоха Канта

IMMANUEL KANT'S HOUSE IN KÖNIGSBERG: ATTEMPT AT A 3D RECONSTRUCTION

E. V. Baranova, V. N. Maslov, V. A. Vereshchagin

The house which Immanuel Kant bought in Königsberg in 1783 has not survived, having been pulled down in the late nineteenth century. Likewise, hardly any of the great philosopher's personal belongings have survived. Many pieces of furniture and household utensils were auctioned off after his death. So the Kant museum had few original exhibits from the Königsberg thinker's house, and almost all these artefacts were lost during the Second World War. Today, digital technologies make it possible to present a virtual picture of the various rooms, reconstruct the decorations and furniture characteristic of a Prussian urban dwelling in late eighteenth - early nineteenth centuries. With the help of 3D modelling and historical sources a realistic model of Kant's house has been created, showing both the exterior and the interior. In addition to the paucity of sources, the task was complicated by technical problems due to the need to recreate several rooms at one location simultaneously. Reconstruction draws on several genuine objects from Kant's house, now kept at museums in Germany. Also available are written and visual sources showing the exterior of the house and mentioning some furniture items located in the living room and elsewhere in the structure. Now 3D reconstructions have been made of the house's exterior and the urban environment, the anterooms on the ground and first floors, the lecture hall, kitchen, study, drawing room, bedroom, library and dining room.

Keywords: 3D modelling, Kant, Königsberg, Kant's house, Kant's epoch

¹Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236016, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. *Поступила в редакцию: 2 июня 2021 г.* doi:10.5922/0207-6918-2021-3-1

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia. *Received:* 02.06.2021. doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-1

1. Введение

Имя Иммануила Канта известно всему ученому миру. Написано множество книг и статей о кантовских трактатах, проанализированы его идеи, освещена преподавательская и научная деятельность. В биографиях нередко рассказывается о привычках Канта, ярко проявлявшихся в его повседневной жизни. Сложившиеся правила поведения в быту, которым старался строго следовать философ, его способы сохранять здоровье давно интересовали исследователей. При этом сегодня никто не может побывать в комнатах, в которых жил Кант, увидеть его кабинет, лекционную аудиторию или столовую. В конце XIX в. экономическая конъюнктура привела к сносу личного дома философа, а в огне Второй мировой войны погибли немногочисленные подлинные экспонаты из музея, посвященного кёнигсбергскому мудрецу. Однако современные компьютерные технологии позволяют виртуально в деталях воссоздать жилище великого философа. С одной стороны, можно сказать, что Кант вообще предвидел такую перспективу развития науки. В лекциях по логике он размышлял о том, что развитие естественной истории и математики приведут к появлению новых методов поиска информации без обременения человеческой памяти (АА 09, S. 44; Кант, 1994, с. 300). С другой стороны, рассуждая о созерцании такого объекта, как дом, Кант считал необходимыми знания об окнах, дверях и других его частях, чтобы получить представление о здании в целом (АА 09, S. 34; Kaht, 1994, с. 290). В преддверии 300-летия со дня рождения философа в Балтийском федеральном университете им. И. Канта реализован проект, в рамках которого предпринята попытка реконструировать его дом (по состоянию на рубеж XVIII-XIX вв.) средствами трехмерного моделирования в соответствии с современным техническим потенциалом и с учетом информации, содержащейся в источниках.

Обычно предметом исторической виртуальной реконструкции становятся большие архитектурные объекты и их экстерьер — мо-

1. Introduction

The name of Immanuel Kant is known to the entire academic world. A multitude of books and articles have been written about Kant's treatises, his ideas have been analysed and his teaching and research activities studied. Biographers often write about Kant's idiosyncratic habits in everyday life. His established daily routine and his health habits have long interested researchers. Yet today no one can visit the rooms in which Kant lived or see his study, lecture room and dining room. In the late nineteenth century, because of economic conditions, the philosopher's house was demolished and the few genuine exhibits of the museum devoted to the wise man of Königsberg perished during the Second World War. However, modern computer technologies make it possible to virtually recreate the great philosopher's dwelling in detail. On the one hand, we can say that Kant in general foresaw such a perspective of scientific development. In his lectures on logic he mused that the development of natural history and mathematics would lead to the emergence of new methods of information search which would not burden the human memory (Log, AA 09, p. 44; Kant, 1992, pp. 552-553). On the other hand, speaking about the contemplation of such an object as a house, Kant deemed it necessary to know about its windows, doors and other parts in order to get an idea of the house as a whole (Log, AA 09, p. 34; Kant, 1992, p. 545). On the eve of the 300th anniversary of Kant's birth the Kant Baltic Federal University implemented a project aimed at reconstructing his house (dating from the turn of the eighteenth and nineteenth centuries), using cutting-edge 3D modelling methods and information from the sources.

The objects of historical virtual reconstruction are usually large-scale buildings and their exterior, monasteries, cities and estates (Borodнастырские комплексы, города, усадьбы (Бородкин, Мироненко, Чертополохов и др., 2018; Garcia-León, Ros-Sala, Martín et al., 2017). Реконструкции внутреннего обустройства помещений встречаются в музейной практике, где с помощью вещественных экспонатов и новейших информационных технологий воссоздается атмосфера того или иного значимого места - например, уже не существующих в материальной форме домов известных людей (Жеребятьев, Маландина, 2019; Versailles, 2020; Synagogen, 2021; De Vos, De Rijk, 2019; Galiana, Más, Lerma et al., 2014). В связи с этим применение технологии 3D-реконструкции как способа визуализации исследуемого объекта особенно актуально в отношении полностью или частично утраченных объектов историко-культурного наследия. Разработки в технологиях VR/AR/ MR открывают новые возможности интерактивного погружения.

Основной целью проекта стала виртуальная реконструкция дома Канта в Кёнигсберге на основе исторических источников, включая письменные и изобразительные. Такое моделирование — не просто представление письменных источников в визуальном виде, а сложное методологическое исследование. Разработка методики виртуальной реконструкции утраченного объекта историко-культурного наследия составила особую задачу проекта. Речь может идти, конечно, лишь о гипотетическом воссоздании объекта, обладающем определенной — в каждом случае разной — степенью достоверности.

2. Инструментарий и этапы 3D-реконструкции дома Канта

Инструментом для 3D-реконструкции дома Канта в Кёнигсберге стал Autodesk 3ds MAX. Несмотря на всю сложность и трудоемкость работы в этом пакете, возможности именно данной программы позволяют наиболее реалистично смоделировать объекты, точно наложить текстуру, настроить освещение. А с помощью плагина VRay для 3ds Мах можно создавать визуализации высокого качества, что осо-

kin, Mironenko, Chertopolokhov, Belousova, Khlopikov, 2018; Garcia-León, Ros-Sala, Martín, Picazo, Andreo, Asensio, 2017). Museum practice does include reconstructions of interiors which use physical objects and new information technologies to recreate the atmosphere of landmark buildings that no longer exist physically, e.g. the houses of famous people (Zherebyatyev, Malandina, 2019; Château de Versailles, 2020; Synagogen, 2021; De Vos, De Rijk, 2019; Galiana, Más, Lerma, Peñalver, Conesa, 2014). The use of 3D reconstruction technology takes on added importance with regard to items of historical and cultural heritage that have been fully or partially lost. Developments in VR/AR/MR technology open up new opportunities for interactive immersion.

The main aim of the project is the virtual reconstruction of Kant's house in Königsberg on the basis of historical sources, both written and visual. This kind of modelling is not just about presenting written sources in graphical form, it is about complex methodological research. A distinctive feature of the project is the development of a method of virtual reconstruction of a lost object of the historical and cultural heritage. We are talking, of course, about hypothetical recreation of an object with varying degrees of authenticity.

2. The Toolkit and Stages of 3D Reconstruction of Kant's House

The instrument of 3D reconstruction of Kant's house in Königsberg was Autodesk 3ds MAX. Although this package is labour- and time-consuming, its capacity permits the modelling of objects in the most realistic manner, the choice of precise texture and the setting up of the lighting. What is particularly important for our project is that the VRay plug-in

бенно важно для нашей работы. Программа позволяет воспроизвести не только предметы с несложной архитектурой, но и различного рода поверхности, жидкости, объекты из ткани и т. д.

Для создания всех виртуальных объектов потребовалось смоделировать геометрию; текстурировать объект, придав его внешнему виду реалистичность (потертость, замыленность, царапины и т. д.); разместить объект в сцене согласно заранее утвержденному плану-схеме; сымитировать освещение. Затем проводилась визуализация, что заняло значительное время — даже при работе на мощных компьютерах. Просчет одного изображения продолжался порядка 3—4 часов непрерывной работы, а изображений в каждом случае требовалось не менее шести.

Создание рендера видеопанорамы занимает достаточно длительное время. Современный мощный ПК (процессор ЦП 32-Соге АМD Ryzen, 3843 MHz (38.5 x 100), 64 ГБ ОЗУ, видеоадаптер GeForce RTX 3080 (10 ГБ)) производит рендер фотореалистичной панорамы 4000 × 2000 ріх на основе визуализатора V-Ray 5.02 приблизительно в течение 2 ч 45 мин. После реалистичной визуализации были сделаны круговые визуализации сцен для дальнейшего создания из них панорам с обзором 360°. Панорамы размещаются на интернет-платформе для просмотра как на стационарных компьютерах, планшетах, смартфонах, так и при помощи очков виртуальной реальности.

3. Источниковая база и процесс реконструкции дома Канта

Исходные чертежи здания взяты из труда Вальтера Курке (рис. 1). Они представляют собой поэтажные схемы дома с размерами (в метрической системе) и фиксацией оконных и дверных проемов, лестниц, каминов и дымоходов. Одной из основных сложностей в работе стало то, что в описании к чертежам не всегда охарактеризованы предметы мебели, их расположение в комнатах.

На схемах Курке нет высот. Но с использованием угломерных измерений на основе со-

for 3ds Max can deliver high-quality visualisations. The programme can recreate not only simple objects, but various surfaces, liquids, fabrics etc.

In order to create all the virtual objects, it was necessary to model the geometry; to texture the object to make it look real (worn-out, blurred, scratched etc.); to place the object in the scene according to a prearranged scheme; and to copy the lighting. Then visualisation took place, a time-consuming process despite the powerful computers. Calculating one image took 3-4 hours of non-stop work, and at least six images were required in each case.

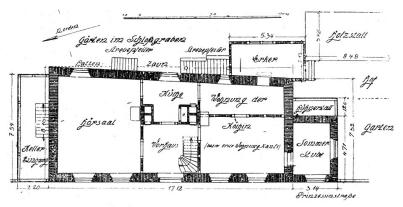
Creating a render machine video panorama takes a long time. A powerful modern processing unit (32-Core AMD Ryzen, 3843 MHz (38.5 x 100), 64 GB RAM, GeForce RTX 3080 (10 GB) video adapter renders a photo-realistic 4000 × 2000 pix panorama on the basis of V-Ray 5.02 visualiser in about 2 hrs 45 min. After a realistic visualisation, circular visualisations of scenes were made which were then used to create 360° panoramas. The panoramas are placed on an internet platform for viewing on stationary computers, iPads, smartphones and virtual reality headsets.

3. Source Base and the Process of Kant's House Reconstruction

The source drawings of the building have been borrowed from Walter Kuhrke's work (Image 1). They are floor-by-floor schemes with measurements (metric system) and fixation of windows and doors, staircases, fireplaces and chimneys. One of the challenges was the fact that not all the pieces of furniture and their location in the rooms are described in the inscriptions to the drawings.

Kuhrke's schemes do not indicate heights. However, with the help of angle measurements хранившихся чертежей и гравюр дома Канта удалось достаточно точно определить размеры дома, оконных проемов, архитектурных элементов. После этого в программе CorelDRAW был создан трехмерный чертеж здания (вид сверху, развертка по этажам).

the dimensions of the house, windows and architectural elements were determined with a fair degree of accuracy from the surviving drawings and prints of the Kant house. Thereafter a 3D drawing of the building (plan, floorby-floor rollout) was made in CorelDRAW programme.

Ubb. 1. Erdgeschofgrundriß.

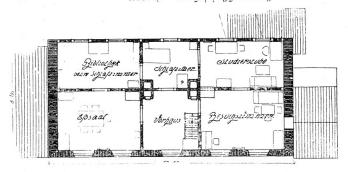

Рис. 1. План-схема дома И. Канта по В. Курке (Kuhrke, 1924, S. 10)

Image 1. Plan of Kant's House according to W. Kuhrke (1924, p. 10)

Построение 3D-модели интерьера не предполагало эскизного или проработанного проектирования всего дома Канта в силу большого объема работы и отсутствия детальных планов и чертежей всего здания в целом. Кроме того, практически все предметы мебели, посуды и другие вещи полностью утрачены.

Информация о наличии в помещениях некоторых предметов (конторки, туалетные столики и др.) обнаружена в письмах, черновике завещания философа, перечне отдельных вещей, оставшихся после его смерти. При этом, как правило, сколь-нибудь развернутая характеристика имущества в этих документах отсутствует.

The 3D model of the interior did not envisage a sketch of detailed presentation of the whole house owing to the huge amount of work and lack of detailed plans and drawings of the building as a whole. Besides, practically all the furniture, crockery and other utensils have been lost. The presence of some objects (writing desk, toilet tables, etc.) was established from letters, a draft of the philosopher's will and the list of miscellaneous things left after his death. More often than not there are no detailed descriptions of the objects in these documents.

Ценный источник сведений о меблировке помещений в доме Канта — мемуары его друзей, биографии философа (Schwarz, 1907; Hasse, 1804; Васянский, 2013). В этих сочинениях встречаются описания некоторых предметов, содержится информация об их расположении, состоянии стен в комнатах. Порой воспоминания противоречат друг другу. Например, одни свидетели, бывавшие в доме философа, утверждают, что зеркала были только в гостиной и столовой, другие констатируют наличие зеркала еще и в кабинете.

В качестве источников использованы также рисунки и гравюры середины XIX в., на которых зафиксирован внешний вид дома кёнигсбергского мыслителя. Например, первое изображение дома Канта со стороны двора было опубликовано в *Illustrirte Zeitung* в 1844 г. (Königsberg, 1844, S. 121).

Текстуры (дерево, камень, плитка), печи и ряд предметов мебели реконструированы на основе изобразительных источников XVIII столетия, а также с опорой на музейную экспозицию, размещенную в садовом доме немецкого поэта И. В. Гёте (1749—1832) (Goethes Gartenhaus, 2019).

4. История дома И. Канта

Как только позволили доходы, Кант 30 декабря 1783 г. купил дом на Принцессинштрассе (Prinzessininstraße) за 5500 гульденов у вдовы художника-портретиста Иоганна Готлиба Беккера (Johann Gottlieb Becker), автора одного из портретов философа. Здание находилось в центре города рядом с Кёнигсбергским дворцом (замком). В этом доме (рис. 2) Кант прожил до смерти, наступившей в 1804 г.

Это был отдельный двухэтажный дом с пристройкой и сводчатым подвалом. На 1804 г. длина дома составляла 54 фута 6 дюймов со стороны улицы, ширина — 23 фута 4 дюйма справа и 26 футов слева (Kuhrke, 1924, S. 19). Н. М. Карамзин, посетивший Канта в 1789 г., отметил: «Домик у него маленький…» (Карамзин, 1791, с. 172).

Memoirs of the philosopher's friends and biographies (Schwarz, 1907; Hasse, 1804; Wasianski, 1907) are a valuable source of information on the furnishings in the house. These works occasionally contain descriptions of objects, information on their positioning and the state of the walls in the rooms. Sometimes the accounts are conflicting. For example, some authors who visited the philosopher's house claim that there were mirrors only in the drawing room and dining room; others write that there were mirrors also in the study.

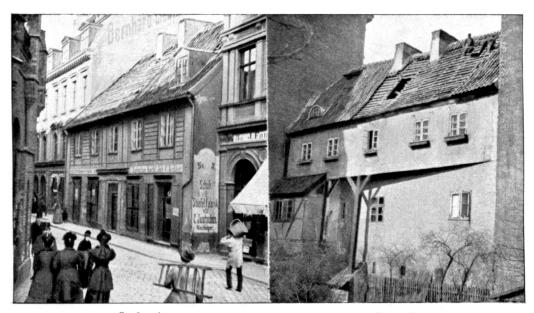
Among the sources used were also mid-nineteenth-century drawings and prints showing the exterior of Kant's house. For example, the first picture of the house viewed from the backyard was published in the middle of the nineteenth century in the "*Illustrirte Zeitung*" in 1844 (Anon., 1844, p. 121).

Textures (wood, stone, tiles), fireplaces and some pieces of furniture have been reconstructed from eighteenth-century visual sources and the museum exhibit in the garden house of the German poet Johann Wolfgang von Goethe (1749–1832) (Klassik Stiftung Weimar, 2019).

4. The History of Kant's House

As soon as he could afford it, on December 30, 1783, Kant bought a house on Prinzessinstraße for 5500 gulden from the widow of the portrait painter, Johann Gottlieb Becker, author of one of the philosopher's portraits. The building stood in the city centre close to the Königsberg palace (castle). Kant lived in this house (Image 2) until his death in 1804.

It was a detached two-storeyed house with an annex and a vaulted basement. As of 1804 it was 54 feet 6 inches long on the front, 23 feet 4 inches wide on the right and 26 feet on the left (Kuhrke, 1924, p. 19). Nikolai Karamzin, who visited Kant in 1789, noted that "He has a small house..." (Karamsin, 1803, p. 40).

Straßenseite Gartenseite
Immanuel Kants Wohnhaus in Königsberg i. Pr.

Рис. 2. Дом И. Канта в Кёнигсберге, фасад и вид со двора, не позднее 1893 г. (Hochdorf, 1924, S. 32)

Дом был построен, вероятно, в конце XVII в. (Lange, 2000в) и перестраивался до его покупки Кантом (Карль, 1991, с. 18—19). Сначала он был одноэтажным фахверком (Кuhrke, 1924, S. 19), затем возвели второй этаж. На рисунках и фотографиях конца XIX в. видно, что со стороны двора второй этаж частично выступает за линию фасада первого этажа. Выступ дополнительно поддерживался эркером и двумя деревянными столбами с консолями (Кuhrke, 1924, S. 17). Весной 1784 г. строение отремонтировали (Кuehn, 2001, р. 269—270). Несмотря на изменения, по свидетельству друга философа, профессора теологии Иоганна Готтфрида Хассе (Johann Gottfried Hasse), «дом был в несколько

После смерти Канта дом был продан и преобразован в гостиницу, затем использовался местным стоматологом. О философе напоминала лишь мемориальная доска на уличном фасаде: «Иммануил Кант жил и учил здесь

старинном стиле» (Карль, 1991, с. 20).

Image 2. Immanuel Kant's House in Königsberg, Façade and view from the Backyard, 1893 at the latest (Hochdorf, 1924, p. 32)

The house was probably built in the late seventeenth century (Lange, 2000c) and was rebuilt before Kant bought it (Karl, 1924, pp. 14-15). Initially it was a one-storey timber post-and-beam structure (Kuhrke, 1924, p. 19), to which a second floor was later added. In the late nineteenth century drawings and photographs one can see that part of the second floor on the rear side projected beyond the ground floor façade. The projection was propped up with a bay window and two wooden posts with ledges (Kuhrke, 1924, p. 17). The building was repaired in 1784 (Kuehn, 2001, pp. 269-270). In spite of alterations, "the house was in a somewhat antiquated style", as Kant's friend, theology professor Johann Gottfried Hasse, attested (Karl, 1924, p. 16).

After Kant's death the house was sold and converted into a hotel and was later used by a local dentist, the only reminder of the philosopher being a memorial plaque on the front с 1783 года по 12 февраля 1804 года». В конце XIX в. строение превратили в коммерческое здание с несколькими магазинами. Практически в неизмененном виде оставался лишь дворовый фасад. В 1893 г. дом был снесен в связи с расширением соседнего универмага Бернхарда Лидтке (Bernhard Liedtke), купившего особняк Канта. От строения сохранилась только дверь², которую передали в музей «Пруссия» (Карль, 1991, с. 19, 22—23; Lange, 2000а; Lange, 2000б; Lange, 2000в; Conversations-Lexicon, 1857, S. 63; Boetticher, 1897, S. 103; Kuhrke, 1924, S. 16—18; Белинцева, 2020, с. 30).

В настоящее время в Калининграде на том месте, где стоял дом Канта, проходят трамвайные пути, проложенные по Ленинскому проспекту недалеко от гостиницы «Калининград».

5. Экстерьер и интерьер дома

Здание располагалось у замкового рва, в который спускалась его дворовая сторона. Справа вдоль улицы на уровне первого этажа пристроили массивную летнюю комнату. Со стороны двора располагался крытый фахверковый балкон (эркер) и дровяник (Карль, 1991, с. 19; Kuhrke, 1924, S. 14, 20). Дом завершала двускатная мансардная крыша, крытая черепицей и имевшая с торцов два «изломанных» фронтона (Карль, 1991, с. 19; Lange, 2000в; Kuhrke, 1924, S. 19) (рис. 3).

На нижнем этаже слева от прихожей располагалась лекционная аудитория, напротив прихожей — кухня, справа от нее — комната кухарки. На втором этаже также имелась прихожая, рядом с ней в передней части дома слева находилась столовая, справа — гостиная, а со стороны сада — спальня, библиотека и кабинет. В мансарде располагались три каморки и комната слуги (Карль, 1991, с. 19; Gause, 1974, S. 97; Lange, 2000в; Гулыга, 1977, с. 165; Kuhrke, 1924, S. 19—20).

which read: "Here lived and taught Immanuel Kant from 1783 until 12 February 1804". In late nineteenth century the building was converted into a commercial house with several shops. Only the backyard façade remained practically unchanged. In 1893 the house was demolished to make way for the extension of the neighbouring department store of Bernhard Liedtke, who bought Kant's house. The door, the only surviving element of the house, was handed over to the Prussia² museum (Karl, 1924, pp. 15, 18-19; Lange, 2000a; Lange, 2000b; Lange, 2000c; Faber, 1857, p. 63; Boetticher, 1897, p. 103; Kuhrke, 1924, pp. 16-18; Belintseva, 2020, p. 30).

At present, tram tracks run along the Leninsky Prospekt near the hotel Kaliningrad where once Kant's house stood.

5. The House Exterior and Interior

The building was located by the castle moat, which was why its front was higher than the backyard side which descended to the moat. On the right along the street on the ground level was added a massive summer room. In the backyard part of the building was a covered post-and-beam balcony and a woodshed (Karl, 1924, p. 15; Kuhrke, 1924, p. 14, 20). The house was topped by a mansard tile roof with two jagged gable-ends (Karl, 1924, p. 15; Lange, 2000c; Kuhrke, 1924, p. 19) (Image 3).

On the ground floor to the left of the anteroom was the lecture hall, opposite the anteroom was the kitchen and to the right of it the kitchen-maid's room; to the right was the drawing room and beyond it, on the side of the garden, were the bedroom, library and study. The mansard contained three closets and the servant's room (Karl, 1924, p. 15; Gause, 1974, p. 97; Lange, 2000c; Gulyga, 1977, p. 165; Kuhrke, 1924, pp. 19-20).

² Утрачена в период Второй мировой войны.

² Lost during World War II.

Рис. 3. Внешний вид дома И. Канта, трехмерная модель

Image 3. Exterior of Kant's House, 3D model

Лекционный зал. В 1770 г. Кант стал профессором логики и метафизики в Кёнигсбергском университете (Kuehn, 2001, р. 189). В те времена и позже преподаватели из-за нехватки аудиторий в учебных заведениях читали лекции у себя на дому (Карль, 1991, с. 16; Кузнецова, 2013, с. 36). И в доме на Принцессинштрассе был оборудован лекционный зал (Карль, 1991, с. 20; Lange, 2000в; Über Kants Haus..., 2002).

В 3D-модели учебной аудитории реконструирован камин. Поскольку аудитория не отличалась большими размерами (примерно 7 × 5 м), мы рассчитали и смоделировали только два ряда длинных столов. Остальные слушатели, по сообщению одного из студентов, размещались на простых скамьях без столов (Immanuel Kant..., 1990, S. 380). Также лектора могли слушать и те, кто находился в небольшой прихожей (Лавринович, 1995, с. 169, 174). Lecture hall. In 1770 Kant became a professor of logic and metaphysics at Königsberg University (Kuehn, 2001, p. 189). In those days and later teachers, because of the shortage of lecture halls in educational establishments, delivered lectures in their homes (Karl, 1924, p. 12; Kuznetsova, 2013, p. 36). A lecture hall was set up in the house on Prinzessinstraße (Karl, 1924, p. 16; Lange, 2000c; Immanuel Kant – Information Online, 2002).

The 3D model reconstructed the hearth. Because the room was modest in size (about 7 by 5 metres) we have calculated and modelled only two rows of long tables. The other attendees, as one student attests, sat on simple benches without tables (Malter, 1990, p. 380). Those who were in the small anteroom could also hear the lectures (Lavrinovich, 1995, p. 169, 174).

Философ был невысокого роста, поэтому лишь слегка возвышался над кафедрой. В литературе сообщается также, что во время лекций Кант сидел несколько приподнято за столом перед невысоким пультом, на котором лежал листок с записями или учебник (Гулыга, 1977, с. 90; Jachmann, 1907, S. 126). Именно этот вариант рабочего места преподавателя воспроизведен в реконструкции.

Кухня. И. Г. Хассе вспоминал: «В доме царила умиротворяющая тишина; если бы не открытая кухня, запахи еды, лающая собака или мяукающая кошка, можно было бы подумать, что дом необитаем» (Hasse, 1804, S. 4).

На плане В. Курке отмечено, что в кухне стояла большая печь (Kuhrke, 1924, S. 10). Среди обычных для кухни вещей мы смоделировали два реальных предмета. Первый - сосуд для приготовления горчицы. Кант любил горчицу и регулярно готовил ее сам, о чем свидетельствует рисунок скульптора Мартина Хагемана (Martin Hagemann) «Иммануил Кант за приготовлением горчицы», созданный в 1784 г. (Kant-Bildnisse, 1924, S. 27). Второй реальный предмет — декоративная тарелка из Кёнигсберга с проставленной датой «1768», которая хранится в данный момент в Калининградском областном историко-художественном музее (рис. 4). Возможно, подобная тарелка была в доме философа. При реконструкции воссозданы утраченные части блюда.

Being of short stature, Kant barely rose above the lectern. From the literature we know that during lectures Kant sat slightly above the reading desk where lay a sheet of paper with notes or a textbook (Gulyga, 1977, p. 90; Jachmann, 1907, p. 126). The reconstruction of the teacher's work place reproduces this variant.

The kitchen. Johann Gottfried Hasse (1804, p. 4) wrote: "Pacific silence reigned in the house; but for the open kitchen door, the smell of food, the barking dog and the miaowing cat, one might have thought that the house was uninhabited."

Kuhrke's plan indicates that there was a large stove in the kitchen (Kuhrke, 1924, p. 10). Among the usual kitchen utensils we modelled two "real objects". The first is a pot for making mustard. Kant was fond of mustard and regularly cooked it himself, as witnessed by a 1784 drawing by Martin Hagemann, "Immanuel Kant Cooking Mustard" (Clasen, 1924, p. 27). The second "real object" is a decorative plate showing Königsberg with the date "1786", now at the Kaliningrad Regional History and Art Museum (Image 4). The philosopher's home might very well have had such a plate. The missing fragments of the plate have been restored.

Рис. 4. Декоративная тарелка из Кёнигсберга с датой «1768» и ее восстановленная трехмерная модель (Государственный каталог...)

Image 4. Decorative Plate of Königsberg with the Date "1768" and its Restored Three-dimensional Model (Ministry of Culture of the Russian Federation, n.d.)

Столовая. Столовая — особая комната в доме Канта. У философа сформировалась привычка плотно есть один раз в день в компании друзей, поэтому осталось немало описаний, посвященных распорядку обеденной трапезы — настоящего ритуала, проходившего по определенному сценарию (подробнее см.: Васянский, 2013, с. 110; Гулыга, 1977, с. 166—167; Вескег, 1932, S. 12—13; Stuckenberg, 1882, р. 325).

При реконструкции столовой было решено опираться на картину Эмиля Дёрстлинга (Emil Dörstling) «Кант и его сотрапезники». В 1892 г. кёнигсбергский банкир и меценат Вальтер Симон (Walter Simon) поручил художнику написать картину, представляющую Канта в его доме в качестве хозяина (Мотерби, 2013). Руководствуясь сочинением Кристиана Фридриха Ройша (Christian Friedrich Reusch) «Кант и его сотрапезники» (Reusch, 1849), Дёрстлинг изобразил известных кёнигсбержцев, часто обедавших у Канта.

Трехмерная реконструкция несколько отличается от картины Дёрстлинга. Изображение на картине было создано в зеркальном отражении от реально существовавшей комнаты, что мы исправили в реконструкции. На картине двери двойные, а на плане В. Курке они во всех комнатах дома с одной створкой и одинакового размера, поэтому было принято решение сделать их идентичными остальным, то есть одинарными. Портрет философа Ж.-Ж. Руссо был перенесен из столовой, куда его поместил художник, в кабинет (Kuhrke, 1924, S. 12). По утверждению К. Ройша, стол был накрыт тремя простыми белыми скатертями (Reusch, 1849, S. 9), что тоже нашло отражение в нашей реконструкции (рис. 5).

Библиотека и спальни. В доме на Принцессинштрассе у Канта имелась небольшая библиотека (Warda, 1922, S. 8; Mortzfeld, 1802, S. 54; Jachmann, 1907, S. 133; Kantiana, 1860, S. 16; Вогоwski, 1907, S. 56). Профессор математики Иоганн Фридрих Гензихен (Johann Friedrich Gensichen), по завещанию получивший книги,

The dining room. The dining room was a special room in Kant's home. He had a habit of having one substantial meal a day in the company of friends, which is why we have quite a number of descriptions devoted to the midday meal, a veritable ritual following a set scenario (for more detail see: Wasianski, 1907, p. 144; Gulyga, 1977, pp. 166-167; Becker, 1932, pp. 12-13; Stuckenberg, 1882, p. 325).

We decided to base our reconstruction of the dining room on the painting of Emil Doerstling "Kant and His Table Companions". In 1892 Walter Simon, a Königsberg banker and patron of the arts, commissioned from the artist a painting showing Kant as the host in his home (Motherby, 2013). Proceeding from the work of Christian Friedrich Reusch (1849) "Kant and his Table Companions", Doerstling portrayed prominent citizens of Königsberg who frequently dined at Kant's place.

The 3D reconstruction is slightly different from Doerstling's painting. The painting is a mirror image of what the dining room was really like, and that was the main correction which our reconstruction introduced. In the painting the doors are double, but on Kuhrke's plan there are single doors of the same size in all the rooms, so we decided to make them identical to all the other rooms, i.e. to make them single doors. We moved the portrait of the philosopher Jean-Jacques Rousseau from the dining room, where the artist placed it, to the study (Kuhrke, 1924, p. 12). Reusch (1849, p. 9) claims that the table was covered by three simple white table cloths, which is also reflected in our reconstruction (Image 5).

Library and bedrooms. There was a small library in Kant's home on *Prinzessinstraße* (Warda, 1922, p. 8; Mortzfeld, 1802, p. 54; Jachmann, 1907, p. 133; Reicke, 1860, p. 16; Borowski, 1907, p. 56). Mathematics professor Johann Friedrich Gensichen, who inherited Kant's books under his will (Fischer, 2008, p. 106; Wasianski, 2013,

Рис. 5. Столовая в доме И. Канта, трехмерная модель

Image 5. The Dining Room in Kant's House, 3D model

принадлежавшие мыслителю (Фишер, 2008, с. 102; Васянский, 2013, с. 56, примеч. 14; Reicke, 1885, S. 4; Kants Briefe, 1911, S. 342; [Radke], 1901, S. 91), упоминал, что в библиотеке знаменитого философа насчитывалось около 500 книг (Каntiana, 1860, S. 56; см. также: Гулыга, 1977, с. 165).

На плане, составленном В. Курке, обозначено, что на втором этаже строения в соседних комнатах располагались две спальни, при этом самая большая из них использовалась как библиотека (Kuhrke, 1924, S. 10; Immanuel Kant..., 1990, S. 345; Schnorr von Carolsfeld, 2000, S. 160).

На основе схемы В. Курке в углу, в котором сходились стены, смежные со столовой и малой спальней, в 3D-модели реконструирована печь зеленого цвета (Kuhrke, 1924, S. 10; см. также: Васянский, 2013, с. 106). Напротив нее у внешней стены могли находиться книжные шкафы.

p. 56n14; Reicke, 1885, p. 4; Ohmann, 1911, p. 342; Kant, 1901, p. 91), mentioned that Kant's library consisted of about 500 books (Reicke, 1860, p. 56; see also: Gulyga, 1977, p. 165).

Kuhrke's plan indicates that there were two adjoining bedrooms on the second floor, with the bigger one used as a library (Kuhrke, 1924, p. 10; Malter, 1990, p. 345; Schnorr von Carolsfeld, 2000, p. 160).

From Kuhrke's plan, in the corner where the walls adjacent to the dining room and the small bedroom converged a green stove was reconstructed (Kuhrke, 1924, p. 10; see also: Wasianski, 1907, p. 372). Book-cases may have stood opposite it. Between the windows was a mahogany writing stand indicated in one version of the will and mentioned in the list of Kant's estate made after Kant's death as having been

Между окнами поставлено бюро (конторка) из красного дерева махагони. Оно указано в одном из вариантов завещания, упомянуто в составленной после смерти Канта описи имущества как обнаруженное в спальне наследодателя. В черновике завещания говорится также о двух мраморных туалетных столах с зеркалами (Kuhrke, 1924, S. 10; AA 13; Anmerkungen, 1922, S. 563; [Radke], 1901, S. 85). Конторка реконструирована по образцам мебели XVIII в. За основу для моделирования мраморного столика, помещенного в библиотеке-спальне, принят экспонат, запечатленный в документальном фильме «Иммануил Кант и Кёнигсберг». В нем показаны предметы из музея Канта, среди которых камера зафиксировала туалетный столик (Agentur..., 1939, 10:05:56).

Поскольку библиотека также служила спальней, в ней должна быть мебель для ночного отдыха. В мемуарах художника Фейта Ханса Шнорра фон Карольсфельда (Veit Hanns Schnorr von Carolsfeld), написавшего портрет философа, сказано о кровати, стоявшей у окна (Schnorr von Carolsfeld, 2000, S. 160). Когда Канта начали одолевать болезни, слуга тоже стал спать в хозяйской спальне-библиотеке (Васянский, 2013, с. 24, 74, 75). Значит, в ней появилось еще одно спальное место.

Детальное описание интерьера другой небольшой комнаты, которая много лет использовалась в качестве спальни, отсутствует³. Может быть, из-за того, что Кант почти никому не разрешал заходить в нее. По плану Курке, вещей в этой спальне было немного (Kuhrke, 1924, S. 10). Обстановка в реконструированной спальне очень аскетична, из мебели только кровать и сундук, в углу в камине горит огонь, на кровать брошена ночная рубашка и колпак.

Кабинет. Кабинет выходил на восток, из него открывался вид на сады. Это было прият-

found in the testator's bedroom. The draft of the will also mentions two marble toilet tables with mirrors (Kuhrke, 1924, p. 10; Königlich Preußische Akademie der Wissenschaften, 1922 (AA 13), p. 563; Kant, 1901, p. 85). The writing stand has been reconstructed in keeping with specimens of eighteenth-century furniture. The marble table placed in the library-cum-bedroom is based on the exhibit shown in the documentary "Ostpreußen" ("East Prussia"). It shows objects from the Kant museum among which the camera picked out a toilet table (Agentur Karl Höffkes, 1939, 10:05:56).

Because the library also served as a bedroom there must have been a bed. In the memoirs of the artist Veit Hanns Schnorr von Carolsfeld, who painted the philosopher's portrait, there is mention of a bed which stood at the window (Schnorr von Carolsfeld, 2000, p. 160). When Kant began to suffer from ill health his servant slept in the master's library-cum-bedroom (Wasianski, 1907, pp. 333, 335). So, a second sleeping place had been arranged.

No detailed description exists of the interior of another small room which had been used as a bedroom for many years³. This may be because Kant allowed very few people to enter it. According to Kuhrke's plan, there were few objects in the bedroom (Kuhrke, 1924, p. 10). The furnishings in the reconstructed bedroom are spartan: just a bed and a trunk, a burning fire in the hearth, a nightgown and a sleeping cap tossed on the bed.

The study. The study faced east, with a view of gardens. It was a pleasant place where the thinker developed his ideas undisturbed. The room breathed simplicity and quiet seclusion, free of the sounds of the city and the world. There were two tables, a simple sofa, a few chairs and a writing cabinet. In the middle was

 $^{^3}$ О постоянно закрытом окне спальни и подготовке И. Канта ко сну см.: (Hasse, 1804, S. 10; Васянский, 2013, с. 24).

³ On the permanently closed bedroom window and Kant's preparation for sleep see: (Hasse, 1804, p. 10; Wasianski, 1907, pp. 267-268).

ное место, где мыслитель мог спокойно развивать свои идеи. Вся комната дышала простотой и тихой уединенностью, свободой от звуков города и мира. Здесь находились два стола, простой диван, несколько стульев и секретер. Посередине оставалось пустое место, через которое можно было добраться до барометра и термометра. В этой комнате мыслитель обычно сидел в своем деревянном полукруглом кресле на треноге либо за рабочим столом, либо повернувшись к двери, когда был голоден и с нетерпением ждал гостей (Hasse, 1804, S. 4-6). На стене висел и портрет Жан-Жака Руссо. А. В. Гулыга писал: «Если через призму ньютоновских уравнений кёнигсбергский философ смотрел на беспредельный звездный мир, то парадоксы Руссо помогли ему заглянуть в тайники человеческой души» (Гулыга, 1977, с. 169).

В кабинете смоделированы два стола, по словам Э. Васянского, «совершенно обычные и ничем не выдающиеся» (Васянский, 2013, с. 28). На них лежали рукописи и книги. Также воспроизведены стены, темные от дыма трубки и светильника, «так что можно было писать пальцем на стене» (Kuehn, 2001, р. 276). За рабочим столом Кант готовился к лекциям, а вернувшись с ежедневной прогулки, вновь садился за него и читал до наступления темноты.

В сумерках философ обдумывал прочитанное и произнесенное во время лекций, сидя как зимой, так и летом около печки, от которой он через окно мог видеть башню Лёбенихтской церкви (Карль, 1991, с. 21). На схеме В. Курке в этой комнате нет печи, поэтому не было ее и в первоначальном варианте реконструкции, но М. Кюн (Kuehn, 2001, р. 276), Э. Васянский и Г. Карль пишут о ее наличии в кабинете, на основании чего было принято решение переделать реконструкцию. Впрочем, на схеме Курке видно, что печь находилась в прихожей и одной стороной выходила в кабинет.

На реконструированной конторке лежит треуголка, которая воссоздана по сохранившейся фотографии из музея И. Канта в Кёнигсберге, а на подносе стоит чашка чая. По воспоми-

an empty space so as to give access to the barometer and thermometer. In this room Kant usually sat in his wooden semi-circular chair on a tripod or at the working desk or facing the door when he was hungry and could not wait for the guests to arrive (Hasse, 1804, pp. 4-6). On the wall hung a portrait of Jean-Jacques Rousseau. Arseniy V. Gulyga (1977, p. 169) wrote: "While the Königsberg philosopher looked at the boundless starry sky through the prism of Newton's equations, the paradoxes of Rousseau enabled him to peep into the inner recesses of the human soul."

In the study we have modelled two tables, "very ordinary, nothing special", as Ehregott A. Wasianski (1907, p. 36) notes. On them were manuscripts and books. We have also reproduced the walls so dingy from the smoke from the pipe and the lamp that "one cold write with a finger on the wall" (Kuehn, 2001, p. 276). The philosopher prepared for his lectures at the working desk. Returning from his daily walks Kant resumed his place at the working desk and read until dark fell.

In the twilight the philosopher ruminated over what he had read and uttered during his lecture, sitting — in winter and in summer — before a hearth from where he could see through the window the tower of the Löbenicht Church (Karl, 1924, p. 18). In Kuhrke's scheme there is no hearth in this room, which is why it was not in the original version of the reconstruction. But Manfred Kuehn (2001, p. 276), Wasianski and G. Karl (Karl Gustav Springer) write that there was a hearth in the study, so we decided to change our reconstruction. Anyway, it can be seen in Kuhrke's scheme that the hearth was located in the anteroom, with one of its sides in the study.

On the reconstructed writing desk lies a tricorn hat, recreated from a surviving photograph from the Kant museum in Königsberg, and a cup of tea on a tray. From reminiscenc-

Рис. 6. Кабинет И. Канта, трехмерная модель

Image 6. Kant's Study, 3D model

наниям, стоило часам пробить пять, Кант уже сидел за столом, чтобы выпить чашку чая, которую он в раздумьях, а также для того, чтобы она оставалась теплой, наполнял снова и снова, так что в итоге он выпивал уже две чашки, а то и более. При этом, надевая для такого случая на голову поношенную шляпу, философ выкуривал единственную за весь день трубку, притом с такой скоростью, что в ней оставался тлеющий конус пепла, который он обычно именовал «голландцем» (Васянский, 2013, с. 28). Трубка и табакерка из рога буйвола (Kantiana, 1860, S. 18) лежат на секретере (рис. 6).

Гостиная. На втором этаже в правой части дома находилась гостиная (Карль, 1991, с. 19; Jachmann, 1907, S. 165). Она располагалась рядом с кабинетом; чтобы попасть в него, друзья философа всегда проходили через эту комна-

es, as the clock struck five, Kant was already at the table to drink a cup of tea which he, lost in thought, filled and refilled to keep it warm, so he ended up having two cups or more. Wearing a worn hat for the occasion, the philosopher smoked the single pipe of the day, doing it with a speed that left a smouldering tip of ash which he used to call "the Dutchman" (Wasianski, 1907, p. 40). The pipe and the tobacco box made from buffalo horn (Reicke, 1860, p. 18) lie on the writing desk (Image 6).

The drawing room. The drawing room was on the second floor in the right-hand part of the house (Karl, 1924, p. 15; Jachmann, 1907, p. 165). It was located next to the study so that the philosopher's friends had to pass through it on their way to the study. Those invited to

ту. Приглашенные на обеды не останавливались в гостиной; они сразу шли в кабинет, а из него, не задерживаясь, перемещались в столовую (см., напр.: Reusch, 1849, S. 9).

Эта комната была, пожалуй, самой нарядной в доме Канта. При этом И. Хассе вспоминал, что гостиная не отличалась пышностью. В ней стояли софа, несколько покрытых холстом стульев, стеклянный шкаф с несколькими фарфоровыми изделиями и бюро, или секретер, в котором Кант хранил серебро и денежные сбережения. На одной из стен был укреплен термометр (Hasse, 1804, S. 7; см. также: Карль, 1991, с. 20; Gause, 1974, S. 98—99; Кассирер, 1997, с. 326; Kuehn, 2001, р. 272—273).

В реконструкции представлен уникальный предмет – фарфоровая бульонная пара, подаренная И. Канту в 1795 г. На чашку нанесен портрет философа. Франсуа Теодор де Лагард (François Théodore de Lagarde) в знак благодарности за публикацию в его берлинском издательстве «Критики способности суждения» в 1790 г. преподнес Канту такой подарок. Как одни из немногих сохранившихся вещей, чашка с крышкой и блюдцем находились в музее Кёнигсберга в Дуйсбурге, а затем были переданы в Музей Восточной Пруссии в Люнебурге (Immanuel Kant, 2004, S. 204). Процесс моделирования данного предмета был очень кропотлив из-за сложного рисунка-текстуры и самой модели чаши.

* * *

Реконструкция дома Канта в Кёнигсберге в 3D — начальный этап проекта «Эпоха Иммануила Канта», осуществляемого в Балтийском федеральном университете им. И. Канта. В дальнейшем совместно со специалистами МГУ им. М. В. Ломоносова будет создана интерактивная экскурсия: по дому можно будет перемещаться, появится звуковое сопровождение на русском и английском языках, отдельные предметы получат исторические справки, на создаваемом интернет-ресурсе также будут доступны тексты некоторых источников.

share the dinners did not stay in the anteroom, passing straight to the study and from there, without lingering, to the dining room (see, for example: Reusch, 1849, p. 9).

It was the brightest looking room in Kant's house, although I. Hasse noted that the drawing room was far from luxurious. It had a sofa, several chairs covered with sack cloth, a glass cupboard with a few pieces of china and a writing stand in which Kant kept his silver and cash savings. There was a thermometer on a wall (Hasse, 1804, p. 7; see also: Karl, 1924, p. 16; Gause, 1974, pp. 98-99; Cassirer, 1921, pp. 385-386; Kuehn, 2001, pp. 272-273).

One unique object featured in the reconstruction is a porcelain soup cup and saucer which was presented to Kant in 1795. On the cup is the philosopher's portrait. François Théodore de Lagarde presented it to Kant in 1790 in gratitude for the publication of the *Critique of Judgement* in a Berlin publishing house. Along with the few surviving things, the cup with a cup and saucer were at the Museum City of Königsberg in Duisburg before being handed over to the East Prussian Regional Museum in Lüneburg (Grimoni and Will, 2004, p. 204). Modelling this object was a painstaking process because of the complicated texture of the drawing and the cup.

* * *

The 3D reconstruction of Kant's house in Königsberg is the initial stage of the project "The Epoch of Immanuel Kant", implemented by the Immanuel Kant Baltic Federal University. Subsequently, in collaboration with specialists from the Lomonosov Moscow State University, an interactive excursion to the house will be created with audio commentary in Russian and English, and historical reference notes for some exhibits. Texts of some sources will be available on the internet resources being created.

Авторы выражают признательность почетному профессору Института философии Университета Марбурга, старшему научному сотруднику Берлинско-Бранденбургской академии наук Вернеру Штарку за оказанную консультационную поддержку при реализации проекта.

Данное исследование проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект $N_{\rm P}$ 075-15-2019-1929 «Кантианская рациональность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах», реализуемый на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

Список литературы

Белинцева И.В. Архитектор Фридрих Ларс (1880—1964) и его литографии «Город Канта. 8 изображений Кёнигсберга 18 века» // Academia. Архитектура и строительство. 2020. № 3. С. 27—38.

Бородкин Л. И., Мироненко М. С., Чертополохов В. А., и др. Технологии виртуальной и дополненной реальности (VR/AR) в задачах реконструкции исторической городской застройки (на примере московского Страстного монастыря) // Историческая информатика. 2018. № 3 (25). С. 76—88.

Васянский Э.А.К. Имманиул Кант в последние годы жизни = Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren / пер. с нем. А.И. Васкиневич. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013.

Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=28676964 (дата обращения: 21.05.2021).

Гулыга А. В. Кант. М.: Молодая гвардия, 1977.

Жеребятьев Д.И., Маландина Т.В. Виртуальная реконструкция интерьера Малого (Нижнего) кабинета императора Николая I в Зимнем дворце в 1850—1855 годах // Историческая информатика. 2019. № 2 (28). С. 159—200.

Кант И. Логика. Пособие к лекциям 1800 / пер. И. К. Маркова и В. А. Жучкова // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 8. С. 266—398.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Московский журнал. 1791. Февраль. Ч. 1, кн. 2. С. 152—193.

Acknowledgements: The authors are grateful to Honorary Professor of the Marburg University Institute of Philosophy, Senior Research Fellow of the Berlin-Brandenburg Academy of Sciences, Werner Stark, for his consultations in implementing the project.

This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation grant no. 075-15-2019-1929, project "Kantian Rationality and Its Impact in Contemporary Science, Technology, and Social Institutions" provided at the Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad.

References

Agentur Karl Höffkes (AKH), 1939. *Material Nr* 2784. *Ostpreußen (Film mit Zwischentiteln): "Kant und Königsberg"*. [online] Available at: https://archiv-akh.de/filme/2784#1 [Accessed 21 May 2021].

Anon., 1844. Königsberg, die Albertina und ihre Jubeltage. *Illustrirte Zeitung* (Leipzig), 2. Halbjahr, 3(60) (24. August), pp. 115-122.

Becker, W., 1932. In der Stadt der reinen Vernunft, Zwei Kulturgeschichtliche Kapitel aus Alt-Königsberg, Kants Tafelrunde, Kants Spaziergang zum Philosophendamm. Insterburg: s. n.

Belintseva, I. V., 2020. Architect Friedrich Lars (1880–1964) and His Lithographs "The City of Kant. 8 Images of Königsberg of the 18th Century". *Academia: Architecture and Construction*, 3, pp. 27-38. (In Rus.)

Boetticher, A., 1897. *Die Bau- und Kunstdenkmäler der Provinz Ostpreußen*. Heft VII: Königsberg. Königsberg: B. Teichert.

Borodkin, L. I., Mironenko, M. S, Chertopolokhov, V. A., Belousova, M. D., Khlopikov, V. V., 2018. Technologies of Virtual and Augmented Reality (VR / AR) in the Tasks of Reconstruction of Historical Urban Development (On the Example of the Moscow Passionate Monastery). *Istoricheskaya informatika / Historical Informatics*, 3(25), pp. 133-135. (In Rus.)

Borowski, L. E., 1907. Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kants. In: H. Schwarz, 1907. *Immanuel Kant: Ein Lebensbild nach Darstellungen der Zeitgenossen Borowski, Jachmann, Wasianski*. Halle a. S.: H. Peter, pp. 1-100.

Cassirer, E., 1921. *Kants Leben und Lehre*. Berlin: B. Cassirer.

Карль Г. Кант и старый Кёнигсберг / пер. с нем. А. Н. Хованского. Калининград : Битекар, 1991.

Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб. : Университетская книга, 1997.

*Кузнецова И. С. И*ммануил Кант. 2-е изд., доп. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013.

Павринович К. К. Альбертина: Очерки истории Кёнигсбергского университета: К 450-летию со времени основания. Калининград: Книжное издательство, 1995.

Мотерби М. Кант и семья Мотерби / пер. А. Васкиневич. 2013. URL: http://kant-online.ru/mariannamoterbi-kant-i-semya-moterbi/ (дата обращения: 20.05.2021).

 Φ ишер К. История новой философии. М. : Директ-Медиа, 2008. Т. 4 : Иммануил Кант и его учение. Ч. 1.

Ясперс К. Кант: Жизнь, труды, влияние / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2014.

Agentur Karl Höffkes (AKH). Material Nr 2784. Ostpreußen (Film mit Zwischentiteln): "Kant und Königsberg", 1939. URL: https://archiv-akh.de/filme/2784#1 (дата обращения: 21.05.2021).

Anmerkungen zu: Handschriftliche Erklärungen // Kant's gesammelte Schriften. Bd. 13. Berlin ; Leipzig : De Gruyter, 1922. S. 551–571.

Becker W. In der Stadt der reinen Vernunft. Zwei Kulturgeschichtliche Kapitel aus Alt-Königsberg, Kants Tafelrunde, Kants Spaziergang zum Philosophendamm. Insterburg, 1932.

Boetticher A. Die Bau- und Kunstdenkmäler der Provinz Ostpreußen. H. VII: Königsberg. Königsberg: B. Teichert, 1897.

Borowski L. E. Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kants // Schwarz H. Immanuel Kant: Ein Lebensbild nach Darstellungen der Zeitgenossen Borowski, Jachmann, Wasianski. Halle a. S.: H. Peter, 1907. S. 1—100.

Conversations-Lexicon für Bildende Kunst / hrsg. von F. Faber. Leipzig: Renger, 1857. Bd. 7.

De Vos P. J., De Rijk M. J. Virtual Reconstruction of the birthplace of Rembrandt van Rijn: from historical research over 3D modeling towards virtual presentation // The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences. 2019. Vol. XLII-2/W15: 27th CIPA International Symposium "Documenting the Past for a Better Future", 1–5 September 2019, Ávila, Spain.

Château de Versailles, 2020. *Versailles 3D.* [online]. Available at: http://www.versailles3d.com/en/ [Accessed 26 May 2021].

Clasen, K.H., ed. 1924. *Kant-Bildnisse mit Unter-stützung der Stadt Königsberg*, herausgegeben von der Königsberger Ortsgruppe der Kant-Gesellschaft, bearbeitet von K.H. Clasen. Königsberg i. Pr.: Gräfe und Unzer.

De Vos, P. J., De Rijk, M. J., 2019. Virtual Reconstruction of the Birthplace of Rembrandt van Rijn: From Historical Research over 3D Modeling towards Virtual Presentation. *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*, XLII-2/W15 (27th CIPA International Symposium "Documenting the Past for a Better Future", 1–5 September 2019, Ávila, Spain), pp. 397-404. [online] Available at: https://www.int-arch-photogramm-remote-sens-spatial-inf-sci.net/XLII-2-W15/397/2019/isprs-archives-XLII-2-W15-397-2019.pdf [Accessed 1 June 2021].

Faber, F., ed. 1857. *Conversations-Lexicon für Bildende Kunst*. Band 7. Leipzig: Renger.

Fischer, K., 1909. Geschichte der neuern Philosophie. 4. Band: Immanuel Kant und seine Lehre, 1. Teil. 5. Auflage. Heidelberg: C. Winter.

Galiana, M., Más, Á., Lerma, C., Peñalver, M.J. and Conesa, S., 2014. Methodology of the Virtual Reconstruction of Arquitectonic Heritage: Ambassador Vich's Palace in Valencia. *International Journal of Architectural Heritage*, 8(1), pp. 94-123.

Garcia-León, J., Ros-Sala, M. M., Martín, A. G., Picazo, M. T., Andreo, F. C. and Asensio, S. F. R., 2017. Paleotopographical Virtual Reconstruction of the Historic City of Cartagena (Spain). *Virtual Archaeology Review*, 8(16), pp. 61-68. [online] Available at: https://doi.org/10.4995/var.2017.5836 [Accessed 26 May 2021].

Gause, F., 1974. Kant und Königsberg: Ein Buch der Erinnerung an Kants 250. Geburtstag am 22. April 1974. Leer: Gerhard Rautenberg.

Grimoni, L. and Will, M., 2004. *Immanuel Kant. Erkenntnis – Freiheit – Frieden: Katalog zur Ausstellung anlaesslich des* 200. *Todestages. Muzeum Stadt Königsberg der Stadtgemeinschaft Königsberg (Pr) im Kultur- und Stadthistorischen Museum Duisburg.* Husum: Verlagsgruppe Husum.

Gulyga, A. V., 1977. *Kant*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Rus.)

Hasse, J.G., 1804. Letzte Äußerungen Kants von einem seiner Tischgenossen, 2. Abdruck, Königsberg, F. Nicolovius.

P. 397—404. URL: https://www.int-arch-photogramm-remote-sens-spatial-inf-sci.net/XLII-2-W15/397/2019/isprs-archives-XLII-2-W15-397-2019.pdf (дата обращения: 01.06.2021).

Galiana M., Más Á., Lerma C. et al. Methodology of the Virtual Reconstruction of Arquitectonic Heritage: Ambassador Vich's Palace in Valencia // International Journal of Architectural Heritage. 2014. Vol. 8, № 1. P. 94–123.

Garcia-León J., Ros-Sala M.M., Martín A.G. et al. Paleotopographical virtual reconstruction of the historic city of Cartagena (Spain) // Virtual Archaeology Review. 2017. № 8 (16). Р. 61—68. URL: https://doi. org/10.4995/var.2017.5836 (дата обращения: 01.06.2021).

Gause F. Kant und Königsberg: Ein Buch der Erinnerung an Kants 250. Geburtstag am 22. April 1974. Leer: Gerhard Rautenberg, 1974.

Goethes Gartenhaus / Klassik Stiftung Weimar. 2019. URL: https://www.klassik-stiftung.de/goethes-gartenhaus/ (дата обращения: 26.05.2021).

Hasse J. G. Letzte Äußerungen Kants von einem seiner Tischgenossen. 2. Abdruck, Königsberg: F. Nicolovius, 1804.

Hochdorf M. Das Kantbuch: Immanuel Kants Leben und Lehre. Berlin; Leipzig; Wien: Deutsches Verlagshaus Bong & Co., 1924.

Immanuel Kant in Rede und Gespräch / hrsg. und eingel. von R. Malter. Hamburg: Felix Meiner, 1990.

Immanuel Kant. Erkenntnis — Freiheit — Frieden: Katalog zur Ausstellung anlässlich des 200. Todestages am 12. Februar 2004. Muzeum Stadt Königsberg der Stadtgemeinschaft Königsberg (Pr) im Kultur- und Stadthistorischen Museum Duisburg / hrsg. von L. Grimoni, M. Will. Husum: Husum Verlag, 2004.

Jachmann R. Immanuel Kant, geschildert in Briefen an einen Freund // Schwarz H. Immanuel Kant: Ein Lebensbild nach Darstellungen der Zeitgenossen Borowski, Jachmann, Wasianski. Halle a. S.: H. Peter, 1907. S. 103–246.

Kant-Bildnisse mit Unterstützung der Stadt Königsberg / bearb. von K.H. Clasen mit Unterstützung von der Königsberger Ortsgruppe der Kant-Gesellschaft. Königsberg i. Pr.: Gräfe und Unzer, 1924.

Kantiana. Beiträge zu Immanuel Kants Leben und Schriften / hrsg. von R. Reicke. Königsberg: Theile, 1860.

Kants Briefe / ausgew. und hrsg. von F. Ohmann. Leipzig : Insel-Verlag, 1911.

Königsberg, die Albertina und ihre Jubeltage // Illustrirte Zeitung (Leipzig). 1844. Bd. 3, 2. Halbjahr, № 60 (24. August). S. 115-122.

Hochdorf, M., 1924. *Das Kantbuch: Immanuel Kants Leben und Lehre*. Berlin, Leipzig & Wien: Deutsches Verlagshaus Bong & Co.

Jachmann, R., 1907. Immanuel Kant, geschildert in Briefen an einen Freund. In: H. Schwarz, 1907. *Immanuel Kant: Ein Lebensbild nach Darstellungen der Zeitgenossen Borowski, Jachmann, Wasianski*. Halle a. S.: H. Peter, pp. 103-246.

Königlich Preußische Akademie der Wissenschaften, 1922. Anmerkungen zu: Handschriftliche Erklärungen. In: *Kant's gesammelte Schriften, Band 13: Briefwechsel. Anmerkungen und Register.* Berlin & Leipzig: De Gruyter, pp. 551-571.

Kant, I., 1992. The Jäsche Logic. In: I. Kant, 1992. *Lectures on Logic*. Translated and edited by J. M. Young. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 521-642.

Karamsin, N., 1803. *Travels from Moscow, through Prussia, Germany, Switzerland, France, and England*. Translated from the German. Volume 1. London: J. Badcock by G. Sidney.

Karl, G. [Springer, K. G.], 1924. *Kant und Alt-Königsberg*. Königsberg i. Pr.: Königsberger Allgemeine Zeitung und Verlagsdruckerei.

Klassik Stiftung Weimar, 2019. *Goethes Gartenhaus*. [online] Available at: https://www.klassik-stiftung.de/goethes-gartenhaus/ [Accessed 26 May 2021].

Kuehn, M., 2001. *Kant: A Biography*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kuhrke, W., 1924. Kants Wohnhaus: Zeichnerische Wiederherstellung mit näherer Beschreibung. Königsberg: Gräfe und Unzer.

Kuznetsova, I.S., 2013. *Immanuel Kant*. 2nd Edition. Kaliningrad: BFU im. I. Kanta. (In Rus.)

Lange, H., 2000a. "Verkauft an einen Kaffetier..." Das Schicksal von Kants Wohn- und Sterbehaus in Königsberg. Das Ostpreußenblatt, 16 (22. April), p. 14.

Lange, H., 2000b. Ein Gedenkstein am Kaufhaus. Das Schicksal von Kants Wohn- und Sterbehaus in Königsberg (Teil 2). *Das Ostpreußenblatt*, 17 (29. April), p. 12.

Lange, H., 2000c. Kants "ärmliches Sanssouci". Zum Schicksal von Kants Wohn- und Sterbehaus in Königsberg. *Berliner Lesezeichen*. [online] Available at: https://berlingeschichte.de/lesezei/blz00_12/text03. htm> [Accessed 26 May 2021].

Lavrinovich, K. K., 1995, Albertina: Ocherki istorii Konigsbergskogo universiteta: K 450-letiyu so vremeni osnovaniya [Albertina: Essays on the History of the University of Königsberg: On the 450th Anniversary of Its Founding]. Kaliningrad: Knizhnoye izdatel'stvo. (In Rus.)

Kuehn M. Kant: A Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Kuhrke W. Kants Wohnhaus: Zeichnerische Wiederherstellung mit näherer Beschreibung. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1924.

Lange H. "Verkauft an einen Kaffetier...". Das Schicksal von Kants Wohn- und Sterbehaus in Königsberg // Das Ostpreußenblatt. 2000a. № 16 (22. April). S. 14.

Lange H. Ein Gedenkstein am Kaufhaus. Das Schicksal von Kants Wohn- und Sterbehaus in Königsberg (Teil II) // Das Ostpreußenblatt. 2000б. № 17 (29. April). S. 12.

Lange H. Kants "ärmliches Sanssouci". Zum Schicksal von Kants Wohn- und Sterbehaus in Königsberg // Berliner Lesezeichen. Luisenstadt, 2000в. URL: https://berlingeschichte.de/lesezei/blz00_12/text03. htm (дата обращения: 26.05.2021).

Mortzfeld J. C. Fragmente aus Kants Leben. Königsberg: Hering und Haberland, 1802.

[Radke]. Inventarium über den Nachlaß des allhier am 12. Februar 1804 verstorbenen Herrn Professor Immanuel Kant, angefertigt vom Justiz-Commissar Radke // Sitzungsberichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst und Jahresbericht des Kurländischen Provinzialmuseums aus dem Jahre 1900. Mitau: J. F. Steffenhagen und Sohn, 1901. S. 81—108.

Reicke R. Aus Kant's Briefwechsel: Vortrag, gehalten an Kant's Geburtstag den 22. April 1885 in der Kant-Gesellschaft zu Königsberg. Königsberg: Beyer, 1885.

Reusch C. F. Kant und seine Tischgenossen, aus dem Nachlasse des jüngsten derselben des Geheimen und Ober-Regierungsrats. Königsberg: Tag & Koch, 1849.

SchnorrvonCarolsfeld V. H. MeineLebensgeschichte / hrsg. von O. W. Förster. Leipzig: Taurus, 2000.

Schwarz H. Immanuel Kant: Ein Lebensbild nach Darstellungen der Zeitgenossen Borowski, Jachmann, Wasianski. Halle a. S.: H. Peter, 1907.

Stuckenberg J. H.W. The Life of Immanuel Kant. L. : Macmillan and Co, 1882.

Synagogen in Deutschland — Eine Virtuelle Rekonstruktion. 2021. URL: http://www.cad.architektur.tu-darmstadt.de/synagogen/inter/menu.html (дата обращения: 02.04.2021).

Über Kants Haus und alltägliches Leben (nach Walter Kuhrke, 1917/1924). 2002. URL: https://www.online.uni-marburg.de/kant_old/webseitn/bio_haus. htm (дата обращения: 26.06.2021).

Malter, R., ed. 1990. *Immanuel Kant in Rede und Gespräch*. Hamburg: Meiner.

Motherby, M., 2013. *Kant i sem'ya Moterbi [Kant and the Motherby Family*]. Translated by A. Vaskinevich. [online] Available at: http://kant-online.ru/marian-na-moterbi-kant-i-semya-moterbi/ [Accessed 20 May 2021]. (In Rus.)

Ministry of Culture of the Russian Federation, n.d. Gosudarstvenny katalog musejnogo fonda Rossijskoi Federatsii [State Catalogue of the Museum Collection of the Russian Federation]. [online] Available at: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=28676964 [Accessed 21 May 2021]. (In Rus.)

Mortzfeld, J. C., 1802. *Fragmente aus Kants Leben*. Königsberg: Hering und Haberland.

Ohmann, F., ed. 1911. Kants Briefe. Leipzig: Insel-Verlag. [Radke], 1901. Inventarium über den Nachlaß des allhier am 12. Februar 1804 verstorbenen Herrn Professor Immanuel Kant, angefertigt vom Justiz-Commissar Radke. Sitzungsberichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst und Jahresbericht des Kurländischen Provinzialmuseums aus dem Jahre 1900. Mitau: J. F. Steffenhagen und Sohn, pp. 81-108.

Reicke, R., ed. 1860. *Kantiana. Beiträge zu Immanuel Kants Leben und Schriften*. Königsberg: Theile.

Reicke, R., 1885. Aus Kant's Briefwechsel: Vortrag, gehalten an Kant's Geburtstag den 22. April 1885 in der Kant-Gesellschaft zu Königsberg. Königsberg: Beyer.

Reusch, C. F., 1849. Kant und seine Tischgenossen, aus dem Nachlasse des jüngsten derselben des Geheimen und Ober-regierungsrats. Königsberg: Tag & Koch.

Schnorr von Carolsfeld, V.H., 2000. *Meine Lebensgeschichte*. Herausgegeven von O.W. Förste. Leipzig: Taurus.

Schwarz, H., 1907. Immanuel Kant: Ein Lebensbild nach Darstellungen der Zeitgenossen Borowski, Jachmann, Wasianski. Halle a. S.: H. Peter.

Stuckenberg, J. H. W., 1882. *The Life of Immanuel Kant*. London: Macmillan and Co.

Synagogen in Deutschland – Eine virtuelle Re-konstruktion. [online] Available at: https://www.dg.architektur.tu-darmstadt.de/forschung_ddu/digitale_rekonstruktion_ddu/synagogen/ [Accessed 02 April 2021].

Immanuel Kant — Information Online, 2002. Über Kants Haus und alltägliches Leben (nach Walter Kuhrke, 1917/1924). [online] Available at: https://www.online.uni-marburg.de/kant_old/webseitn/bio_haus.htm [Accessed 26.05.2021]

Warda, A., 1922. Immanuel Kants Bücher. Mit einer getreuen Nachbildung des bisher einzigen bekannten Abzuges des Versteigerungskataloges der Bibliothek Kants. Berlin: M. Breslauer.

Versailles 3D. 2020. URL: http://www.versailles3d. com/en/ (дата обращения: 26.05.2021).

Warda A. Immanuel Kants Bücher. Mit einer getreuen Nachbildung des bisher einzigen bekannten Abzuges des Versteigerungskataloges der Bibliothek Kants. Berlin: M. Breslauer, 1922.

Об авторах

Елена Вячеславовна **Баранова**, кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: EBaranova@kantiana.ru

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7519-4258

Виталий Николаевич **Маслов**, кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: VMaslov@kantiana.ru

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1830-4657

Вячеслав Алексеевич **Верещагин**, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: VVereshchagin@kantiana.ru

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7433-1641

Для цитирования:

Баранова Е. В., Маслов В. Н., Верещагин В. А. Дом Иммануила Канта в Кёнигсберге: опыт трехмерной реконструкции // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 3. С. 7—27.

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-1

© Баранова Е. В., Маслов В. Н., Верещагин В. А., 2021.

Wasianski, E. A. C., 1907. Kant in seinen letzten Lebensjahren. In: Schwarz, H., 1907. *Immanuel Kant: Ein Lebensbild nach Darstellungen der Zeitgenossen Borowski, Jachmann, Wasianski*. Halle a. S.: H. Peter, pp. 247-392.

Wasianski, E. A. C., 2013. *Immaniul Kant v posledniye gody zhizni = Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren*. Traslated into Russian by A. I. Vaskinevich. Kaliningrad: BFU im. I. Kanta. (In Rus.)

Zherebyat'yev, D. I. and Malandina, T. V., 2019. Virtual Reconstruction of the Interior of the Small (Lower) Office of Emperor Nicholas I in the Winter Palace in 1850–1855. *Istoricheskaya informatika / Historical Informatics*, 2(28), pp. 159-200. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The authors

Dr Elena V. Baranova, Immanuel Kant Baltic Federal

University, Kaliningrad, Russia

E-mail: EBaranova@kantiana.ru

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7519-4258

Dr Vitaly N. Maslov, Immanuel Kant Baltic Federal

University, Kaliningrad, Russia

E-mail: VMaslov@kantiana.ru

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1830-4657

Viacheslav A. Vereshchagin, Immanuel Kant Baltic

Federal University, Kaliningrad, Russia E-mail: VVereshchagin@gmail.com

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7433-1641

To cite this article:

Baranova, E. V., Maslov, V. N. and Vereshchagin, V. A., 2021. Immanuel Kant's House in Königsberg: Attempt at a 3D Reconstruction. *Kantian Journal*, 40(3), pp. 7-27. http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-3-1

© Baranova, E. V., Maslov, V. N., Vereshchagin, V. A., 2021.

УДК 1(091):111:111.1

КРИТИКА ОНТОЛОГИЧЕСКОГО АРГУМЕНТА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАНТОВСКОГО УЧЕНИЯ ОБ ИДЕАЛЕ РАЗУМА У Ф.В.Й. ШЕЛЛИНГА

A. Б. Π аткуль¹

В целях реконструкции критики онтологического доказательства бытия Бога в философии Ф. В. Й. Шеллинга рассматривается его интерпретация онтологического аргумента у Ансельма Кентерберийского и Декарта, а также оценка Шеллингом критики кантовского онтологического доказательства бытия Бога. Предлагается реконструкция учения Шеллинга о несомненном бытии, которое не может быть дедуцировано из понятия совокупности всего возможного, а потому должно упреждать всякую мыслимость. Сам разум трактуется им как имеющий экстатическую природу, полагающую предшествующее ему несомненное бытие. Это позволяет Шеллингу сформулировать собственную версию тезиса единства бытия и мышления, согласно которой в таком единстве бытие есть первое, а мышление – только последующее. На этом фоне анализируется интерпретация Шеллингом учения Канта об идеале разума. Шеллинг, с одной стороны, согласен с Кантом в том, что бытие не есть реальный предикат, а стало быть, действительное существование невозможно дедуцировать из сущности в смысле «что». Но, с другой стороны, в противоположность Канту он считает, что нужно предполагать действительное существование абсолютного индивидуального сущего, которое будет субъектом для всех возможных предикатов и бытие которого экстатически полагает разум как внешнее себе. Ставится вопрос об актуальности мысли Шеллинга для современной онтологии, прежде всего в преодолении онто-тео-логии. С опорой на работы Ж.-Ф. Куртина и Л. Тенгели выделяются два главных момента шеллинговского учения, которые значимы в этой связи: (1) приоритет существования над сущностью в бытии Бога, (2) принципиальная не-

Поступила в редакцию: 28.05.2021 г. doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-2

SCHELLING'S CRITICISM OF ONTOLOGICAL ARGUMENT AND INTERPRETATION OF KANT'S DOCTRINE OF THE IDEAL OF REASON

A. B. Patkul¹

To reconstruct a critique of the ontological proof of the existence of God in Schelling's philosophy I examine his interpretation of the ontological argument by Anselm of Canterbury and Descartes as well as Schelling's assessment of the critique of the Kantian ontological proof of the existence of God. I propose a reconstruction of Schelling's account of undoubted being which cannot be deduced from the concept of the totality of all that is possible and therefore must come before any thought. He interprets reason as having an ecstatic nature which posits precedent undoubted being. This enables Schelling to formulate his own version of the thesis on the unity of being and thought, whereby being comes first and thought is only second. Against this background I analyse Schelling's interpretation of the Kantian account of the ideal of reason. Schelling, on the one hand, agrees with Kant that being is not a real predicate, hence real existence cannot be deduced from essence in the sense of "what." But, on the other hand, in contrast to Kant, he believes that real existence of the individual absolute must be assumed, which would be the subject for all possible predicates and whose being is ecstatically posited by reason as being external to itself. I raise the question of the relevance of Schelling's thought for modern ontology, above all in overcoming onto theology. Proceeding from the works of J. F. Courtine and L. Tengelyi I single out two aspects of Schelling's doctrine that are relevant to my subject: (1) the priority of existence over essence in God's being and (2) the fundamental irreducibility of God to a nec-

Received: 28.05.2021.

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-2

 $^{^{1}}$ Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7—9.

¹ Saint Petersburg State University.

^{7/9} Universitetskaya Emb., 199034, Saint Petersburg, Russia.

сводимость Бога к необходимо существующему существу, т.е. свобода Бога. Становится очевидным, что в своей интерпретации Канта Шеллинг несколько упрощает ход его мысли, не проясняя, как конкретно у Канта связаны понятия необходимой сущности и всесовершеннейшей сущности, и что такие понятия самого Шеллинга, как «случайность», «случайная необходимость», «опыт целиком» требуют дальнейшей проблематизации.

Ключевые слова: онтологический аргумент, бытие и мышление, сущность, существование, негативная философия, позитивная философия, онто-теология, Ансельм Кентерберийский, Декарт, Кант, Шеллинг

1. Введение

Так называемый онтологический аргумент, то есть доказательство действительного существования Бога вне конечного ума на основании содержания его понятия, которое дано такому уму, имеет давнюю историю. Ее начало принято возводить к доказательству бытия Бога, предложенному в «Прослогионе» Ансельмом Кентерберийским (см.: Ансельм Кентерберийский, 1996, с. 128—130), а то и ранее — к учению о бытии Парменида Элейского. История эта протянулась вплоть до сегодняшнего дня. Позиции главных героев ее - как сторонников онтологического аргумента (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. В. Ф. Гегель, А. Плантинга), так и его противников (Фома Аквинский, Д. Юм, И. Кант) — более или менее известны заинтересованному читателю.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы реконструировать трактовку онтологического аргумента и оценку его обоснованности еще у одного философа, имя которого пока незаслуженно редко связывается с данной проблематикой, — Ф. В. Й. Шеллинга, а также выявить возможности дальнейшего использования аргументации такого рода, намеченные этим мыслителем. В историко-философской перспективе актуальность данного исследования состоит в том, чтобы привлечь внимание к Шеллингу как одной из значимых фигур в истории осмысления онтологического аргу-

essarily existent being, i.e. God's freedom. It is evident that, in his interpretation of Kant, Schelling somewhat simplifies his train of thought and leaves it unclear how Kant links the concepts of necessary being and the supremely perfect being. It is also evident that Schelling's concepts of "contingency," "contingent necessity," "the whole experience" need further study.

Keywords: ontological argument, being and thought, being, existence, negative philosophy, positive philosophy, ontotheology, Anselm of Canterbury, Descartes, Kant, Schelling

1. Introduction

The ontological argument, i.e. proof of the existence of God outside finite reason on the basis of the content of this concept with which reason is endowed has a long history. It is usually traced to the proof of the existence of God proposed by Anselm of Canterbury in his *Proslogion* (see: Anselm of Canterbury, 2000, pp. 93-95), and even earlier to Parmenides of Elea. The story continues down to this day. An engaged reader will be familiar with its protagonists, both the proponents of the ontological argument (Descartes, Spinoza, Hegel, Plantinga) and its opponents (Thomas Aquinas, Hume and Kant).

The objective of this study is to reconstruct the interpretation of the ontological argument and its critique by Schelling, a philosopher who has not been given justice in connection with this problem, and to reveal the untapped potential in the use of his arguments. In the historical-philosophical perspective, the relevance of this study consists in drawing attention to Schelling as a significant figure in the history of the ontological argument. However, the study is also relevant to the current state of systematic philosophy, since Schelling's

мента. Но проведенное исследование актуально и для текущего состояния систематической философии: заданные Шеллингом перспективы использования этого аргумента могут дать заметный импульс для современных исследований в области онтологии и философской теологии. Такая значимость фигуры Шеллинга для нынешней философской ситуации подтверждается и публикациями, посвященными в том числе шеллинговской трактовке онтологического аргумента, которые появились за рубежом в последние десятилетия и на которые это исследование во многом ориентируется. Среди авторов этих трудов можно назвать такие имена, как Д. Хенрих (Henrich, 1960), Ж.-Ф. Марке (Marquet, 1985), Ж.-Ф. Куртин (Courtine, 1990), А. Франц (Franz, 1992), П. Травни (Trawny, 2002), Л. Тенгели (Tengelyi, 2015) и др. Из исследований отечественных авторов безусловную значимость для обсуждаемой тематики имеют работы П. В. Резвых (Резвых, 2003) и А. В. Кричевского (Кричевский, 2009; 2011).

Стоит отметить, что в тех случаях, когда о Шеллинге все же заходит речь в связи с онтологическим аргументом, его обычно относят к противникам онтологического доказательства бытия Бога. Это, например, можно увидеть у Хайдеггера, ставящего его в один ряд с критиками онтологического аргумента - Фомой Аквинским и Кантом (Heidegger, 1996, S. 71). В данной связи можно констатировать, что в задачи исследования входит не только (1) выявление основных особенностей трактовки онтологического аргумента у Шеллинга – как (а) в опоре на его интерпретацию истории предшествующей ему философской мысли, так и (b) в ориентации на его собственную философскую позицию, но и (2) проверка на основании реконструкции шеллинговского истолкования кантовского учения об идеале разума того, не сохранилось ли в порядке развертывания мысли самого Шеллинга некоторой аналогии онтологической аргументации, и если да, то в каком именно виде она присутствует в его философии. К задачам исследования относится также (3) выяснение того, позволяет ли шеллинthinking on the perspective of the use of this argument may give a fillip to modern research in ontology and philosophical theology. The significance of Schelling for the current philosophical situation is borne out by the publications, devoted among other things to Schelling's treatment of the ontological argument that have appeared in recent decades and on which I have drawn in many ways. Among the authors of these works mention should be made of Dieter Henrich (1960), Jean-François Marquet (1985), Jean-François Courtine (1990), Albert Franz (1992), Peter Trawny (2002), László Tengelyi (2015) and others. Among authors in Russia the works of Petr V. Rezvykh (2003) and Andrey V. Krichevsky (2009; 2011) are eminently relevant to the problem under discussion here.

It has to be noted that whenever Schelling is mentioned in connection with the ontological argument he is usually seen as an opponent of the ontological proof of the existence of God. One finds it, for example, in Heidegger who brackets him together with such critics of the ontological argument as Thomas Aquinas and Kant (Heidegger, 1996, p. 71). In this connection I have to say that my research is aimed not only at revealing the main features of Schelling's interpretation of the ontological argument both in (a) reliance on his interpretation of the history of preceding philosophical thought and in (b) orientation towards his own philosophical position, but also (2) at verifying, through reconstruction, whether, in unfolding his own case, Schelling has retained a certain analogy with the ontological argument, and if so, in what shape it is present in his philosophy. Among other tasks of my research is also (3) determining whether Schelling's interpretation of the ontological argument permits going beyond ontotheological говская трактовка онтологического аргумента выйти за пределы имеющей онто-тео-логическое строение метафизики, а значит, по-новому поставить вопросы и о сущем как таковом, и о божественном. Решению этих задач посвящены соответствующие разделы статьи. В заключении содержатся главные выводы из проделанного исследования и намечаются его дальнейшие перспективы. Среди использованных методов можно выделить историко-философскую реконструкцию, анализ, в том числе сравнительный, а также интерпретацию.

2. Трактовка традиционных форм онтологического аргумента у Шеллинга

Укажем основные моменты в трактовке онтологического аргумента у Шеллинга.

Во-первых, можно констатировать, что он обращается к способу доказательства бытия Бога, предложенному уже Ансельмом, именуя его «старейшей (ансельмовской) формой² онтологического доказательства» (Шеллинг, 2000, с. 207; Schelling, 1858a, S. 157). Уже здесь, считает он, видна специфика такой аргументации: отталкиваясь от сущности Бога, его идеи, здесь заключают о существовании предмета, соответствующего этой идее. Сам же онтологический аргумент у Ансельма Шеллинг воспроизводит следующим образом: «...высшее, превыше которого ничего нет, quo majus non datur³, есть Бог, но высшее не было бы высшим, если бы не существовало, ибо тогда мы могли бы представить себе некую сущность, которая превосходила бы его в существовании, и оно уже не было бы высшим» (Шеллинг, 2000, с. 207; Schelling, 1858a, S. 157). Но Шеллинг при этом задается вопросом, означает ли это что-либо иное, чем то, что в высшей сущности нами уже было помыслено существование. Если ответ на этот вопрос утвердителен, то аргумент Ансельма содержит в себе тавтологию, поскольку некая сущность изначально была определена как высшая в том смысле, что она обладает существованием.

metaphysics and hence raising the question of being as such and of the divine. These problems are addressed in the corresponding parts of the article. The Conclusion sums up the results of the study and opens up prospects for further research. The methods used include historical-philosophical reconstruction, analysis, including comparative analysis, and interpretation.

2. Schelling's Interpretation of Traditional Forms of the Ontological Argument

The following are the main features of Schelling's interpretation of the ontological argument.

First, his method of proving the existence of God goes back to Anselm ("The oldest (Anselmian) use of the ontological proof?"2) (Schelling, 1858a, p. 157). Already here, he believes, one can see the gist of the argument: proceeding from the essence of the idea of God, the conclusion is drawn about the existence of the object corresponding to this idea. As for Anselm's ontological argument proper, Schelling (1858a, p. 157) presents it in the following way: "[...] the greatest, greater than which nothing exists, quo majus non datur, is God, but the greatest would not be the greatest if it did not exist, for then we could conceive of a being that would surpass it in existence and it would no longer be the greatest." But Schelling asks whether it may mean anything other than that in the supreme being we already think existence. If the answer is in the affirmative then Anselm's argument is tautological because a being has been initially declared to be supreme in the sense that it exists.

² В оригинале: Wendung.

³ Больше которого [ничего] не дано (лат.).

² "Die älteste (Anselmische) Wendung des ontologischen Beweises."

³ "Das Höchste, worüber nichts ist, quo majus non datur, ist Gott, aber das Höchste wäre nicht das Höchste, wenn es nicht existirte, denn wir könnten uns alsdann ein Wesen vorstellen, das die Existenz vor ihm voraus hatte, und es wäre dann nicht mehr das Höchste."

Во-вторых, более тонкую версию онтологического доказательства, по мнению Шеллинга, предложил Р. Декарт. Именно этим доказательством «в значительно большей степени, чем всем тем, что он утверждал о началах философии, Декарт определил все дальнейшее развитие новой философии» (Шеллинг, 1989, с. 398; Schelling, 1861, S. 14)⁴. Шеллинговское прочтение онтологического доказательства бытия Бога у Декарта можно воспроизвести следующим образом. В моем уме, утверждает Декарт, имеется понятие всесовершеннейшего существа. В это понятие входит понятие необходимого существования — немецкий философ специально подчеркивает, что речь здесь не идет о понятии существования вообще. Значит, можно сказать, что «природе всесовершеннейшего существа противоречило бы существовать только случайно... поэтому всесовершеннейшее существо может существовать только необходимо» (Шеллинг, 1989, с. 398—399; Schelling, 1861, S. 15). Но у Декарта, считает Шеллинг, речь идет не совсем об этом. Он предлагает воспроизвести силлогизм, по которому тот доказывает необходимое бытие Бога. Большая его посылка такова: всесовершеннейшее существо не может существовать случайно, а только необходимо. Меньшая посылка: Бог есть всесовершеннейшее существо. Отсюда должен был бы, по мысли Шеллинга, следовать вывод: Бог может существовать только необходимо. Он пишет: «Вместо этого Декарт, однако, делает следующее заключение: следовательно, он существует необходимо – и тем самым как будто выводит, что Бог существует, полагая тем самым, что доказал существование Бога» (Шеллинг, 1989, с. 399; Schel-

Second, Descartes, in Schelling's opinion, has come up with a subtler proof. Thus, "Descartes has become decisive for the whole of subsequent modern philosophy, far less for what he has otherwise said about the beginnings of philosophy than for the setting up of the ontological proof" (Schelling, 1994, p. 49; cf. Schelling, 1861, p. 14).4 Schelling's reading of Descartes' ontological proof of the existence of God can be reproduced in the following way: There is the concept of the most perfect being in my mind. This concept includes the notion of *necessary ex*istence and not existence in general, he stresses. Hence it can be said that "it would contradict the nature of the perfect being to exist just contingently, [...] therefore the most perfect being can only exist necessarily" (Schelling, 1994, p. 50; cf. Schelling, 1861, p. 15). But this, according to Schelling, is not quite what Descartes has in mind. He proposes to reproduce the syllogism whereby the necessary existence of God is proved. His major premise is this: the most perfect being cannot exist contingently but only necessarily. His minor premise is that God is the most perfect being. According to Schelling (1994, p. 50; cf. Schelling, 1861, p. 15), "instead of this [...] he concludes: therefore He necessarily exists, and, it is true, thereby apparently brings out the fact that God exists, and seems to have proven the existence of God." Schelling stresses that the premise that God can exist necessarily means that He exists necessarily if He exists, but it does not follow that He exists. In the Philosophy of Revelation he writes: "Hence,

⁴ Надо учитывать, что, как полагает Ж.-Ф. Марке, Шеллинг был очень ограниченно знаком с трудами Картезия: они едва ли были ему известны до выхода в свет собрания декартовских сочинений под редакцией В. Кузена, то есть как минимум до середины 1820-х гг. Но и позднее Шеллинг, вероятно, опирался только на отдельные работы и даже фрагменты таковых у Декарта, а также на изложения его философии, например в «Основах философии Декарта» Спинозы. По версии Марке, Шеллинга у Декарта интересовали только три темы: (1) *едо*, (2) онтологический аргумент и (3) различие мышления и протяжения (см.: Магquet, 1985, р. 237 – 238).

We have to keep in mind that, as J.-F. Marquet writes, Schelling's knowledge of Cartesius' works was limited: it is unlikely that he knew them before the publication of his works by V. Cousin, i.e. not until the mid-1820s. Even later, Schelling probably used only some and even fragments of Descartes' works, together with renderings of his philosophy, e.g. in Spinoza's *The Principles of Cartesian Philosophy*. According to Marquet (1985, pp. 237-238), Schelling was interested only in three Cartesian topics: (1) the *ego*, (2) the ontological argument and (3) the difference between thought and extension.

ling, 1861, S. 15). Шеллинг подчеркивает, что из посылки, согласно которой Бог может существовать необходимо, следует только то, что он существует необходимо, если он существует, но то, что он существует, еще не следует. В «Философии откровения» говорится: «Значит, заключение может звучать лишь таким образом: следовательно, Бог существует необходимым образом, если только он существует, что, стало быть, все еще оставляет нерешенным, существует он или нет» (Шеллинг, 2000, с. 208; Schelling, 1858a, S. 158). Здесь же он называет умозаключение Декарта паралогизмом. Шеллинг считает, что в большей посылке анализируемого силлогизма речь идет только о способе существования, тогда как в заключении имеется в виду именно существование вообще, а не его способ. П. Травни комментирует это следующим образом: «Доказательство, которое обосновывает (aussagt) необходимое существование всесовершеннейшей сущности, согласно Шеллингу, является ошибочным. Если доказательство в conclusio 5 обосновывает, что ($da\beta$) Бог существует, оно утверждает больше того, что содержится в большей посылке» (Trawny, 2002, S. 129).

Между тем, что существование Бога необходимо, и тем, что Бог существует, имеется принципиальное различие. Или, как это формулирует Л. Тенгели, «все же из положения "Бог необходимо есть сущее" не следует положение "Бог есть необходимо сущее", стало быть, ни в коем случае не следует, что он необходимо существует» (Tengelyi, 2015, S. 161–162). Тем не менее благодаря этому рассуждению мы видим, что у Декарта понятия Бога и необходимо существующего существа отождествляются, что они «полностью растворяются друг в друге» (Шеллинг, 1989, с. 400; Schelling, 1861, S. 17). В итоге, считает Шеллинг, Декарт доказал не существование, а необходимый характер существования Бога, и «именно это понятие оказало решающее влияние на всю последующую философию⁶» (Шеллинг, 1989, с. 400; Schelling, 1861, S. 17).

the *conclusion* can only be as follows: therefore God exists necessarily *if* only He exists, and this leaves open the question whether or not He exists" (Schelling, 1858a, p. 158). In the same place he calls Descartes' conclusion a *paralogism*. Schelling believes that the major premise of the syllogism in question has to do only with the *mode of existence*, whereas the conclusion refers precisely to existence in general and not to its mode. Trawny (2002, p. 129) makes this comment: "The proof that grounds the necessary existence of the most perfect being, according to Schelling, is erroneous. If the proof in the *conclusio* establishes *that* God exists, it claims more than the major premise contains."

There is a fundamental difference between the existence of God being necessary and the existence of God. Or, as Tengelyi (2015, pp. 161-162) puts it, "the proposition 'God is necessarily a being' does not follow from the proposition "God necessarily is a being, hence it does not follow that He necessarily exists."7 Nevertheless, we see from this reasoning that Descartes identifies the concepts of God and necessarily existing being, that "the one could be exactly contained in the other" (Schelling, 1994, p. 51; cf. Schelling, 1861, p. 17). As a result, according to Schelling, Descartes has proved not the existence but the necessary character of the existence of God "and this concept is now really the one which has had the most decisive effect for the whole subsequent period of philosophy" (Schelling, 1994, p. 51; cf. Schelling, 1861, p. 17).

⁵ Заключение (лат.).

⁶ В оригинале: «bestimmende Wirkung für die ganze Folgezeit der Philosophie».

⁵ "Also der Schlußsatz kann nur so lauten: folglich existirt Gott nothwendiger Weise, nämlich wenn er existirt, was also immer noch unentschieden läßt, ob er oder ob er nicht existirt."
⁶ "Der Beweis, der die notwendige Existenz des vollkommensten Wesens aussagt, ist, nach Schelling, fehlerhaft. Wenn der Beweis in der conclusio besagt, daß Gott existiert, behauptet er mehr, als im Obersatz vorausgesetzt wird."

⁷ "Es folgt jedoch aus dem Satz 'Gott ist notwendig das Seiende' keineswegs der Satz 'Gott ist das notwendige Seiende'; es folgt also keineswegs, dass er notwendig existiert."

Интересное уточнение, касающееся шеллинговской критики декартовского доказательства бытия Бога, предлагают Д. Хенрих и опирающийся на него П. Травни. Так, по мнению Хенриха, различая необходимость существования и необходимость как способ существования, нужно еще уточнить, в каком смысле берется сама необходимость. И тут обнаруживается, что наряду с необходимостью как способом, каким некоторой сущности присуще существование, и необходимостью как основанием, позволяющим приписывать некоторой сущности действительное существование, имеется еще необходимость как «аналитическая импликация», имманентное свойство сущности, как, например, шарообразность (Rundheit) шара (см.: Henrich, 1960, S. 222-223; Trawny, 2002, S. 129-130). Шеллинг же упускает этот смысл необходимости: «Он не видит, что бытие necessitas⁷, как оно появляется в онтологическом доказательстве, имплицировано в сущность (wesenhaft implizit ist). Таким образом, шеллинговское различение "способа" бытия и бытия ведет к ошибке» (Trawny, 2002, S. 129–130).

В-третьих, важно отметить и ту решающую роль, которую для формирования позиции Шеллинга по проблеме онтологического доказательства сыграла критика такового у И. Канта. Прежде всего можно указать на то, что, по мнению Шеллинга, как раз Кант тривиализировал онтологическое доказательство бытия Бога, предложенное Декартом. В частности, Кант заменил признак необходимого существования, присущий понятию Бога как всесовершеннейшего существа, признаком существования вообще. Получается, что Кант направил свою критику не на собственное доказательство Декарта, а на его упрощенную форму, которую сам Кант ему и придал (см.: Шеллинг, 1989, с. 397; Schelling, 1861, S. 13). Отметим самые общие черты шеллинговской критики опровержения онтологического доказательства у Канта (см. также: Кричевский, 2009, с. 26–28).

An interesting clarification concerning Schelling's critique of the Cartesian proof of God's existence is offered by Henrich and Trawny who follows him. In Henrich's opinion, in distinguishing the necessity of existence and necessity as a mode of existence one has to determine the meaning of necessity. And there we discover that, along with necessity as a mode of existence and necessity as the foundation that makes it possible to ascribe real existence to an entity, there is also necessity as "an analytical implication", an immanent property of an essence, for example, the roundness (Rundheit) of a sphere (see Henrich, 1960, pp. 222-223; Trawny, 2002, pp. 129-130). Schelling does not see this meaning of necessity: "He does not see that the being of *necessitas*, as it appears in the ontological proof, is implicit in essence. Thus, Schelling's distinction between the 'mode' of being and being itself leads to an error"8 (Trawny, 2002, pp. 129-130).

Third, it is important to note the decisive role Kant's critique of the ontological proof played in the shaping of Schelling's position on the issue. First of all, we should recall that, in Schelling's opinion, it was Kant who trivialised the ontological proof proposed by Descartes. In particular, Kant replaced the property of necessary existence inherent in God as the supremely perfect being with the property of existence in general. It turns out that Kant directed his criticism not at Descartes' proof, but at its simplified form which Kant himself ascribed to him (see Schelling, 1994, p. 50; Schelling, 1861, p. 14). Let us note the most general features of Schelling's critique of the Kantian refutation of the ontological proof (see also Krichevsky, 2009, pp. 26-28).

⁷ Необходимость (лат.).

⁸ "Er sieht nicht, daß das Sein der necessitas, wie sie im ontologischen Beweis erscheint, wesenhaft implizit ist. Schellings Differenzierung von 'Art' des Seins und Sein selbst geht somit in Irre."

Ход декартовского доказательства, как его понимает Кант⁸, в реконструкции Шеллинга таков: в разуме имеет место идея всесовершеннейшего существа. Добавим, правда, что всесовершенство мыслится у Канта как полнота всех возможных предикатов - совокупность всего возможного, omnitudo realitatis⁹ (см.: A 575 — 576 / В 603—604; Кант, 1994, с. 437; А 596—597 / В 624-625; Кант, 1994, с. 450-451). Существование же есть некоторое совершенство. Отсюда следует вывод: в идее всесовершеннейшего существа содержится также и существование. Критика Канта, считает Шеллинг, основывается на отрицании меньшей посылки приведенного силлогизма: Кант отрицает, что существование — это совершенство (см.: А 596— 599 / В 624-627; Кант, 1994, с. 450-452). Согласно Канту, вообще «бытие не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи. Оно есть только полагание вещи или некоторых определений само по себе» (А 598 / В 626; Кант, 1994, с. 452)¹⁰. Бытие, как отмечает Шеллинг, для Канта само не есть совершенство, но то, что уже должно иметь место для того, чтобы любые совершенства вообще могли бы быть. Поэтому Шеллинг резюмирует критику Канта так: «...даже для понятия Бога он не делает исключения из правила, что понятие вещи содержит в себе лишь ее чистое "что", но совершенно не включает в себя существование»¹¹ (Шеллинг, 2000, с. 122; Schelling, 1858a, S. 83). Стало быть, «Кант показывает в целом¹², насколько тщетно стремление разума при помощи заключений выйти за пределы самого себя к существованию...» (Там же).

In Schelling's reconstruction the course of the Cartesian proof, as understood by Kant,9 is as follows: the idea of the most perfect being exists in the mind. True, Kant sees supreme perfection as the totality of all possible predicates, the totality of all that is possible, omnitudo realitatis (see: A 575-576 / B 603-604; Kant, 1998, pp. 555-556; A 596-597 / B 624-625; Kant, 1998, pp. 565-566). Existence is perfection. Hence the idea of the most perfect being also comprises existence. Kant's critique, according to Schelling, is based on the negation of the minor premise of the above-cited syllogism: Kant denies that existence is perfection (see A 596-599 / B 624-627; Kant, 1998, pp. 565-567). According to Kant, "Being is obviously not a real predicate, i.e. a concept of something that could add to the concept of a thing. It is merely the positing of a thing or of certain determinations in themselves" (A 598 / B 626; Kant, 1998, p. 567). Being, as Schelling notes, is not, for Kant, perfection itself, but what must be in order that any other perfections could exist. Schelling (1858a, p. 83) thus sums up Kant's critique: "[...] he makes no exception from the rule, even for the concept of God, that the concept of a thing contains only the pure 'what' but does not contain the fact of existence."11 Thus "Kant shows in general the futility of reason's aspiration to transcend itself towards existence through reasoning [...]"12 (ibid.). The point is,

⁸ Реконструкции и разборы кантовской критики онтологического доказательства см. также: (Halldén, 1952; Fink, 1959; Harris, 1977; Röd, 1992; Heathwood, 2011; Протопопов, 2012).

⁹ Полнота реальности (лат.).

¹⁰ Важные подробности шеллинговской интерпретации кантовского тезиса о бытии и его собственной концепции бытия как *особого типа предиката*, которые здесь нет возможности воспроизводить, см.: (Резвых 2003, с. 298 – 303).

¹¹ В оригинале: «nichts von dem Daß, von der Existenz».

¹² В оригинале: «allgemein».

⁹ On reconstruction and analysis of Kant's critique of the ontological proof see also Halldén (1952), Fink (1959), Harris (1977), Röd (1992), Heathwood (2011), Protopopov (2012).

¹⁰ For important details of Schelling's interpretation of the Kantian thesis on being and his own concept of being as a *special type of predicate*, which we cannot cite here for lack of space, see Rezvykh (2003, pp. 298-303).

¹¹ "[...] so macht er auch für den Begriff Gottes keine Ausnahme von der Regel, daß der Begriff eines Dinges nur das reine Was desselben enthält, nichts aber von dem Daß, von der Existenz."

¹² "Kant zeigt allgemein, wie vergeblich das Bestreben der Vernunft sey, mit Schlüssen über sich selbst hinaus zur Existenz zu kommen [...]."

Но дело в том, что правильно — с точки зрения Шеллинга — понятый онтологический аргумент говорит не о существовании, а о необходимости существования Бога: поэтому критика его со стороны Канта бьет мимо цели. Следовательно, можно согласиться с А. В. Кричевским, считающим, что, по мнению Шеллинга, «ни Кант, ни кто-либо из его последователей не смог опровергнуть это рассуждение с правильных позиций» (Кричевский, 2009, с. 26).

Впрочем, шеллинговское отношение к кантовской критике онтологического аргумента неоднозначно. Дело в том, что, по мысли Шеллинга, именно Кант в своей критике разума достиг той позиции, из которой только и может развертываться вся последующая философия, в том числе все последующие философские размышления о Боге, «хотя он лишь достиг этой позиции, сам не продвинувшись дальше нее» (Шеллинг, 2018, с. 130; Schelling, 1856б, S. 585).

Шеллинг сохраняет верность основной позиции Канта в том, что считает невозможным вывести существование сущего из его «что», даже всеобщего (подробнее см.: Tengelyi, 2015, S. 159—160). Но, пожалуй, главное новаторство Канта для него состоит в том, что тот начал рассматривать разум как продуктивный, порождающий идеи (см., напр.: Шеллинг, 2013, с. 222; Schelling, 1856a, S. 282). Так, если Декарт вводит понятие всесовершеннейшей сущности, к которому принадлежит необходимое существование как случайное, то Кант показывает, что «это есть следующая из самой природы разума и безусловно необходимая при любом определении вещи идея», а «представление о ней становится необходимым и естественным для разума» (Шеллинг, 2013, с. 223; Schelling, 1856a, S. 284). Правда, онтологическое доказательство меняет у Канта и систематическое место в композиции философии: будучи редуцировано уже предшествующей Канту «эклектической метафизикой», оно рассматривается исключительно в контексте рациональной теологии. Поэтому сначала в ней, а затем и у Канта онтологиhowever, that what Schelling considers to be a correctly understood ontological argument has to do not with existence but with the necessity of the existence of God: that is why Kant's critique of him misses the point. Thus we can go along with Krichevsky (2009, p. 26) who thinks that in Schelling's opinion, "neither Kant, nor any of his followers managed to refute this reasoning from the right angle."

Having said that, Schelling's attitude to Kant's critique of the ontological argument is not so straightforward. According to Schelling (1990, p. 64; *cf.* Schelling, 1856b, p. 585), it was Kant who, in his critique of reason, reached a point from which subsequent philosophy, including all the subsequent philosophical reflections on God, could develop, "although he just barely reached this standpoint and did not progress beyond it."

Schelling remains faithful to Kant's basic position in that he considers it impossible to deduce the existence of being from its "what", even the universal "what".13 But in his view, perhaps the main innovation of Kant consists in that he began to consider reason as productive and idea-generating (see, for example, Schelling, 1856a, p. 282). Thus, while Descartes introduces the concept of the most perfect being which includes necessary existence as contingent, Kant shows that this is an idea that follows from the very nature of reason and is certainly necessary, whatever the definition of a thing is, "the and representation of it becomes necessary and natural for reason"14 (Schelling, 1856a, p. 284). True, with Kant the ontological proof changes its systemic place in the structure of philosophy: having been reduced by the "eclectic metaphysics" preceding Kant, it is seen exclusively in the context of rational theology. Therefore, first in the latter and then with Kant, the

¹³ For more detail see Tengelyi (2015, pp. 159-160).

^{14 &}quot;[...] dessen Vorstellung zu einer nothwendigen und der Vernunft natürlichen wird."

ческий аргумент «вместо начала науки попал в самый ее конец» (Шеллинг, 2013, с. 222; Schelling, 1856a, S. 282). Здесь понятие всесовершеннейшей сущности обнаруживает себя в качестве последнего понятия разума.

Далее, важнейшая заслуга Канта, согласно Шеллингу, состоит и в том, что, наряду с пониманием Бога как универсальной сущности, «он имел мужество и искренность высказать, что Бог желателен в качестве отдельного предмета» (Шеллинг, 2013, с. 222; Schelling, 1856а, S. 283), соответственно, должен мыслиться также и в качестве абсолютного индивида. Хотя при этом, согласно Канту, существование такого индивида при всей необходимости его понятия для разума не может быть допущено таковым даже в качестве гипотезы (см.: А 580 / В 608; Кант, 1994, с. 440; Шеллинг, 2013, с. 224; Schelling, 1856a, S. 284—285).

Теперь, θ -четвертых, будет уместно изложить ту перспективу, в которой онтологический аргумент и связанные с ним проблемы рассматриваются в философии самого Шеллинга. Итак, согласно последнему, у Канта «положительным результатом явилось осознание¹³ того, что Бог есть не случайное, а необходимое содержание последней, высшей идеи разума» (Шеллинг 2000, с. 78; Schelling, 1858a, S. 45). Это понятие является последним понятием, к которому приходит так называемая негативная философия, исходящая из бесконечной потенции познания в качестве $primum\ cogitabile^{14}$ чистого разума. Диалектическое развертывание негативной философии основано на том, что primum cogitabile соответствует бесконечная потенция бытия, предметно схватываемая в понятии ens in genere¹⁵. Она есть «не голая способность существовать, а непосредственное prius, непосредственное понятие самого бытия...» (Шеллинг, 2000, с. 101; Schelling, 1858a, S. 64). Однако такое бытие есть бытие только самого этого поontological argument "instead of at the beginning of science ended up at its very end"¹⁵ (Schelling, 1856a, p. 282). Here the concept of the most perfect being reveals itself as the *last concept of reason*.

Further, credit is due to Kant, according to Schelling (1856a, p. 283), for "having the courage and sincerity to say that God is desirable as a separate object" ¹⁶ while understanding God as a universal being, and accordingly should be conceived of as an *absolute individual*. Nevertheless, according to Kant, the existence of such an individual, for all the necessity of this concept for reason, cannot be admitted as such even as a hypothesis (see A 580 / B 608; Kant, 1998, p. 558; Schelling, 1856a, pp. 284-285).

Fourth, it will now be appropriate to describe the perspective in which the ontological argument and associated problems are treated in Schelling's own philosophy. He believed that with Kant, the "positive result was the consciousness of the fact that God was not a contingent, but necessary content of the ultimate and highest idea of reason"17 (Schelling, 1858a, p. 45). This is the ultimate concept arrived at by the so-called negative philosophy which assumes the infinite potential of cognition as the primum cogitabile of pure reason. The dialectical unfolding of negative philosophy is based on the fact that the *primum cogitabile* is matched by the infinite potential of being which is captured in the concept of ens in genere. It is "not the bare ability to exist but the immediate prius, the immediate concept of being itself [...]"18 (Schelling, 1858a, p. 64). However, such being

¹³ В оригинале: «das positive war, daß Gott nicht zufällige...».

¹⁴ Первое мыслимое (лат.)

¹⁵ Сущее в общем (лат.).

^{15 &}quot;[...] anstatt an den Anfang ans Ende der Wissenschaft kam."

¹⁶ Cf. "[...] er den Muth und die Aufrichtigkeit hatte, auszusprechen, daß Gott als einzelner Gegenstand gewollt werde."

^{17 &}quot;Das positive war, daß Gott nicht der zufällige, sondern der nothwendige Inhalt der letzten, höchsten Vernunftidee sey."
18 "[...] ist nicht eine bloße Fähigkeit zu existiren, sondern das unmittelbare Prius, der unmittelbare Begriff des Seyns selbst [...]."

нятия. Оно не выходит за пределы последнего. В силу этого разум все же имеет дело с сущим, но с сущим исключительно в его по себе бытии, то есть только с его «что». При этом разум не касается действительности вещей: он понимает действительное, но не действительность (см.: Шеллинг, 2000, с. 97; Schelling, 1858a, S. 61). Процесс, который описывается негативной философией, чисто логический, а не действительный. В нем разум, имея изначальное стремление постигнуть свое содержание, переходит от понятия сущего вообще (бесконечная потенция бытия) к понятиям определенного сущего, чего-то сущего (determinatio quidditative)¹⁶. Обнаруживается, что «вещи суть лишь особенные возможности, указанные в бесконечной, т. е. во всеобщей потенции» (Шеллинг, 2000, с. 103; Schelling, 1858a, S. 66). Но сама эта детерминация сущего вообще до сущностно определенного сущего служит также и обнаружению того, что в содержании разума имеется нечто случайное. Разум, таким образом, обнаруживает в своем собственном содержании изначальное бытие друг в друге (самого) сущего и не-сущего (случайного). Будучи нацеленным на постижение сущего как такового, он стремится элиминировать любое случайное содержание из этой бесконечной потенции познания, соответственно, из понятия сущего вообще. Такая элиминация и составляет собственную задачу негативной философии. В ходе ее решения выясняется, что последним понятием, достигаемым разумом, может быть только понятие всесовершеннейшего существа как необходимое его понятие.

Вместе с тем, отмечает Шеллинг, Кант показал, что такое понятие предполагает отсылку еще к одному — понятию Бога как «отдельного предмета», который уже должен мыслиться, чтобы любая determinatio quidditative могла бы быть осуществлена (см.: А 575—576 / В 603—604; Кант, 1994, с. 437—438). Его бытие может трактоваться только как чистый акт, исключающий любое «что», то есть любую потенциальность. is merely the being of the concept itself. It does not transcend the latter. Owing to this, reason has to do with being, but with being exclusively in its being in itself, i.e. with its "what". Reason does not deal with the actuality of things: it understands the real, but not the reality (see Schelling, 1858a, p. 61). The process described by negative philosophy is purely logical and not actual. In it reason, inherently seeking to understand its content, moves from the concept of being in general (infinite potential of being) to concepts of a definite being, something that is (determinatio quidditative). It turns out that "things are merely special possibilities in their infinite, i.e. universal potency"19 (Schelling, 1858a, p. 66). But the determination of being in general down to essentially definite being also leads to the discovery that there is something contingent in the content of reason. Thus, reason discovers in its own content the initial being-within-each-other of being itself and non-being (contingent). Being committed to comprehending being as such, it seeks to eliminate any contingent content from the infinite potential of cognition and, accordingly, from the concept of being in general. Such elimination constitutes the specific task of negative philosophy. In the course of solving it, it becomes clear that the last concept achieved by reason can only be the concept of the most perfect being as its necessary concept.

At the same time, Schelling notes that Kant has demonstrated that such a concept implies a reference to yet another concept, the concept of God as "a separate object" which already has to be thought if any *determinatio quidditative* is to be accomplished (see A 575-576 / B 603-604; Kant, 1998, pp. 555-556). Its being can only be treated as a pure act that rules out any "what", i.e. any potentiality. Thereby reason, in the *con-*

¹⁶ Сущностное определение (лат.).

¹⁹ "Die Dinge sind nur die in der unendlichen, d.h. in der allgemeinen Potenz nachgewiesenen besonderen Möglichkeiten."

Тем самым разум *в понятии* окончательно отделяет само сущее от того, что не есть таковое в собственном смысле. Но, как это было обнаружено Кантом, разум, хотя и вынужден в силу своей собственной природы переходить от понятия *отвитиво отвитиво отвитиво отвитиво отвитиво отвитиво отвительное существование вне понятия (см.: А 581 / В 608; Кант, 1994, с. 440). Таким образом, искомое само сущее, настаивает Шеллинг, может быть достигнуто негативной наукой только лишь в мысли.*

Специфика понятия Бога как последнего понятия разума состоит еще и в том, что если в своем прежнем развертывании негативная философия как наука о сущностях могла и должна была соотносить свои результаты с опытом, дающим основания для суждения о действительном существовании предмета этой науки, то в случае с понятием Бога как самого сущего действительный предмет этого понятия не может быть дан ни в каком возможном опыте.

Конфликт между естественным для разума понятием действительно существующего самого сущего и запретом на полагание действительного существования этого сущего вне разума побуждает продолжить развертывание философского вопрошания — мотивирует постановку вопроса о независимой от разума и понятия действительности сущего. Вопрос этот уже не может ставиться в сфере «что», требуя особого подхода и особого типа экспликации, которые и получают у Шеллинга наименование позитивной философии.

Последняя может начинать исключительно с абсолютного prius¹⁷, о котором можно сказать только одно: что он ecmь. Его можно назвать «только существующим». Она при этом не должна начинать с понятия Бога в смысле omnitudo realitatis как итога негативной философии: «Негативная философия передает позитивной свое последнее (Letztes) только как задачу, а не как принцип» (Шеллинг, 2000, с. 134; Schelling, 1858a, S. 93).

cept, finally separates being from what is not being in the proper sense. But, as Kant has found, reason, although it has, owing to its own nature, to move from the concept of *omnitudo realitatis* to the concept of the absolute individual, has no right to posit its real existence outside the concept (see: A 581 / B 608; Kant, 1998, p. 558). Thus, being itself, Schelling insists, can only be achieved by negative science in thought.

The specificity of the concept of God as the ultimate concept of reason also consists in the fact that while in its former development negative philosophy as a science of entities was able and obliged to relate its results to experience which provides the ground for judgement on the real existence of the object of this science, in the case of the concept of God as being, the real object of this concept cannot be given in any possible experience.

The conflict between the concept of a really existing entity, which is natural for reason, and the ban on the positing of real existence of this entity outside reason stimulates continued development of philosophical inquiry, leading to the question of the *reality of being that is independent from reason and concept*. The question can no longer be raised in the sphere of "what", demanding a special approach and a special type of explication which Schelling calls *positive* philosophy.

The latter can start only with the absolute *prius*, of which one can only say that it *is*. It can be called the "solely existing". And it should not begin with the concept of God in the sense of *omnitudo realitatis* as the outcome of negative philosophy: "Negative philosophy passes on to positive philosophy its final outcome (*Letztes*) only as a *task* and not as a *principle*" ²⁰ (Schelling, 1858a, p. 93).

¹⁷ Первое (лат.).

 $^{^{20}\,}$ "Jene überliefert ihr Letztes an sie nur als Aufgabe, nicht als Princip."

Но как именно обнаруживается и удостоверяется это превышающее всякое понятие и мыслящий его разум «есть»? Ответ на этот вопрос дан уже в следующем разделе статьи. Для большей иллюстративности он развертывается на примере реконструкции шеллинговского истолкования кантовского учения об идеале разума.

3. Идеал разума и обращение онтологического аргумента у Шеллинга

Итак, мы установили, что позитивная философия исходит из «только существующего», всегда уже действительного и исключающего всякое «что», ассоциируемое Шеллингом с потенциальностью. Специфика его позиции состоит в том, что такое сущее превышает всякое сомнение, характеризуется как несомненное. Его бытие Шеллинг называет также непредмыслимым (unvordenklich)¹⁸. Оно есть «безусловно

But how does one discover and certify the "is" which is above any concept and the reason that thinks it? The next section of the article provides an answer. To make it more illustrative the answer uses as example the reconstruction of Schelling's interpretation of Kant's account of the ideal of reason.

3. Ideal of Reason and Schelling's Treatment of the Ontological Argument

So far, we have established that positive philosophy proceeds from the "solely existing", which is always real and rules out any "what" that Schelling associates with potentiality. What marks out his position is that such an entity is above any doubt and is characterised as undoubted. Schelling also refers to its being as unprethinkable (unvordenklich). It is "unconditionally existing, preceding any thought"²¹ (Schelling, 1858b, p. 337). The philosopher offers a vehement account of the relationship of thought to such an entity and its being:

The solely existing is precisely what suppresses everything that could emanate from thought, before which thought is dumb, to which reason itself bows; for thought has to do only with possibility, potential; consequently, where it is ruled out, thought has no power. The infinitely existing, because it is so, is also safe from thought and any doubt²² (Schelling, 1858a, p. 161).

Schelling's description does not mean that he becomes an adherent of the vulgar irrationalism often ascribed to his later philosophy,

 $^{^{18}}$ Канонический перевод этого термина у Шеллинга на русский язык еще не сложился. Стандартное словарное значение самого этого слова - «незапамятный», но оно слишком сужает и трансформирует коннотации оригинального немецкого термина. А. П. Шурбелев, переводчик «Философии откровения» и «Другой дедукции принципов позитивной философии» на русский, использует для unvordenklich как слово «незапамятный» (когда речь идет о том, что имеет место «бытие до всякого мышления (vor allem Denken), или, как это превосходно выражает немецкий язык, незапамятным образом (unvordenklicher Weise)» (Шеллинг, 2000, c. 270; Schelling, 1858a, S. 211)), так и слово «предмыслимый». В последнем случае создается несколько диссонирующий смысловой эффект, поскольку, с одной стороны, оно выражает те смыслы, которые, по всей видимости, вкладывает в него Шеллинг, указывая на то, что (1) такое бытие всегда упредило любое мышление, и на то, что это бытие (2) не может быть его измышлением (Шеллинг 2002, с. 375; Schelling, 1858б, S. 337). Но, сдругой стороны, это русское слово теряет морфологию исходного немецкого слова, даже приобретает прямо противоположную ей: в таком переводе пропадает отрицательная приставка, отчего привативный характер такого бытия упускается. В настоящей статье для передачи слова unvordenklich используется, – как это делается, например, и в работах А.В. Кричевского, - калька «непредмыслимое», прежде всего с целью сохранить морфологический строй шеллинговского термина. Хочется надеяться на то, что конкретный его смысл

^{21 &}quot;[...] das allem denken zuvor, das unbedingt Existirende."
22 "Das bloß – das nur Existirende ist gerade das, wodurch alles, was vom Denken herkommen möchte, niederschlagen wird, das, vor dem das Denken verstummt, vor dem die Vernunft selbst sich beugt; denn das Denken hat eben nur mit der Möglichkeit, der Potenz zu thun; wo also diese ausgeschlossen ist, hat das Denken keine Gewalt. Das unendlich Existirende ist eben darum, weil es dieses ist, auch gegen das Denken und allen Zweifeln sicher gestellt."

существующее, предваряющее всякое мышление» (Шеллинг, 2002, с. 375; Schelling, 18586, S. 337). Философ весьма эффектно описывает отношение мышления к такому сущему и его бытию:

Только лишь существующее есть именно то, чем подавляется¹⁹ все, что могло бы взять свое начало из мышления, есть то, перед чем немеет²⁰ мышление, перед чем склоняется сам разум, ведь мышление занято лишь возможностью, потенцией, следовательно, там, где она исключена, мышление не имеет никакой власти. Бесконечно существующее именно потому, что оно таково, также обезопасено от мышления и всякого сомнения (Шеллинг 2000, с. 212; Schelling, 1858a, S. 161).

Данное Шеллингом описание не означает того, что он становится приверженцем вульгарного иррационализма, который часто усматривают в его поздней философии, и постулирует «капитуляцию разума». Разум у Шеллинга подчиняется упреждающему его бытию с тем только, чтобы с новой силой вступить в свои права — но уже как знающий свои границы и возможности (ср.: Tengelyi, 2015, S. 156).

Будучи ограниченным сферой «что», он может достигнуть в себе самом только понятия об этом бытии, но не самого этого бытия — оно ведь не следует из понятия. Но переход от универсального понятия к упреждающему его действительному бытию все же имеет место, и укоренен он в экстатическом характере самого разума. Шеллинг недвусмысленно декларирует таковой: «Только лишь сущее есть бытие, в котором, напротив, всякая идея, т. е. всякая потенция, исключена. Мы сможем его, таким образом, назвать лишь перевернутой идеей, идеей,

сможет стать более ясным по контексту. Можно также сказать, что если бы мышление в данном случае допустимо было отождествить с представлением, то такое бытие можно было бы по-русски назвать и непредставимым, хотя и это обозначение не удерживало бы связь этого бытия с прошлым, с перфективностью.

and postulates the "capitulation of reason". For Schelling, reason submits to pre-existing being only to reclaim its rights with a vengeance, but knowing its limits and possibilities (*cf.* Tengelyi, 2015, p. 156).

Being confined to the sphere of "what", it can attain within itself only the concept of this being, but not being itself, for it does not follow from the concept. But the transition from a universal concept to pre-existing real being does take place and it is rooted in the ecstatic character of reason itself. Schelling (1858a, pp. 162-163) states this clearly: "That which has pure being is being, in which, rather, any idea, i.e. any potential, is ruled out. We can thus merely call it the inverted idea, the idea in which reason is posited *outside* itself. Reason can posit that which has being, in which there is nothing of the concept, of the "what", only as an absolute outside itself (Außer-sich) [...] hence reason in this positing is posited outside itself, is absolutely ecstatic."23 This "leads Schelling's thought into a dimension which is no longer a dimension of subjectivity or substantiality, like subsistentia or stability, but to that dimension where rules what he has heroically called Existenz or Ekstasis"24 (Courtine, 1990, pp. 159-160).

Thus reason, turning to itself and thinking the idea *omnitudo realitatis*, does not just think real being of the absolutely individual that which has being, but *posits* (we remember that for Kant being is positing) such being as totally

¹⁹ В оригинале: «niederschlagen» — подавлять, ослаблять, но также и отражать, выражать.

²⁰ В оригинале: «verstummen».

[&]quot;Das bloß Seyende ist das Seyn, in dem vielmehr alle Idee, d.h. alle Potenz, ausgeschlossen ist. Wir werden es also nur die umgekehrte Idee nennen können, die Idee, in welcher die Vernunft außer sich gesetzt ist. Die Vernunft kann das Seyende, in dem noch nichts von einem Begriff, von einem Was ist, nur als ein absolutes Außer-sich setzten [...] die Vernunft ist daher in diesem Setzten außer sich gesetzt, absolut ekstatisch."

[&]quot;[...] conduit la pensée de Schelling dans une dimension qui n'est plus celle de la subjectité ou de la substantialité comme subsistentia ou insistance, mais dans la dimension où règne ce qu'il a héroïquement nommé Existenz ou Ekstasis."

в которой разум положен вне себя. Разум может положить сущее, в котором еще ничего нет от понятия, от "что", лишь как абсолютное вне себя (Außer-sich)... отсюда разум в этом полагании положен вне себя, абсолютно экстатичен» (Шеллинг, 2000, с. 214; Schelling, 1858а, S. 162—163). Это «переводит мысль Шеллинга в измерение, которое не является больше измерением субъективности или субстанциальности, наподобие subsistentia, или устойчивости, но измерением или царством того, что он героически назвал Existenz или Ekstasis²¹» (Courtine, 1990, р. 159—160).

Таким образом, разум, обращаясь на себя и мысля идею omnitudo realitatis, не только с необходимостью мыслит действительное бытие абсолютного индивидуального сущего, но и полагает (а мы помним, что для Канта бытие – это полагание) такое бытие как совершенно внешнее для себя, трансцендентное и всякий раз его уже упредившее, мысля равным образом и себя всякий раз уже им упрежденным. Вместе с тем надо понимать, что экстаз разума не является обоснованием этого только сущего, ведь оно есть то, что «не нуждается совершенно ни в каком обосновании, природа чего даже исключает всякое обоснование» (Шеллинг, 2000, с. 211; Schelling, 1858a, S. 161). Собственно, Шеллинг считает, что позитивная философия могла бы сразу начинать с такого бытия, не будучи даже предваренной экспликацией универсальной потенции бытия в негативной философии. Эта предпосылка несущественна для такого бытия, а позитивную философию не следует понимать как обоснованную в негативной. Взаимосвязь одного и другого типа исследований случайна: переход мысли от идеи omnitudo realitatis к несомненному и упреждающему мысль бытию нужен лишь постольку, поскольку философия уже de facto приняла форму негативной науки в своей истории.

Именно в этом пункте шеллинговское учение о «только лишь существующем» может быть связано с кантовской концепцией идеала разума (трансцендентального идеала). Под

extraneous to itself, transcendental and invariably pre-existing, equally thinking itself as being preceded. At the same time we should keep in mind that the ecstasy of reason is not a justification of the merely existing, for it is what "needs no justification whose nature even rules out any justification"25 (Schelling, 1858a, p. 161). Indeed, Schelling believes that positive philosophy could start from such being even without previous explication of the universal potential of being in negative philosophy. This prerequisite is immaterial for such being, and positive philosophy should not be understood as being justified in negative philosophy. The interconnection between the two types of research is accidental: the transition of thought from the idea omnitudo realitatis to undoubted being preceding thought is only necessary insofar as philosophy has de facto assumed the form of negative science in its history.

It is only on this point that Schelling's account of "solely existing" can be associated with Kant's concept of the ideal of reason (the transcendental ideal). The latter refers to an undoubtedly individual entity whose true being reason should think together with the idea of omnitudo realitatis (see A 575-576 / B 603-604; Kant, 1998, pp. 555-556). Kant believes that the concept of the real being of the ideal of reason cannot justify the positing of such being (see A 581 / B 608; Kant, 1998, p. 558). Schelling takes issue with him here, believing that omnitudo realitatis – the totality of all possible predicates – cannot exist by itself and needs the pre-existing being of an absolute individual entity which would be the subject for them as predicates. The individual character of its being stems from the fact that Schelling proceeds from the old metaphysical thesis whereby real existence can only be individu-

²¹ Существование или экстаз (нем. из лат. и др.-греч.).

²⁵ "[...] was gar keiner Begründung bedarf, ja dessen Natur jede Begründung ausschließt."

последним понимается то несомненно индивидуально сущее, действительное бытие которого разум вынужден мыслить вместе с идей omnitudo realitatis (cm.: A 575-576 / B 603-604; Кант, 1994, с. 437—438). Естественность понятия о действительном бытии идеала разума не может служить основанием для допущения такого бытия, как считал Кант (см.: А 581 / В 608; Кант, 1994, с. 440). Как раз здесь Шеллинг расходится с ним, полагая, что omnitudo realitatis совокупность всех возможных предикатов не способна существовать сама по себе, но нуждается в упреждающем ее бытии абсолютной индивидуальной сущности, которая выступала бы субъектом для них как предикатов. Индивидуальный характер ее бытия объясняется тем, что Шеллинг опирается на давний метафизический тезис, согласно которому действительное существование может быть присуще только индивидуально сущему. Бытие этого субъекта не может быть доказано из «что», пусть и универсального, но может быть только открыто в экстатической направленности разума на внешнее ему и всегда уже упредившее его бытие. Шеллинг объясняет это следующим образом: «...то, что охватывает всякую возможность и что само есть только возможное, будет неспособным к самобытию и может быть только таким образом, что оно есть лишь как материя чего-то другого, что и составляет для него бытие и в противоположность чему само оно проявляет себя как не-сущее самостоятельно» (Шеллинг, 2018, с. 130; Schelling, 1856б, S. 585).

Итак, в отличие от Канта Шеллинг полагает, что мышление разумом как способностью к продуктивному формированию идей понятия совокупности всех возможных предикатов вещей вынуждает разум экстатически выходить за свои пределы в онтологически упреждающую его область, полагая в ней действительное существование абсолютной индивидуальной сущности как субъекта этих предикатов, без которой они как предикаты вообще не могли бы иметь места. «Само понятие совокупности всего возможного, — констатирует П. В. Резвых, —

al existence. The being of such a subject cannot be proved out of the "what", even if it is universal, but can only be discovered by reason ecstatically directed to being which is external to it and already pre-existing. Schelling (1990, p. 63; cf. Schelling, 1856b, p. 585) offers this explication: "[...] that which comprehends all possibility, is itself merely possible, will be incapable of self-being (des selbst-Seins) and only be able to be in the mode of relating itself as mere material to another [pure Actuality], which is its being and over against which it [the pure potentiality] appears as that which is not through itself."

Thus, as distinct from Kant, Schelling holds that reason, as the capacity for generating ideas of a concept of the totality of all possible predicates of things, forces reason to ecstatically cross its boundaries into an ontologically pre-existing area, positing in it real existence of the absolute individual entity of the subject of these predicates, without which these predicates would not be possible. Rezvykh (2003, p. 294) states: "The concept of the totality of everything possible directs us to this existence and forces us to consider its relation to this being not as logical but real."

Schelling then identifies the Kantian notion of the manifold of everything possible with the concept of the *idea* in the meaning ascribed to it by post-Kantian philosophy, above all Hegel. Following Kant, he refers to the absolute individual essence as the subject of this totality as *ideal* (see A 575-576 / B 603-604; Kant, 1998, pp. 555-556). Pursuing this line of reasoning, Schelling argues that post-Kantian philosophy, in an attempt to bridge the gap Kant had established between the concept of the sum total of everything possible and real existence, chose the wrong path, hoping to derive real being of the absolute individual from universal thinkability, from the totality of all possible pred-

отсылает к этому существованию и побуждает нас рассматривать ее отношение к этому существованию не как логическое, а как реальное» (Резвых, 2003, с. 294).

Шеллинг далее идентифицирует кантовское понятие совокупности всего возможного с понятием идеи в том виде, в каком его употребляла послекантовская философия, прежде всего Гегель. Абсолютную индивидуальную сущность в качестве субъекта этой совокупности он, следуя Канту, называет идеалом (см.: А 575—576 / В 603—604; Кант, 1994, с. 437— 438). Мысль Шеллинга в этой связи развертывается таким образом, что как раз упомянутая послекантовская философия, пытаясь преодолеть утвержденный Кантом разрыв между понятием совокупности всего возможного и действительным существованием, выбрала неверный путь, на котором она намеревалась вывести само действительное бытие абсолютного индивида из универсальной мыслимости, из совокупности всех возможных предикатов (то есть, по сути, на новом уровне повторить прежний онтологический аргумент). В используемой Шеллингом терминологии это означало, что послекантовская философия попыталась обосновать бытие Бога, выводя существование идеала из идеи. По его мысли, отношение должно быть прямо обратным: «...сама эта идея не существует, скорее, как обычно говорят, она есть лишь идея. Не существует вообще ничего всеобщего, но только единичное. И всеобщая сущность существует лишь постольку, поскольку абсолютная единичная сущность есть в качестве нее. Не идея для идеала, но идеал для идеи есть причина бытия...» (Шеллинг, 2018, с. 131; Schelling; 1856б, S. 586).

Ошибочный ход послекантовской философии укоренен в «ложно понятом тождестве мышления и бытия» (см.: Шеллинг, 2000, с. 94; Schelling, 1858а, 59). Для этой философии бытие также является началом, но понято оно только в качестве первого момента самого универсального мышления. Для упреждающего это мышление бытия у нее нет никакого понятия. Такой

icates (i.e. essentially repeated the selfsame ontological argument at a new level). To use Schelling's terminology, post-Kantian philosophy sought to justify God's existence by deriving the existence of the ideal from the idea. He believes the relationship should be the reverse of this: "This idea itself, however, does not exist; it is rather, as one says, mere Idea. There exists nothing at all universal, but only the specific (Einzelnes); and the universal essence exists only if the absolute individual (das absolute Einzelwesen) is it. It is not the case that the Idea is the cause of the being of the Ideal, rather the Ideal is the cause of the being (Ursache des Seins) of the Idea [...]" (Schelling, 1990, p. 64; cf. Schelling, 1856b, p. 586).

The erroneous course of post-Kantian philosophy is rooted in the "falsely understood identity of thought and being" ²⁶ (Schelling, 1858a, p. 59). For this philosophy, being is also a beginning, but it is understood only as the first moment of universal thought itself. It has no designation for being that precedes thought. This approach reduces real being to a logical definition, thus eliminating the difference between the logical and the real that is so important for Kant (see, for example, A 598-599 / B 626-627; Kant, 1998, pp. 566-567).

In contrast, Schelling (1858a, p. 164) argues that "if we want something which exists outside of thought, we are forced to proceed from being that is absolutely independent from all thinking and precedes all thinking." He proposes what he considers to be the only true understanding of the unity of being and thought: "In this unity, the priority does not lie on the side of thoughts; being (das Sein) is the

²⁶ "[...] von einer falsch verstandenen Identität des Denkens und des Seyns."

²⁷ "Wollen wir irgend etwas außer dem Denken Seyendes, so müssen wir von einen Seyn ausgehen, das absolut unabhängig von allem Denken, das allem Denken zuvorkommend ist."

ход редуцирует действительное бытие к логическому определению, нивелируя тем самым и столь важное еще для Канта различие между логическим и реальным (ср., напр.: A 598—599 / В 626—627; Кант, 1994, с. 451—452).

В противовес этому философ считает, что «если мы хотим чего-то вне мышления сущего, то мы вынуждены отправляться от бытия, абсолютно независимого от всякого мышления, опережающего всякое мышление» (Шеллинг, 2000, с. 215; Schelling, 1858а, S. 164). В связи с этим он предлагает, как ему кажется, истинное понимание единства бытия и мышления: «...в этом единстве приоритет находится не на стороне мышления. Бытие — это первое, мышление — только второе или последующее» (Шеллинг, 2018, с. 132; Schelling, 1856б, S. 587).

Таким образом, позитивная философия исходит из несомненного бытия единичного абсолютного индивидуума, выступающего субъектом всех возможных предикатов. Теперь, основываясь на произведенной реконструкции критики Шеллингом онтологического аргумента и его интерпретации учения Канта об идеале разума, мы должны наконец поставить вопрос о том, (1) сохраняется ли в размышлениях Шеллинга некоторый след онтологического способа аргументирования и (2) выдвигает ли он в своей философии способ доказательства бытия Бога, альтернативный традиционному онтологическому доказательству.

Что касается первого из названных моментов, то было установлено: Шеллинг обоснованно причисляется к тем мыслителям, которые отвергают онтологический аргумент. Нет никакого сомнения в том, что для него существование Бога не следует из его сущности и не может быть выведено из его понятия ни аналитически, ни спекулятивно-диалектически. Вместе с тем анализ шеллинговской интерпретации кантовского учения о трансцендентальном идеале и шеллинговского тезиса об экстатическом характере разума показал, что усилия философа направлены на экспозицию упреждающего разум несомненного бытия. В способе их реали-

first, thinking only the second or following"²⁸ (Schelling, 1856b, p. 587).

Thus, positive philosophy proceeds from the undoubted being of the specific absolute individual, acting as the subject of all possible predicates. Now, based on the reconstruction of Schelling's critique of the ontological argument and his interpretation of Kant's account of the ideal of reason, we must finally put the question whether (1) there is any trace of the ontological argument in Schelling's reasoning and whether (2) he in his philosophy offers any method of proving the existence of God that is an alternative to the traditional ontological proof.

As for the first part of the question, I have established that Schelling is rightly considered to be among the thinkers who reject the ontological argument. There is no doubt that for him the existence of God does not follow from his essence and cannot be derived from his concept either analytically or in a speculative-dialectical way. At the same time, my analysis of Schelling's interpretation of the Kantian doctrine on the transcendental ideal and Schelling's thesis on the ecstatic character of reason has shown that his efforts are directed towards the exposition of undoubted being which pre-empts reason. The mode of implementation reveals a certain analogy between the course of ontological justification of the existence of God and the course of Schelling's exposition of being which precedes thought. In both cases this argument can be described as recursive: he proceeds from the universal concept, the ultimate thinkability, and goes back to being that precedes thought and is outside thought. This structural analogy of the exposition of being which precedes all thought and

²⁸ "In dieser Einheit aber ist die Priorität nicht auf Seiten des Denkens; das Seyn ist das Erste, das Denken erst das Zweite oder Folgende".

зации можно все же найти определенную аналогию между ходом онтологического обоснования бытия Бога и ходом экспозиции непредмыслимого бытия у Шеллинга. В обоих случаях ход этот может быть охарактеризован как рекурсивный: он исходит из универсального понятия, предельной мыслимости и возвращается к бытию как первому этого мышления, которое как его первое имеет место до и вне мышления. Эта структурная аналогия экспозиции предшествующего всякому мышлению бытия и доказательства существования всесовершеннейшей сущности может быть опознана в качестве сохраняющегося резидуума онтологического способа аргументации в философии Шеллинга. Важным тут является еще и тот аспект, что в обоих случаях речь идет о превышении - превышении того, о чьем бытии идет речь, того, что в нем только мыслится. Хотя характер превышения каждый раз разный: в случае онтологического аргумента речь идет о том превышении реальности и совершенства, которые будут отсутствовать, если допустить небытие сущего, во втором - об экстатическом упреждении.

Такая аналогия, впрочем, не должна вводить в заблуждение. Разрыв Шеллинга с традиционными формами онтологического аргумента гораздо радикальнее, чем указанная преемственность, к тому же имеющая весьма формальный характер. Во-первых, не следует забывать, что начинание философского исследования с несомненного бытия не нуждается, согласно Шеллингу, в предварительном обосновании экспликацией бесконечной потенции познания, то есть универсальной мыслимости. Но, что важнее, во-вторых, рекурсия мышления к своему первому в случае Шеллинга выводит таковое к этому первому в качестве, скажем так, вперед-и-вне-мышления-существующего, тогда как альтернативные шеллинговскому типы идеалистического обоснования бытия абсолютного возвращают универсальное мышление к бытию как его первому только в самом мышлении. Даже там, где онтологический аргумент в традиционной своей форме претендуproof of the existence of the most perfect being can be seen as the vestige of the ontological argument in Schelling's philosophy. It is important to note that in both cases we see an excess of that whose being is being discussed, over what is merely thought in it. Although the character of this excess is different: in the case of the ontological argument it is the excess of reality and perfection which would be absent if one allowed the non-being of what is and in the second case, ecstatic pre-emption.

The analogy, however, need not be misleading. Schelling's break with the traditional forms of the ontological argument is far more radical than the above-mentioned continuity, which is anyway rather formal in character. First, we should not forget that starting philosophical research from undoubted being does not need, according to Schelling, prior justification of the infinite potential of cognition, i.e. universal thinkability. Secondly, Schelling's recursion to his first leads to the first in the capacity of what may be called being which is before and outside thought, whereas the types of idealistic justification of the existence of the absolute alternative to Schelling's take universal thought back to being as its first only within thought itself. Even where the ontological argument in its traditional form purports to prove the necessary existence of the object of the concept of the most perfect being or necessarily existing entity outside mind, in reality it does not move towards real being independent from thought, merely proving the need for the existence of the concept of the most perfect being in the mind. The ecstatic character of reason in Schelling's doctrine accords with the notion of reason transcending itself towards what already is.

We are now in a position to pass on to the second question as to whether Schelling offers any alternative methods of proving the exisет на доказательство необходимого существования предмета понятия всесовершеннейшего или необходимо существующего существа вне ума, на деле он не переходит к независимому от мышления действительному бытию, доказывая только необходимость наличия самого понятия всесовершеннейшего сущего в уме. Экстатичность же разума в учении Шеллинга позволяет рассматривать разум в качестве *трансцендирующего* себя самого к тому, что *уже* есть.

Данное обстоятельство обеспечивает переход ко второму из выделенных моментов - вопросу о том, предлагает ли Шеллинг какие-то альтернативные способы доказательства бытия Бога, если онтологическое доказательство этого бытия несостоятельно. И здесь можно увидеть, что он и в самом деле формулирует такую альтернативу. Дело в том, что невозможность доказательства существования Бога, исходящего из его сущности, еще не означает невозможности обоснования принадлежности этой сущности несомненно и только лишь существующему. Путь обоснования такой принадлежности и выбирает Шеллинг. По его мнению, мы не можем доказать, что всесовершеннейшее существо существует, но мы можем обосновать, что несомненно существующее есть всесовершеннейшее существо: «Стало быть, хотя я и не могу исходить из понятия Бога, чтобы доказать существование Бога, однако я могу отправиться от понятия только лишь несомненно существующего и, наоборот, доказать божество несомненно существующего» (Шеллинг, 2000, c. 209–210; Schelling, 1858a, S. 159).

Показ этого и есть путь позитивной философии. Ее modus progrediendi²² принципиально отличается от такового философии негативной, основанной на анализе «что». Философия, показывающая божественность несомненно сущего, не может быть чисто рациональной философией, ограничивающейся названным анализом. Поэтому «позитивная философия как противоположность рационализма все же также не сможет не признать, что каким-то образом и в каком-то смысле является эмпиризмом»

tence of God, if the ontological proof is untenable. Here we can see that he does indeed formulate such an alternative. The fact that it is impossible to prove the existence of God proceeding from His essence, does not yet mean that it is impossible to prove that this entity belongs undoubtedly and solely to that which exists. Schelling chooses this approach to justify such belonging. In his opinion, we cannot prove that the most perfect being exists, but we can prove that what undoubtedly exists is the most perfect being: "Hence, although I cannot proceed from the concept of God to prove the existence of God I can proceed from the concept of what undoubtedly solely exists and prove vice versa the divinity of what undoubtedly exists"29 (Schelling, 1858a, p. 159).

Demonstrating this is the path of positive philosophy. Its modus progrediendi is fundamentally different from that of negative philosophy based on the analysis of the "what". The philosophy that justifies the divinity of what undoubtedly is cannot be a purely rational philosophy confined to the above-mentioned analysis. Therefore "positive philosophy as the opposite of rationalism still cannot but admit that it is empirical in some way and in some sense"30 (Schelling, 1858a, p. 126). It is directly related to experience. What is important is to understand the character of this experience. It is not, as one might think, considering the task of positive philosophy, a kind of mystical experience, for example, historically translated experience of Christ's miracles, the experience of a sense of the infinite or direct contemplation of the divine. Positive philosophy, Schelling

²² Способ продвижения (лат.).

Gottes Existenz zu beweisen, aber ich kann vom Begriff des bloß unzweifelhaft Existirenden ausgehen und umgekehrt die Gottheit des unzweifelhaft Existirenden beweisen."

³⁰ "[...] so wird sie als Gegensatz des Rationalismus doch auch nicht ablehnen können, auf irgend eine Weise und irgend einem Sinne Empirismus zu seyn."

(Шеллинг 2000, с. 171; Schelling, 1858a, S. 126). Она имеет прямое отношение к опыту. Важно только правильно понять характер такого опыта. Он не является, как можно было бы, учитывая задачу позитивной философии, подумать, каким-то определенным мистическим опытом, например исторически традированным опытом чудес Христа, опытом чувства бесконечного или непосредственного созерцания божественного. Позитивная философия, считает Шеллинг, не должна исходить из какого-либо отдельного опыта или встречающегося в опыте отдельного бытия: ее поле — это «весь опыт от начала до конца» (Шеллинг, 2000, с. 176—177; Schelling, 1858a, S. 130). В своей опоре на «весь опыт» позитивная философия не регрессивна, а прогрессивна. В этой прогрессии так понятый опыт, последовательно раскрываясь, приводит позитивно-философское исследование к тому, что, с одной стороны, трансцендентно для опыта, но, с другой, являет себя в нем как морально действующая интеллигенция - свободно творящее мир всесовершеннейшее существо.

4. Позитивная философия и перспектива преодоления онто-тео-логии

Выявив в общих чертах специфику трактовки онтологического аргумента и трансцендентального идеала у Шеллинга, мы можем спросить, насколько предложенное этим философом решение проблемы сущности и бытия Бога является новаторским и остается значимым сегодня. Сделать это мы можем в том числе опираясь на опыт исследования шеллинговской философии, проделанного такими авторами, как Ж.-Ф. Куртин и Л. Тенгели. Они же во многом связывают вопрос о возможной значимости шеллинговской мысли о Боге и обосновании его существования с проблемой онто-тео-логии и перспективами ее преодоления, а стало быть, формирования неонтотеологической метафизики. Само понятие онто-тео-ло(1858a, p. 130) argues, should not proceed from any individual experience or individual being that occurs in experience: its domain is "entire experience from beginning to end." In proceeding from "all experience" positive philosophy is not regressive but *progressive*. In this progression experience, understood in this way, progressively revealing itself, brings positive-philosophical research to what is, on the one hand, transcendental for experience, but on the other hand presents itself in it as the morally acting intelligent being (*Intelligenz*), the supremely perfect being freely creating the world.

4. Positive Philosophy and the Prospect of Overcoming Ontotheology

Having outlined the main features of Schelling's interpretation of the ontological argument and the transcendental ideal, we can now ask to what extent the solution of the problem of the essence and being of God he proposes is innovative and relevant to the present day. In doing so we may proceed from the analysis of Schelling's philosophy by such authors as Courtine and Tengelyi. They associate the question of the significance of Schelling's idea of God and proof of His existence with the problem of ontotheology and the prospect of overcoming it and hence the development of a non-ontotheological metaphysics. The concept of ontotheology, in the meaning in which it is used here, was introduced by Heidegger (1969) in his work Onto-theo-logical Constitution of Metaphysics (1956/57). In a very simplified way, the key features of metaphysics structured in this way are as follows. (1) It thinks of being from a certain foundation, the foundation being the prevailing being, God.

³¹ "die gesammte Erfahrung von Anfang bis zu Ende."

гии в том его значении, которое здесь подразумевается, было введено Хайдеггером в работе «Онто-тео-логическое строение метафизики» (1956—1957) (Хайдеггер, 1997). Весьма упрощая, можно выделить решающие особенности имеющей такое строение метафизики. (1) В ней сущее мыслится из некоторого основания, и этим основанием выступает преимущественное сущее – Бог. (2) Сама метафизика как «наука есть систематическое развитие того знания, каковым знает себя само бытие сущего и каково оно поистине есть» (Хайдеггер, 1997, с. 40). Онто-тео-логическое строение присутствует уже в древних образцах традиционной метафизики и кульминирует в системе Гегеля, которая основывается на науке логики как экспликации понятого в качестве абсолютно сущего абсолютного мышления, мыслящего себя самого. Возникает вопрос, могут ли шеллинговское прояснение возможностей применения онтологического аргумента и его учение о Боге служить если не преодолением, то хотя бы обозначением границ онто-тео-логии. Сам Хайдеггер, по крайней мере в упомянутой работе, на Шеллинга в этой связи не ссылается. О различии позитивной и негативной философии у Шеллинга он высказывается в других местах, скорее в том плане, что различие это свидетельствует о все еще метафизическом характере понятия свободы у Шеллинга (см.: Heidegger, 1997, S. 101), называя также это различие «беспомощным разделением» (hilflose Scheidung) (Heidegger, 2014, S. 96). Более того, некоторые в большей или меньшей степени зависимые от его мысли философы видят в позитивной философии Шеллинга как раз деградацию по сравнению даже с логикой Гегеля. Так, Ж. Бофре трактует ее как «идеалистическую апологию иудео-христианских представлений» (Бофре, 2007, с. 186)²³, а К.-О. Апель — как оказавшийся ре-

(2) Metaphysics as "science is the systematic development of knowledge, the Being of beings knows itself as this knowledge, and thus it is in truth" (Heidegger, 1969, p. 54). The ontotheological structure is present already in ancient specimens of traditional metaphysics and culminates in Hegel's system which is based on the science of logic as an explication of existing absolute thinking, understood as absolute and thinking itself. The question suggests itself, can Schelling's explication of the possibilities of using the ontological argument and his account of God, if not overcome, then at least mark the boundaries of, ontotheology? Heidegger himself does not refer to Schelling in the above-mentioned work. He comments on Schelling's differentiation between positive and negative philosophy elsewhere, suggesting that this difference attests that Schelling still tends to think of freedom in metaphysical terms (see Heidegger, 1997, p. 101), recognising it as "helpless division" 32 (see Heidegger, 2014, p. 96). Moreover, some philosophers, influenced by Heidegger to varying degrees, see his philosophy as degradation compared even with Hegel's logic. Thus, Jean Beaufret interprets it "as an idealistic apology of Judeo-Christian conceptions" (Beaufret, 2006, p. 88) (but see Courtine's (1990, p. 166) addition to Beaufret's judgement), and K.O. Apel (1991, p. 82n) as *gnosis* resulting from ontic reduction.³³ Nor is there any doubt that for Schelling, in a historical situation when philosophy lost its object, God occupies its place: the theological dimension of his positive philosophy can hardly be challenged (see Schelling, 1856a, p. 295n; Tengelyi, 2015, p. 163). All the more interesting is the attempt of modern thinkers to see Schelling's positive philosophy as an endeavour to break with ontotheologically

²³ Ср., впрочем, как Куртин дополняет суждение Бофре: (Courtine, 1990, p. 166).

^{32 &}quot;hilflose Scheidung."

³³ i.e. explanation of an ontic entity through another one but not through its being.

зультатом онтической редукции²⁴ гнозис (см.: Апель, 2001, с. 10, примеч.). Не вызывает сомнения и то, что для Шеллинга именно Бог в исторической ситуации утраты философией собственного предмета занимает место такового: само по себе теологическое измерение его позитивной философии едва ли можно оспорить (см.: Шеллинг, 2013, с. 233 примеч.; Schelling, 1856a, S. 295 Anm.; Tengelyi, 2015, S. 163). Тем интереснее стремление современных мыслителей увидеть в позитивной философии Шеллинга попытку порвать с онто-тео-логически устроенной метафизикой. Так, Тенгели считает, что «у позднего Шеллинга речь идет не о возвращении к онтотеологии, а, напротив, о радикальной критике онтотеологически устроенной метафизики» (Tengelyi, 2015, S. 163). Опираясь отчасти на работы Куртина и Тенгели, отчасти на труды самого Шеллинга, можно выявить по крайней мере два важных пункта, маркирующих, пусть пока хотя бы и проблематическую, значимость Шеллинга в деле преодоления онто-тео-логии как господствующей метафизики.

(1) Шеллинг радикальным образом обращает традиционный метафизический тезис о соотношении сущности и существования, декларируя в контексте своей позитивной философии приоритет существования над сущностью. У него, правда, такое обращение имеет силу только по отношению к онтологической конституции Бога, но мы знаем, что в последующей философии данный тезис был перенесен и на другой тип сущего - на человека, как это произошло, например, у Ж.-П. Сартра (Сартр, 1990, с. 319—323). Важным аспектом является то, что несомненное бытие, предшествующее любому «что», не предполагает какого-либо основания (а онто-тео-логия мыслит сущее из Бога как основания) и не нуждается в нем: оно безосновно, представляя собой «пропасть для человеческого разума» (А 613 / В 641; Кант, 1994, с. 462). Философия, исходящая из только и несомненно существующего, — это философия, которая structured metaphysics. Thus, Tengelyi (2015, p. 163) believes that "the later Schelling speaks not about returning to ontotheology but, on the contrary, about a radical critique of ontotheologically structured metaphysics." On the basis partly of the works of Courtine and Tengelyi and partly on the works of Schelling himself, we can identify at least two important points indicating the significance (admittedly still problematical) of Schelling in overcoming ontotheology as the dominant metaphysics.

(1) Schelling reverses the traditional metaphysical thesis on the relation between essence and being, declaring in the context of his positive philosophy the *priority of being over essence*. True, this is only true with respect to the ontological constitution of God, but we know that in subsequent philosophy this thesis was extended to the other type of being, man, as witnessed, for example, by Jean-Paul Sartre (2007, pp. 22-26). It is important to note that an undoubted being preceding any "what" does not imply any foundation (while ontotheology thinks of that which is with God as the foundation) and does not need it: it is baseless and "for human reason the true abyss" (A 613 / B 641; Kant, 1998, p. 574). A philosophy proceeding from only and undoubtedly existing is a philosophy which "tries to escape from the dominance of the Satz vom Grunde35"36 (Courtine, 1990, p. 166). Tengelyi believes that in putting forward baseless being devoid of the "what" as the start of the answer to the question about being as being, Schelling avoids a catholo-tinological³⁷ answer to the question that is typical

 $^{^{24}}$ То есть устраняющего бытийные феномены объяснения одного сущего из другого сущего.

³⁴ "[...] es sich beim späten Schelling nicht um eine Rückkehr zur Ontotheologie, sondern vielmehr um eine radikale Kritik der ontotheologisch verfassten Metaphysik handelt."

³⁵ Principle of reason (German).

³⁶ "[...] cherche à échapper à l'emprise du Satz vom Grunde."

 $^{^{37}}$ i.e. through explication of the essence, of the "what" (τί) of being as a whole (καθόλου). Tengelyi juxtaposes this type of metaphysics (and the understanding of what is generally) to protological metaphysics which sees what exists as such as the first intransient essence.

«пытается избежать господства Satz vom Grunde²⁵» (Courtine, 1990, р. 166). Тенгели считает, что своим выдвижением безосновного и лишенного «что» существования в качестве начала развертывания ответа на вопрос о сущем как сущем, Шеллинг уходит от католо-тинологического²⁶ ответа на этот вопрос, типичного для негативной философии, соответственно, онто-тео-логии. Он пишет: «Этой общей основной черте метафизики как негативной философии²⁷, которая должна была бы вести ко все большему преобладанию в ней католо-тинологической структуры, Шеллинг противопоставляет непредмыслимое существование» (Tengelyi, 2015, S. 158).

(2) Шеллинг показывает, что Бог по своему бытию не может быть редуцирован к содержанию своего понятия и, как у Гегеля, сам не может быть рассмотрен в качестве понятия; соответственно, его бытие не может быть адекватно обосновано, а содержание его понятия — полностью исчерпано только посредством логической экспликации сущности. Решающим тут для самого Шеллинга является то, что Бог не может быть редуцирован только к понятию необходимо существующего существа. Такое определение лишило бы Бога главного — его свободы, в том числе по отношению к своему собственному бытию, а стало быть, его жизненности и бытия личностью, а значит, и способности к творению. Поэтому, как пишет А. В. Кричевский, «главное для Шеллинга здесь состоит в том, чтобы подчеркнуть нетождественность, выявить различие понятия Бога и понятия необходимо существующего существа» (Кричевский, 2009, с. 27).

Поэтому же у Шеллинга речь не идет и о полной идентификации безусловно сущего и Бога. Здесь имеется одна очень важная тонкость, со-

of negative philosophy and hence of ontotheology. He writes: "This common basic feature of metaphysics as negative philosophy,³⁸ which was to lead to an increasing prevalence in it of a catholo-tinological structure Schelling counters with unprethinkable being or rather, unprethinkable existence"³⁹ (Tengelyi, 2015, p. 158).

(2) Schelling argues that God, based on His being, cannot be reduced to the content of His concept and, as in Hegel, cannot be considered as a concept; accordingly, His being cannot be adequately justified and the content of His concept is exhausted only by logical explication of His essence. The decisive argument for Schelling is the fact that God cannot be reduced to the notion of a necessarily existing being. Such a definition would have deprived God of the main thing, His freedom, including with regard to His own being and hence his vitality and being a personality and hence His ability to create. Therefore, as Krichevsksy (2009, p. 27) writes, "the main thing for Schelling is to stress the non-identity and reveal the difference of the concept of God from the concept of necessarily existing being."

For the same reason Schelling does not speak about the total identification of the unconditionally existing and God. This involves a very subtle distinction, namely, the meaning that is invested in the link verb "to be" in the statement that the undoubtedly existing is God. With Schelling, it does not designate complete formal identification — such that no distinction could be made between what undoubtedly exists, which in a certain sense can also be called necessary, and God as a universal being. Tengelyi (2015, p. 164) writes:

²⁵ Положение об основании (нем.).

²⁶ То есть через экспликацию сущности, «что» (τί) сущего в целом (καθόλου). Такой тип метафизики (и понимания сущего как такового) Тенгели противопоставляет протологической метафизике, рассматривающей сущее как таковое в смысле первого, непреходящего сущего.

 $^{^{27}}$ Эта черта состоит в отождествлении сущего и нечто вообще.

³⁸ This feature is identification of what is with something in general.

³⁹ "Diesem gesamten Grundzug der Metaphysik als negativer Philosophie, der zu einer zunehmenden Vorherrschaft der katholou-tinologischen Struktur in ihr führen sollte, setzt Schelling das unvordenkliche Sein oder, genauer, das unvordenklich Existierende entgegen."

стоящая в том, какой смысл вкладывается в глагол-связку «быть», когда речь идет о том, что несомненное существующее есть Бог. У Шеллинга он вовсе не является знаком полного формального отождествления - так, чтобы между несомненно существующим, которое также в известном смысле может быть названо необходимым, и Богом как универсальной сущностью нельзя было бы провести никакого различия. Тенгели пишет: «Шеллинг, правда, постигает непредмыслимо существующее также как необходимое сущее, но далек от того, чтобы заранее отождествить его с Богом» (Tengelyi, 2015, S. 164). Необходимость этого сущего не есть необходимость, заключающаяся в его понятии. Это бытие при всей его безусловности Шеллинг считает случайным, но «не как совершенно случайное, а как такое, которое лишь случайно оказывается необходимым» (Шеллинг, 2002, с. 376; Schelling, 1858б, S. 337). Именно потому, что ему не предшествовала никакая возможность самого себя, Шеллинг называет это сущее «слепо сущим» (см.: Шеллинг, 1989, с. 402; Schelling, 1861, S. 19; Tengelyi, 2015, S. 164—165). «Быть», таким образом, имеет здесь тот смысл, что абсолютный индивид есть в качестве универсальной сущности, но не совпадает с ней совершенно, он, как было сказано, по отношению к ней есть причина ее бытия. Непредмыслимое бытие и *omnitudo* realitatis суть два момента в онтологической конституции Бога. Показ того, что изначальное безусловное сущее есть в качестве omnitudo realitatis, означает раскрытие дальнейших определений в этом непредмыслимом бытии, посредством которого изначальная случайная необходимость а posteriori²⁸ обнаруживает себя как могущее быть, как определенным образом содержащая в себе потенциальность, то есть «что», сущность. Из этого для Шеллинга вытекает и то, что понятие Бога нельзя редуцировать к идущему от Аристотеля и окончательно сформировавшемуся в схоластике понятию $actus purissimus^{29}$, поскольку тогда он был бы только слепым и несвободным

²⁸ Из последующего (лат.).

"Schelling cognises the unprethinkable also as necessarily existing, but he is far from identifying it with God in advance."40 The necessity of this being is not the necessity contained in its concept. For all its unconditional character, Schelling (1858b, p. 337) considers this being to be contingent, but "not completely contingent, but only contingently necessary."41 It is precisely because it was not preceded by any possibility of itself that Schelling refers to this being as "blindly existing" (see Schelling, 1994, p. 53; cf. Schelling, 1861, p. 19; Tengelyi, 2015, pp. 164-165). "To be" here means that the absolute individual is in the capacity of universal being but is not totally identical to it, since, as has been said above, it is the cause of its being. Unprethinkable being and omnitudo realitatis are two elements in the ontological constitution of God. Demonstrating that the initial unconditional being is in the capacity of omnitudo realitatis means the revealing of further definitions in this unprethinkable being, whereby the primary contingent necessity a posteriori reveals itself as something that can be, and in a certain way containing in itself potentiality, i.e. the "what", the essence. From this it follows, for Schelling, that the concept of God cannot be reduced to the actus purissimus, going back to Aristotle and given its final shape in scholasticism, because then it would be only blind and unfree being, i.e. would not be truly itself. And yet as omnitudo realitatis it must contain in itself also what is possible, i.e. potentiality, but transitive potentiality, representing universal possibility of the being of the created world and the things in it.

It is impossible here to reconstruct the concrete relationship between unprethinka-

²⁹ Чистейшая действительность (лат.).

^{40 &}quot;[...] Schelling fasst das unvordenklich Existierende zwar auch als das notwendig Seiende auf, aber es liegt ihm fern, es von vorhinein mit Gott gleichzusetzen."

41 "[...] nicht als das schlechthin zufällige, aber doch, als

das nur zufällig das nothwendige ist."

сущим, то есть не был бы в своей истине. А именно он как *omnitudo realitatis* должен содержать в себе также и возможное, потенциальность, но потенциальность *mpанзитивную*, представляющую собой универсальную возможность для бытия сотворенного мира и вещей в нем.

Здесь нет никакой возможности реконструировать конкретное отношение между непредмыслимым бытием и *omnitudo realitatis* в Боге; можно, пожалуй, только сослаться на П. Травни, который пишет, что «Бог не может быть только "необходимо существующим", и стало быть, "слепо сущим". Если бы это было так, он был бы абсолютно несвободен. <...> Бог есть как абсолютно необходимая, так и абсолютно свободная сущность» (Trawny, 2002, S. 131—132).

Сохранение свободы Бога является, по крайней мере, как считают Куртин и Тенгели, ключевым достижением поздней философии Шеллинга, а значит, решающим шагом на пути к преодолению онто-тео-логической метафизики. Содержательно ход Шеллинга в этом направлении состоит в том, что он в своей позитивной философии переводит философские размышления о Боге из плана обоснования сущего в целом — в нечто противоположное обоснованию: в «феноменологию божественного» (cp.: Courtine, 1990, p. 166; Tengelyi, 2015, S. 163), B то, что Апель называет «великими феноменологическими начинаниями Шеллинга» (Апель, 2001, с. 10, примеч.). Свобода Бога в ее явлении (творение мира) позволяет Шеллингу видеть в Боге того, кто, несомненно существуя, является при этом также и Господом (Herrgott) бытия, кто свободен от бытия (frey gegen das Seyn). Для Тенгели, как и для М. Ришира (Richir, 1996, р. 153, 163), на которого первый сам указывает, сознание Бога как Господа бытия и, соответственно, сознание превосходящей всякое понятие его свободы связаны с неустранимой случайностью, или контингентностью бытия, которые Шеллинг изначально допускает в бытии Бога, мыслимом, с одной стороны, как необходимое, а с другой — как необходимое случайным образом, то есть такое необходимое, необходимость которого может быть в дальнейшем снята.

ble being and *omnitudo realitatis* in God; except perhaps citing Trawny who writes that "God cannot be merely 'necessarily existing' and therefore 'blindly existing'. If this were the case He would be absolutely unfree. [...] God is both an absolutely necessary and an absolutely free entity"⁴² (Trawny, 2002, pp. 131-132).

Preservation of God's freedom is, at least for Courtine and Tengelyi, the main achievement of the later Schelling's philosophy and thus the decisive step towards overcoming ontotheological metaphysics. Schelling's movement in this direction consists in that in his positive philosophy he converts philosophical reasoning about God from justification of being as a whole into something opposite: "the phenomenology of the divine" (cf. Courtine, 1990, p. 166; Tengelyi, 2015, p. 163), something Apel (1991, p. 82n) calls Schelling's "great phenomenological undertakings".43 God's freedom (as manifested in the creation of the world) enables Schelling to see in God someone who, in undoubtedly existing, is at the same time the Herrgott of being, who is free in relation to being (frey gegen das Seyn). For Tengelyi, like for Marc Richir (1996, pp. 153, 163), to whom the former himself alludes, awareness of God as the Lord of being and, accordingly, consciousness of His freedom surpassing everything, are associated with inherent contingency of being which Schelling a priori recognises in God's being seen, on the one hand, as necessary and, on the other, as necessary in an contingent way, a necessity which can subsequently be sublated.

⁴³ "[…] großartige phänomenologische Ansätze […]."

^{42 &}quot;Gott kann nicht bloß das 'nothwendig Existirende' und somit 'blind Seyende' sein. [...] Gott ist sowohl das absolut notwendige als auch das absolut freie Wesen."

5. Заключение

Полученные в ходе настоящего исследования выводы могут быть обобщены в следующих положениях.

- (1) Онтологический аргумент действительно был одной из значимых тем мышления Шеллинга. Можно констатировать, что этот философ является противником валидности традиционных форм онтологического аргумента.
- (2) Одним из главных оснований для отвержения Шеллингом этих форм выступает его согласие с тезисом о том, что даже в случае понятия всесовершеннейшего существа существование не принадлежит сущности «что», или что, в кантовской формулировке, бытие не есть реальный предикат. Соответственно, действительное существование ни в каком виде не может быть выведено из «что» как чистой возможности.
- (3) При этом Шеллинг все же позиционирует несомненное действительное существование индивидуального абсолютного сущего, упреждающее всякое мышление. Это позиционирование производится им из перспективы кантовского понятия трансцендентального идеала, действительное бытие которого, как в отличие от Канта считает Шеллинг, должно предполагаться. Такое позиционирование не является каким бы то ни было логическим выводом, но полаганием бытия вовне себя, укорененным в экстатическом характере разума. С другой стороны, это полагание нельзя рассматривать в качестве творения непредмыслимого бытия разумом.
- (4) Позиционирование несомненного бытия до мышления имеет в перспективе чистого разума рекурсивный характер, и в этом может быть усмотрена структурная аналогия его с традиционными и современными Шеллингу видами онтологического доказательства бытия Бога.
- (5) В отношении бытия Бога Шеллинг выдвигает тезис об онтологическом приоритете существования перед сущностью. Бог для него при этом не есть ни только лишенное сущности существование, ни только несуществующая актуально сущность, но есть единство того и другого, которое достигается за счет обрете-

5. Conclusion

The conclusions arrived at in the course of this research can be summed up in the following way.

- (1) The ontological argument was indeed a significant theme of Schelling's thought. It can fairly be said that this philosopher challenges the validity of traditional forms of the ontological argument.
- (2) One of the main grounds on which Schelling rejects these forms is his acceptance of the thesis that even in the case of the concept of the most perfect being existence does not pertain to essence, "what" or, to use Kant's formula, being is not a real predicate. Accordingly, real existence can never be derived from the "what" as pure possibility.
- (3) At the same time, Schelling posits undoubted real being of the individual absolute being, pre-empting all thinking. He does so proceeding from the perspective of Kant's concept of the transcendental ideal, of which real being, as Schelling believes, unlike Kant, must be assumed. Such positing is not a logical conclusion, but a positing of being outside oneself, rooted in the ecstatic character of reason. On the other hand, positing cannot be seen as the creation of unprethinkable being by reason.
- (4) The positing of undoubted being prior to thinking, in the perspective of pure reason, has a recursive character, which may be seen as a structural analogy of variants of the ontological proof, both traditional and prevalent in Schelling's time.
- (5) As regards God's being, Schelling advances the thesis on the ontological priority of existence over essence. God, for him, is neither existence without essence, nor non-existent essence; it is the unity of both achieved through God, the existing absolute individual, acquiring His essential properties, i.e. His

ния Богом как только сущим абсолютным индивидом своих сущностных определений, то есть вхождением его в свою истину. Тем самым он пытается показать, что Бог онтологически совмещает в себе как свободу, так и необходимость, причем последняя снимается в первой, которая исполняется как свобода к творению.

- (6) Шеллинг предлагает свою версию доказательства бытия Бога, согласно которой нужно показать, что обладающее превышающим всякое сомнение действительным существованием сущее и есть Бог как универсальное «что». Этот тезис обосновывает опирающаяся на «весь опыт от начала до конца» позитивная философия.
- (7) Возможно, что шеллинговская интерпретация понятия трансцендентального идеала и онтологической конституции Бога будет способна внести определенный вклад в современные онтологические дискуссии, прежде всего касающиеся преодоления онто-тео-логии господствующей метафизики, а именно за счет (а) отказа от трактовки Бога как основания (в смысле «что») сущего и (b) введения в понятие Бога и творения им мира момента контингентности.

Выявленные особенности понимания Шеллингом онтологического аргумента и его экспозиция несомненности непредмыслимого бытия, исходящая из кантовского понятия трансцендентального идеала, безусловно, содержат в себе значительную интеллектуальную интригу - особенно в отношении перспектив использования мысли философа в актуальных онтологических дискуссиях. Вместе с тем эти положения нельзя принимать как нечто само собой разумеющееся и не подлежащее дальнейшей проработке. Пока они представляют собой только результаты довольно общей реконструкции. А стало быть, еще нет возможности принять решение о том, насколько прав Шеллинг в своей интерпретации историко-философских образцов, прежде всего Декарта и Канта. В случае Канта более детальное прояснение удач и промахов шеллинговской интерпретации его философии³⁰ особенно важно, поскольку именentry into truth. In this way he seeks to prove that God ontologically combines freedom and necessity, with the latter being sublated in the former, which takes the form of freedom of creation.

- (6) Schelling offers his version of proof of the existence of God which involves demonstrating that the being that exists beyond any doubt is God as the universal "what". This thesis is grounded by positive philosophy relying on "all experience from beginning to end".
- (7) Schelling's interpretation of the concept of the transcendental ideal and ontological constitution of God may potentially contribute to modern ontological discussions, above all on overcoming the ontotheology of the prevalent metaphysics, through (a) renunciation of the interpretation of God as the foundation (in the sense of "what") of being and (b) the introduction of contingency in the concept of God and His creation of the world.

The identified features of Schelling's treatment of the ontological argument and his exposition of undoubted unprethinkable being, proceeding from the Kantian concept of the transcendental ideal, is intellectually intriguing, especially in terms of the prospects of using the philosopher's thoughts in topical ontological discussions. At the same time, these provisions cannot be taken for granted and need further study. For now, they are merely the results of a fairly general construction. So it is not yet possible to decide how right Schelling was in his interpretation of historical-philosophical models, above all Descartes and Kant. In the case of Kant a more detailed examination of the hits and misses of Schelling's interpretation of his philosophy⁴⁴ is particularly important since it may provide the key to understanding what exactly Schelling means by the ecstatic charac-

³⁰ В связи с интерпретацией философии Канта Шеллингом см. также: (Leinkauf, 1998, S. 158 – 203).

⁴⁴ On Schelling's interpretation of Kant's philosophy see also Leinkauf (1998, pp. 158-203).

но оно способно дать ключ к пониманию того, что же все-таки Шеллинг имеет в виду под экстатическим характером разума, под полаганием непредмыслимого бытия, которые вводятся у него довольно декларативно.

Шеллинг, например, настаивает на том, что Кант упростил декартовскую версию онтологического доказательства бытия Бога, выдав его за доказательство действительного существования omnitudo realitatis, тогда как у Декарта речь идет о доказательстве существования необходимой сущности. Но так ли это, является ли ход мысли Канта здесь упрощением? Не стоит забывать, что опровержению возможности онтологического доказательства бытия Бога у него предшествует экспозиция оснований спекулятивного разума для доказательства бытия высшей сущности. Ведь здесь Кант исходит как раз из понятия безусловной необходимости, к которой разум восходит от данного в опыте обусловленного к безусловному, для которого уже нет других условий. И затем существование такого безусловного рассматривается разумом в качестве необходимого. И далее разум только пытается найти, какое из всех понятий более всего соответствует понятию необходимо существующей сущности, обнаруживая в результате этого поиска, что «из всех понятий возможных вещей понятие сущности, обладающей высшей реальностью, наиболее подходит к понятию безусловно необходимой сущности...» (А 586 / В 614; Кант, 1994, С. 444). Правда, это и не доказывает тождества необходимо существующей сущности и omnitudo realitatis: такое сопоставление есть, скорее, решение разума. Но именно так понятая необходимая сущность и служит уже отправным пунктом онтологического доказательства бытия Бога, которое и в самом деле ведется в отношении omnitudo realitatis и которое опровергает Кант. Дело в том, что, по Канту, необходимое существование некоторой сущности может быть опровергнуто уже тем, что «безусловная необходимость суждений» (отношение вещи и предиката в суждении) и «безусловная необходимость вещей» (существование вещей, имеющих соответствующие предикаты) - не одно и то же. Отрицание первой из них противореter of reason, the positing of unprethinkable being which he derives in a somewhat declarative manner.

For example, Schelling maintains that Kant has simplified the Cartesian version of the ontological proof of the existence of God, passing it off as proof of the real existence of omnitudo realitatis, whereas Descartes speaks about proof of the existence of the necessary being. But is Kant's thought here really simplistic in this case? We should not forget that before refuting the ontological proof he provides an exposition of the grounds of speculative reason for proving the existence of the higher being. For here Kant proceeds from the concept of unconditional necessity towards which reason ascends from the conditional given in experience to the unconditional for which there are no longer other conditions. Then the existence of such unconditional is examined by reason as necessary. Then reason tries to determine which of all the concepts is best suited to the concept of necessarily existing being, arriving at the conclusion that "among all the concepts of possible things the concept of a being having the highest reality would be best suited to the concept of an unconditionally necessary being" (A 586 / B 614; Kant, 1998, p. 561). True, this does not prove the identity of necessarily existing being and omnitudo realitatis: the comparison is rather the decision of reason. But this is the interpretation of necessary being that forms the starting point of the ontological proof of the existence of God, which is conducted with regard to omnitudo realitatis, and which Kant refutes. According to Kant, necessary existence of a being can already be refuted by the fact that "unconditional necessity of judgements" (the relation of the thing and the predicate in a judgement) and "unconditional necessity of things" (the existence of things that have corresponding predicates) is

чиво, отрицание второй — нет. Также из первой не следует вторая, и доказать необходимость существования некоторой сущности невозможно. Но отождествление (каковы бы ни были его основания) необходимой сущности и сущности, включающей в себя всю реальность, позволяет разуму надеяться доказать существование этой сущности, поскольку существование есть также реальность, а она обладает всей реальностью. Но, как показывает Кант, существование не является реальностью, оно ничего не добавляет к понятию вещи, а объявление его таковой является следствием фундаментальной ошибки смешения логического предиката с реальным (ср.: А 593—599 / В 621—627; Кант, 1994, с. 449— 453). Именно здесь видно, что Шеллинг несколько упрощает мысль Канта. Он словно бы вырывает зерно кантовских рассуждений о возможности онтологического доказательства из его контекста: да, Кант, конечно, говорит здесь о действительном существовании сущности, содержащей все реальности, но разумным условием связи того и другого выступает отождествление понятия такой сущности и понятия необходимо существующей сущности.

Нельзя оставить без внимания и тот момент, что Шеллинг, в частности в полемике с Кантом, утверждая непредмыслимое бытие, противопоставляет его совокупной «чтойности», которую он трактует как универсальную возможность. Последнюю же он понимает как отсутствие противоречия. Такое понимание возможности он явно берет из докантовской, преимущественно лейбницеанской, философии, хотя для Канта возможность вещи никак не может исчерпываться отсутствием противоречия, которое для него выступает исключительно основанием возможности только понятия, ибо «понятие может быть пустым, если объективная реальность синтеза, посредством которого оно образуется, не доказана специально; но это доказательство, как показано выше, всегда основывается на принципах возможного опыта, а не на основоположении об анализе...» (A 596 / В 624; Кант, 1994, с. 451, примеч.). Нельзя сказать, что Шеллинг не знал об этом кантовском различии, но нельзя сказать и того, что он учел not the same thing. The negation of the former is contradictory, but the negation of the latter is not. Likewise, the latter does not follow from the former and it is impossible to prove the necessity of existence of a being. But the identification (on whatever grounds) of necessary being and being that includes all of reality gives reason the hope that it can prove the existence of this being because existence is also a reality and it possesses all reality. However, as Kant shows, existence is not reality, it does not add anything to the concept of the thing and declaring it to be a thing is the result of a fundamental error, the confusion of the logical predicate with a real one (cf. A 593-599 / B 621-627; Kant, 1998, pp. 564-567). It is here that Schelling's simplification of Kant's idea becomes evident. He seems to pluck the kernel of Kant's reasoning about the possibility of ontological proof out of the context: yes, Kant of course speaks here about the real existence of a being containing all realities, but the reasonable condition of the link between the two is identification of the concept of such being and the concept of necessarily existing being. We cannot overlook the fact that Schelling, for example, in his polemic with Kant, in asserting unprethinkable being contrasts it with overall "whatness" which he interprets as universal possibility, which he in turn interprets as absence of contradiction. He borrows this understanding of possibility from pre-Kantian, mainly Leibnizian, philosophy although for Kant the possibility of a thing cannot be exhausted by lack of contradiction, which to him is just the ground for the possibility of a concept since "it can be an empty concept, if the objective reality of the synthesis through which the concept is generated has not been established in particular; but as was shown above, this always rests on principles of possible experience and not on the principles of его, ассоциируя абсолютный субъект с действительностью, а полноту реальности — с универсальной возможностью. На самом деле вообще не вполне ясно quid juris³¹ шеллинговского использования модальных категорий относительно omnitudo realitatis и трансцендентального идеала после Канта, который отрицал их объективную значимость применительно к вещам самим по себе, и вслед за ним.

Дальнейшего обсуждения требует и то, насколько идея онто-тео-логии в том виде, в каком она была выдвинута Хайдеггером и перенята его последователями, является определяющей для понимания современного состояния метафизики, как и то, насколько преодоление такой онто-тео-логии является необходимой и преимущественной программой для онтологических исследований сегодня и в будущем. Выдвинутая Куртином и Тенгели гипотеза о преодолении традиционной онто-тео-логии в позитивной философии Шеллинга также пока остается просто гипотезой, которая только была акцентирована в настоящей статье. Конечно, нетрудно в шеллинговской критике негативной философии усмотреть определенные структурные аналогии с критикой онто-тео-логии и метафизики как все возрастающего забвения бытия у Хайдеггера. Но это сходство также может оказаться сугубо формальным, а различия здесь будут вообще более весомыми. Уже было показано, что для некоторых авторов позитивная философия Шеллинга — это гораздо более сильное скатывание философии в теологию, а значит, возможно, и в онто-тео-логию, чем даже гегелевская спекулятивная логика, такое скатывание, которое, возможно, вообще ничего не оставляет в ней философского. Не соглашаясь с такой оценкой философии позднего Шеллинга по существу, мы все-таки должны отметить, что его подход в данном контексте тоже не является беспроблемным и требует прояснения по меньшей мере некоторых моментов.

(1) Особого анализа требует шеллинговское понятие случайности, которое он применяет относительно непредмыслимого бытия, како-

analysis [...]" (A 596n / B 624n; Kant, 1998, p. 566n). It is not that Schelling was unaware of this Kantian distinction, but neither can we say that he took it into account, associating the absolute subject with reality and full reality with universal possibility. Indeed, the *quid juris* of Schelling's use of modal categories with regard to *omnitudo realitatis* and the transcendental ideal after Kant is not quite clear since Kant denied their objective significance with regard to things in themselves.

Further discussion is needed to determine to what extent the idea of ontotheology, as formulated by Heidegger and inherited by his followers, determines the understanding of the modern state of metaphysics and to what extent the overcoming of ontotheology is a necessary and primary programme for ontological studies today and in the future. The hypothesis of Courtine and Tengelyi that Schelling's positive philosophy overcomes traditional ontotheology remains a mere hypothesis which I have just put in higher relief in my article. Of course, we can readily discern in Schelling's critique of negative philosophy some structural analogies with the critique of ontotheology and metaphysics as Heidegger's progressive oblivion of being. But the similarity may turn out to be purely formal, to be outweighed by the differences. As I have shown, for some authors Schelling's positive philosophy marks a more dramatic slippage of philosophy into theology and hence perhaps into ontotheology than even Hegel's speculative logic - such that nothing philosophical is left in it. While I disagree with such an assessment of the later philosophy of Schelling in essence, I have to note that his approach in this context is not problem-free and calls for clarification, at least in certain aspects.

(1) Separate analysis is in order of Schelling's concept of contingency which he

³¹ Вопрос о праве (лат.).

вое, что и призвана показать позитивная философия, оказывается упреждающим бытием Бога. Важно при этом не только показать, насколько обоснованно такое введение случайности в онтологическую конституцию Бога и насколько это исключает его понятие как необходимо существующего существа, но также и то, насколько такая случайность может быть экстраполирована на случайность бытия мира как такового и случайность бытия вещей в нем — ведь именно в этом смысле они являются столь важными для Тенгели в деле преодоления онто-тео-логии.

- (2) Следует более детально прояснить характер необходимости, которая все же сохраняется в известном смысле за Богом у Шеллинга, пусть и как чисто случайная необходимость. Не возвращается ли тем самым то характерное для негативной философии определение Бога, которое Шеллинг как раз и пытался преодолеть? Это понятие на первый взгляд вообще является противоречивым. Возможно, отношение случайности и необходимости в Боге нужно мыслить диалектически? Но могут ли такая диалектика и ее результаты вообще быть феноменализированы, как этого, должно быть, требует неонтотеологическая метафизика? Или они снова отбросят позитивную философию от «феноменологии божественного» к конструирующей спекуляции?
- (3) Что такое «опыт от начала и до конца», «опыт целиком», к которому апеллирует позитивная философия и в котором только и может феноменализироваться то «божественное», феноменологией которого она является? Не будет ли такая феноменализация исключительно косвенной? Ответ на эти и близкие к ним вопросы может стать задачей последующих исследований.

Исследование выполнено в рамках проекта «Философия и теология в немецком классическом идеализме: история взаимодействия и взаимопроникновения», поддержанного грантом РФФИ № 20-011-00746.

- uses with regard to unprethinkable being, which is pre-empting the being of God, which positive philosophy is called upon to prove. It is important not only to show how justified the introduction of contingency in the ontological constitution of God is and whether it rules out His perception as a necessarily existing being, but also to what extent such contingency can be extrapolated to the contingency of the world being as such and the contingency of the being of things in it, for it is in that sense that they are so important for Tengelyi in overcoming onto-theology.
- (2) We should look more carefully into the character of necessity which Schelling in a certain sense ascribes to God, even as purely contingent necessity. Does it perhaps bring back the definition of God characteristic of negative philosophy which Schelling actually tried to overcome? At first glance it seems to be a contradictory concept. Perhaps the relation between the contingent and necessity in God should be thought dialectically? But then, can such dialectics and its results be phenomenalised as neo-ontotheological metaphysics apparently demands? Or will they again throw back positive philosophy from "the phenomenology of the divine" to constructing speculation?
- (3) What is "experience from beginning to end" and "the whole of experience" to which positive philosophy appeals and which alone can phenomenalise the "divine" of which it is a phenomenology? Would not such phenomenalisation turn out to be entirely indirect? Future research may give an answer to these and similar questions.

Ackowledgements. This study is part of the project "Philosophy and Theology in the German Classical Idealism: History of Interaction and Inter-Penetration" supported by the Russian Foundation for Basic Reaserch Grant N_{\odot} 20-011-00746.

Список литературы

Ансельм Кентерберийский. Соч. М.: Канон, 1995. Апель К.-О. Две фазы феноменологии // Апель К.-О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001. С. 7—32.

Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером : в 4 кн. СПб. : Владимир Даль, 2007. Кн. 1 : Греческая философия.

Канти И. Критика чистого разума // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 3.

Кричевский А. В. Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга. М.: ИФ РАН, 2009.

Кричевский А. В. Абсолютный дух сквозь лики триединства: Сравнительный анализ философско-теологических концепций Гегеля и позднего Шеллинга. М.: ИФ РАН, 2011.

Протополов И. А. Проблема онтологического доказательства и понятие о трансцендентальном идеале в философии Канта // Einai. Философия. Религия. Культура. 2012. Т. 1, № 1—2. С. 74—107.

Peзвых П. В. Поздний Шеллинг и Кант // Историко-философский ежегодник — 2002. М.: Наука, 2003. С. 280—303.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / под. ред. А. А. Яковлева. М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 319—344.

Хайдегер М. Онто-тео-логическое строение метафизики // Хайдегтер М. Тождество и различие. М.: Гнозис, 1997. С. 29—59.

Шеллинг Ф. В. Й. К истории новой философии (Мюнхенские лекции) // Соч. : в 2 т. 1989. Т. 2. С. 387-560.

Шеллинг Ф. В. Й. Философия откровения. СПб. : Наука, 2000. Т. 1.

Шеллинг Ф. В. Й. Другая дедукция принципов позитивной философии // Шеллинг Ф. В. Й. Философия откровения. СПб. : Наука, 2002. Т. 2. С. 374—398.

Шеллинг Ф. В. Й. Философия мифологии : в 2 т. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. Т. 1 : Введение в философию мифологии.

Шеллинг Φ . B. \tilde{M} . Трактат об источнике вечных истин // Esse. Философские и теологические исследования. 2018. Т. 3, № 2. С. 122—186.

Courtine J.-F. Extase de la raison : Esssais sur Schelling. Paris : Galilée, 1990.

References

Anselm of Canterbury, 2000. *Proslogion*. Complete Philosophical and Theological Treatises of Anselm of Canterbury. Translated by J. Hopkins and H. Richardson. Minneapolis: The Arthur J. Banning Press.

Apel, K.-O., 1991. Die beiden Phasen der Phänomenologie in ihrer Auswirkung auf das philosophische Vorverständnis von Sprache und Dichtung in der Gegenwart. In: K.-O. Apel, 1991. *Transformation der Philosophie. Band 1: Sprachanalytik, Semiotik, Hermeneutik.* 4. Auflage. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, pp. 79-105.

Beaufret, J., 2006. *Dialogue with Heidegger: Greek Philosophy*. Translated by M. Sinclair. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press.

Courtine, J.-F., 1990. Extase de la raison: Esssais sur Schelling. Paris: Galilée.

Fink, E., 1959. Kants Kritik des ontologischen Gottesbeweises. In: E. Fink, 1959. *Alles und Nichts. Ein Umweg zur Philosophie*. Dordrecht: Springer, pp. 134-146.

Franz, A., 1992. Philosophische Religion: Eine Auseinandersetzung mit den Grundlegungsproblemen der Spätphilosophie F. W. J. Schellings. Würzburg & Amsterdam: Königshausen und Neumann, Rodopi.

Halldén, S., 1952. Kants Kritik des ontologischen Gottesbeweises. *Theoria*, 18(1-2), pp. 1-31.

Harris, E., 1977. Kant's Refutation of the Ontological Proof. *Philosophy*, 52(199), pp. 90-92.

Heathwood, Ch., 2011. The relevance of Kant's objection to Anselm's ontological argument. *Religious Studies*, 47, pp. 345-357.

Heidegger, M., 1969. The Onto-theo-logical Constitution of Metaphysics. In: M. Heidegger, 1969. *Identity and Difference*. Translated by J. Stambaugh. New York, Evanston & London: Harper & Row Publishers, pp. 42-74.

Heidegger, M., 1996. *Einleitung in die Philosophie*. In: M. Heidegger, 1996. Gesamtausgabe. II. Abteilung. Band 27. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann.

Heidegger, M., 1997. *Besinnung*. In: M. Heidegger, 1997. Gesamtausgabe. III. Abteilung. Band 66: Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann.

Heidegger, M., 2014. Überlegungen II-VI. (Schwarze Hefte 1931-1938). In: M. Heidegger, 2014. Gesamtausgabe. IV. Abteilung. Band 94: Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann.

Henrich, D., 1960. Der ontologische Gottesbeweis. Sein Problem und seine Geschichte in der Neuzeit. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).

Fink E. Kants Kritik des Ontologischen Gottesbeweises // Fink E. Alles und Nichts. Ein Umweg zur Philosophie. Dordrecht: Springer, 1959. S. 134—146.

Franz A. Philosophische Religion: Eine Auseinandersetzung mit den Grundlegungsproblemen der Spätphilosophie F. W.J. Schellings. Würzburg: Königshausen & Neumann; Amsterdam: Rodopi, 1992.

Halldén S. Kants Kritik des ontologischen Gottesbeweises // Theoria. 1952. Vol. 18, № 1—2. P. 1—31.

Harris E. Kant's Refutation of the Ontological Proof // Philosophy. 1977. Vol. 52, № 199. P. 90—92.

Heathwood Ch. The relevance of Kant's objection to Anselm's ontological argument // Religious Studies. 2011. Vol. 47. P. 345—357.

Heidegger M. Gesamtausgabe. Frankfurt a/M: Vittorio Klostermann, 1996. Abt. II, Bd. 27: Einleitung in die Philosophie.

Heidegger M. Gesamtausgabe. Frankfurt a/M: Vittorio Klostermann, 1997. Abt. III, Bd. 66: Besinnung.

Heidegger M. Gesamtausgabe. Frankfurt a/M: Vittorio Klostermann, 2014. Abt. IV, Bd. 94: Überlegungen II—VI (Schwarze Hefte 1931—1938).

Henrich D. Der ontologische Gottesbeweis. Sein Problem und seine Geschichte in der Neuzeit. Tübingen: J. C. B. Mohr (P. Siebeck), 1960.

Leinkauf Th. Schelling als Interpret der philosophischen Tradition: Zur Rezeprion und Transformation von Platon, Plotin, Aristoteles und Kant. Münster: Lit, 1998.

Marquet J.-F. Schelling et Descartes // Les Études philosophiques. 1985. № 2 : Descartes et l'Allemagne. P. 237—250.

Röd W. Der Gott der reinen Vernunft. Die Auseinandersetzung um den ontologischen Gottesbeweis von Anselm bis Hegel. München: C. H. Beck, 1992.

Richir M. L'expérience du penser: Phénoménologie, philosophie, mythologie. Grenoble : Jérôme Millon, 1996.

Schelling F. W. J. v. Philosophie der Mythologie. Buch 1 // Sämmtliche Werke. Stuttgart ; Augsburg : J. G. Cotta, 1856a. Abt. II, Bd. 1. S. 3—572.

Schelling F. W. J. v. Abhandlung über die Quelle der Ewigen Wahrheiten // Sämmtliche Werke. Stuttgart; Augsburg: J. G. Cotta, 18566. Abt. II, Bd. 1. S. 573—590.

Schelling F. W. J. v. Philosophie der Offenbarung. Buch 1 // Sämmtliche Werke. Stuttgart ; Augsburg : J. G. Cotta, 1858a. Abt. II, Bd. 3. S. 3–530.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Krichevskii, A. V., 2009. Obraz absolyuta v filosofii Gegelya i pozdnego Shellinga [The Shape of the Absolute in the Philosophy of Hegel and late Schelling]. Moscow: Institute of Philosophy RAS. (In Rus.)

Krichevskii, A. V., 2011. Absolyutnyi dukh skvoz' liki triedinstva: Sravnitel'nyi analiz filosofsko-teologicheskikh kontseptsii Gegelya i pozdnego Shellinga [The Absolute Spirit through the Persons of the Trinity: A Comparative Analysis of the Philosophical and Theological Conceptions of Hegel and the Late Schelling]. Moscow: Institute of Philosophy RAS. (In Rus.)

Leinkauf, T., 1998. Schelling als Interpret der philosophischen Tradition: Zur Rezeption und Transformation von Platon, Plotin, Aristoteles und Kant. Münster: Lit.

Marquet, J.-F., 1985. Schelling et Descartes. *Les Études philosophiques*, 2 (Descartes et l'Allemagne), pp. 37-250.

Protopopov, I. A., 2012. The Problem of Ontological Proof and the Concept of the Transcendental Ideal in Philosophy of Kant. *Einai. Filosofiya. Religiya. Kul'tura* [Einai. Philosophy. Religion. Culture], 1 (1-2), pp. 74-107. (In Rus.)

Rezvykh, P. V., 2003. Late Schelling and Kant. *Year-book of History of Philosophy* — 2002. Edited by N. V. Motroshilova. Moscow: Nauka, pp. 280-303. (In Rus.)

Richir, M., 1996. *L'expérience du penser*. Grenoble: Jérôme Millon.

Röd, W., 1992. Der Gott der reinen Vernunft: Die Auseinandersetzung um den ontologischen Gottesbeweis von Anselm bis Hegel. München: C. H. Beck.

Sartre, J.-P., 2007. *Existentialism is a Humanism*. New Heaven & London: Yale University Press, pp. 17-72.

Schelling, F. W. J. v., 1856a. Einleitung in die Philosophie der Mythologie. Erster Band. Zweites Buch: Philosophische Einleitung in die Philosophie der Mythologie oder Darstellung der reinrationalen Philosophie. In: F. W. J. Schelling, 1856. *Sämmtliche Werke*. II. Abteilung. Band 1. Stuttgart und Augsburg: J. G. Cotta'scher Verlag, pp. 254-572.

Schelling, F. W. J. v., 1856b. Abhandlung über die Quelle der Ewigen Wahrheiten. In: F. W. J. Schelling, 1856. *Sämmtliche Werke*. II. Abteilung. Band 1. Stuttgart und Augsburg: J. G. Cotta'scher Verlag, pp. 573-590.

Schelling, F. W. J. v., 1858a. Philosophie der Offenbarung. Erster Band. In: F. W. J. Schelling, 1858. *Sämmtliche Werke*. II. Abteilung. Band 3. Stuttgart und Augsburg: J. G. Cotta'scher Verlag.

Schelling F.W.J. v. Andere Deduktion der Prinzipien der positiven Philosophie // Sämmtliche Werke. Stuttgart; Augsburg: J.G. Cotta, 18586. Abt. II, Bd. 4. S. 336—356.

Schelling F. W. J. v. Zur Geschichte der neueren Philosophie: Münchener Vorlesungen // Sämmtliche Werke. Stuttgart; Augsburg: J. G. Cotta, 1861. Abt. I, Bd. 10. S. 1–200.

Tengelyi L. Welt und Unendlichkeit: Zum Problem phänomenologischer Metaphysik. 3. Aufl. Freiburg i. B.: Karl Alber, 2015.

Trawny P. Die Zeit der Dreieinigkeit. Untersuchungen zur Trinität bei Hegel und Schelling. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2002.

Об авторе

Андрей Борисович **Паткуль**, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: a.patkul@spbu.ru

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3042-6785

Для цитирования:

Паткуль А.Б. Критика онтологического аргумента и интерпретация кантовского учения об идеале разума у Ф. В. Й. Шеллинга // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 3. С. 28-62.

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-2

© Паткуль А. Б., 2021

Schelling, F. W. J. v., 1858b. Andere Deduktion der Prinzipien der positiven Philosophie. In: F. W. J. Schelling, 1858. *Sämmtliche Werke*. II. Abteilung. Band 4. Stuttgart und Augsburg: J. G. Cotta'scher Verlag, pp. 336-356.

Schelling, F. W. J. v., 1861. Zur Geschichte der neueren Philosophie: Münchener Vorlesungen. In: F. W. J. Schelling, 1856. *Sämmtliche Werke*. I. Abteilung. Band 10. Stuttgart und Augsburg: J. G. Cotta'scher Verlag, pp. 1-200.

Schelling, F. W. J., 1990. On the Source of Eternal Truths. *The Owl of Minerva*, 22(1), pp. 55-67.

Schelling, F. W. J., 1994. *On the History of Modern Philosophy*. Translated by A. Bowie. Cambridge: Cambridge University Press.

Tengelyi, L., 2015. Welt und Unendlichkeit: Zum Problem phänomenologischer Metaphysik. 3. Auflage. Freiburg i. B. und München: Karl Alber.

Trawny, P., 2002. Die Zeit der Dreieinigkeit. Untersuchungen zur Trinität bei Hegel und Schelling. Würzburg: Königshausen & Neumann.

The author

Dr Andrei B. Patkul, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russia.

E-mail: a.patkul@spbu.ru

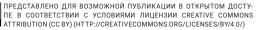
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3042-6785

To cite this article:

Patkul, A. B., 2021. Schelling's Criticism of Ontological Argument and Interpretation of Kant's Doctrine of the Ideal of Reason. *Kantian Journal*, 40(3), pp. 28-62. http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-3-2

© Patkul A. B., 2021.

УДК 1(091)

КАНТ КАК НЕМЕЦКИЙ ТЕОРЕТИК ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДОГМЫ В МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

A.H. Круглов¹

Проанализированы причины возникновения в марксистско-ленинской философии догмы о Канте как немецком теоретике французской революции, а также дано объяснение относительно поздней догматизации фразы К. Маркса. Первоначально показываются источники, повлиявшие на Маркса в его взгляде на Канта и французскую революцию, - в первую очередь К. Ф. Бахман и Г. Гейне. Затем внимание уделяется тому, в какой форме сравнения кантовской философии и французской революции имели место в России в дореволюционное время в небольшевистской среде (П. Я. Чаадаев, В. С. Межевич, братья Достоевские, В. Ф. Эрн, архиепископ Никанор, П. А. Флоренский). После этого речь идет о влиянии фразы Маркса на русскую социал-демократию и конкретно на большевиков (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, В. М. Шулятиков). Неканонический статус тезиса Маркса о Канте и французской революции в Советском Союзе первой половины XX в. демонстрируется на примере дискуссии после письма З. Я. Белецкого о третьем томе «Истории философии» (1943). Наконец, превращение фразы Маркса в догму с точным указанием ее источника фиксирует первое советское издание сочинений Канта 1960-х гг. Причиной длительного отсутствия точного указания на марксовскую цитату является то, что она содержится еще в «Философском манифесте исторической школы права» (1842), который относился к идеалистическому периоду творчества раннего Маркса.

Ключевые слова: Кант, французская революция, Маркс, русский марксизм, советский марксизм, третий том «Истории философии», В. Ф. Асмус

125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6. Поступила в редакцию: 16.04.2021 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-3

KANT AS THE GERMAN THEORIST OF THE FRENCH REVOLUTION: THE ORIGIN OF A DOGMA

A. N. Krouglov¹

The origins in Marxist-Leninist philosophy of the dogma about Kant as the German theorist of the French Revolution requires some analysis and I explain how a phrase of Marx later gave rise to the dogma. I first look at the sources that influenced K. Marx's view of Kant and the French Revolution, above all C.F. Bachmann and H. Heine. I then examine the form in which Kant's philosophy was compared with the French Revolution in the non-Bolshevik milieu before the 1917 Russian Revolution (P. Ya. Chaadayev, V. S. Mezhevich, the Dostoyevsky brothers, V. F. Ern, Archbishop Nikanor, P. A. Florensky). Then I look at how Marx's phrase influenced Russian social democrats and specifically the Bolsheviks (G. V. Plekhanov, V. I. Lenin, V. M. Shulyatikov). I cite the example of the discussion triggered by a letter of Z. Ya. Beletsky concerning the third volume of The History of Philosophy (1943) to demonstrate the non-canonical status of Marx's thesis on Kant and the French Revolution in the Soviet Union in the first half of the twentieth century. Finally, the first Soviet edition of Kant's works in the 1960s canonised Marx's phrase and gave the exact source. The reason why it took so long to give chapter and verse for the Marx quotation is that it occurs as early as 1842 in "The Philosophical Manifesto of the Historical School of Law" which belongs to the idealistic period of the early Marx.

Keywords: Kant, the French Revolution, Marx, Russian Marxism, Soviet Marxism, third volume of The History of Philosophy, V. F. Asmus

More than a hundred years after the October 1917 Revolution the attitude of those who prepared and carried out the revolution — before

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-3

 $^{^{1}}$ Российский государственный гуманитарный университет.

¹ Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia. *Received:* 16.04.2021 *e*.

По прошествии более столетия после Октябрьской революции 1917 г. вопрос о том, каково было отношение к философии И. Канта и оценка ее революционного потенциала со стороны тех, кто подготавливал и совершал эту революцию - причем как накануне ее победы, так и после нее, - остается до конца не исследованным. Тем, кто изучал марксистскую литературу в последние десятилетия существования Советского Союза, подобное утверждение может казаться явной натяжкой. Источником легитимации буржуазной философии Канта в рамках марксистско-ленинской философии того времени оказывались, в грубом виде, две цитаты – К. Маркса и В. И. Ленина. Последний подчеркнул в написанной еще в 1913 г. статье «Три источника и три составных части марксизма», что так называемая «немецкая классическая философия» наряду с классической английской политэкономией и французским утопическим социализмом являлась одним из источников и составных частей марксизма (Ленин, 1973, с. 43). Фактически Ленин лишь перафразировал слова Ф. Энгельса из его предисловия к работе «Развитие социализма от утопии к науке»: «...мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля» (Энгельс, 1961б, с. 323; Engels, 1987, S. 188). Исходя из этой перспективы, «вся школа Фейербаха, Маркса и Энгельса пошла от Канта влево, к полному отрицанию всякого идеализма и всякого агностицизма» (Ленин, 1968, с. 213). Влево означало здесь следующее: «Махисты критикуют Канта за то, что он чересчур материалист, а мы его критикуем за то, что он - недостаточно материалист. Махисты критикуют Канта справа, а мы – слева» (Там же, с. 207). Разумеется, у Ленина находился с десяток критических и резких выражений в адрес кантовской философии (агностицизм (Ленин, 1968, с. 18, 25, 59), «Кантианство = метафизика» (Ленин, 1969, с. 98), «кантианство = старый хлам» (Ленин, 1969, с. 72)),

and after the revolution — to the philosophy of Kant and the assessment of its revolutionary potential is still a moot question. This statement may raise eyebrows among those who studied Marxist literature in the last few decades of the Soviet Union. Roughly speaking, the legitimisation of Kant's bourgeois philosophy within Marxist-Leninist philosophy is based on two quotations, one from Karl Marx and the other from Vladimir Lenin. The latter, in the article "Three Sources and Three Component Parts of Marxism", written as early as 1913, stressed that the so-called "classical German philosophy" was one of the sources and component parts of Marxism along with classical English political economy and the French utopian socialism (Lenin, 1977a, pp. 23-24). In fact Lenin just paraphrased Friedrich Engels's words in the Preface to Socialism: Utopian and Scientific: "[...] we German Socialists are proud of the fact that we are descended not only from Saint-Simon, Fourier and Owen, but also from Kant, Fichte and Hegel" (Engels, 1989, p. 323). From that perspective, "the entire school of Feuerbach, Marx and Engels turned from Kant to the left, to a complete rejection of all idealism and of all agnosticism" (Lenin, 1977b, p. 204). 'To the left' means the following: "The Machists criticise Kant for being too much of a materialist, while we criticise him for not being enough of a materialist. The Machists criticise Kant from the right, we from the left" (ibid., p. 199). Needless to say, we find a dozen or so sharply critical remarks about Kant's philosophy in Lenin's works (agnosticism (Lenin, 1977b, p. 26, 33, 63), "Kantianism = metaphysics" (Lenin, 1977c, p. 109), "Kantianism = old lumber" (Lenin, 1977c, p. 383)), however, they may be set aside when one speaks about the need and significance of Kant study in the Soviet Union.

Out of the entire legacy of Marx, emphasis was put on his remark that "Kant's philosophy must be rightly regarded as the German theory

однако их все же позволительно было вынести за скобки, говоря о значении и необходимости изучения Канта в Советском Союзе.

Из всего же наследия Маркса акцент ставился на его замечании о том, будто «философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией французской революции» (Маркс, 1954, с. 88; Магх, 1981, S. 80). Более осторожен в оценках был Энгельс, говоривший не о казуальной связи, а всего лишь о «сопутствовании»: «Политической революции во Франции сопутствовала философская революция в Германии» (Энгельс, 1954, с. 537; Engels, 1981, S. 492).

Кант как основоположник «немецкой классической философии», являющейся одним из трех источников и составных частей марксизма, диалектического и исторического материализма, представивший в экономически отсталой Германии «немецкую теорию французской революции», - именно эти клише и служили в позднем Советском Союзе канонической объяснительной схемой². И если утверждение Ленина о кантианстве как источнике марксизма лишь косвенно касается главного предмета данной статьи, то слова Маркса затрагивают его напрямую. Но что и кто явились источниками вдохновения для самого Маркса в его утверждениях о Канте и французской революшии?

1. Истоки марксовского сравнения кантовской философии и французской революции

В этой интерпретации Маркс находился под сильным влиянием своего старшего друга Г. Гейне и прежде всего его произведе-

of the French revolution" (Marx, 1975, p. 206). Engels was more circumspect, speaking about "accompaniment": "The political revolution of France was accompanied by a philosophical revolution in Germany" (Engels, 1975, p. 537).

As the founder of "Classical German philosophy" (one of the three sources and component parts of Marxism, dialectical and historical materialism) Kant represented in an economically backward Germany "the German theory of the French Revolution" — these clichés were the canonical scheme in the later Soviet Union.² While Lenin's statement about Kantianism being a source of Marxism touches indirectly on the main subject of this article, Marx's words do so directly. But what and who led Marx to make his claims about Kant and the French Revolution?

1. The Sources of Marx's Comparison of Kant's Philosophy and the French Revolution

In this interpretation Marx is under the strong influence of his older friend Heinrich Heine, notably his work *On the History of Religion and Philosophy in Germany* (1834–1835). Engels also mentions Heine in *Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy* (1886) (Engels, 1990, p. 384) which introduced the term "Classical German philosophy". In 1831 Heine claimed that "our German philosophy is nothing but the dream of the French Revolution" (Heine, 2007a, p. 131). With the *Critique of Pure Reason*, according to Heine, "a spiritual revolution begins in Germany which has the oddest analogies with the material revolution

² Впрочем, по крайней мере на слова Маркса охотно ссылались и за пределами СССР, и даже до его возникновения. Достаточно упомянуть знаменитого кантоведа и сторонника этического социализма К. Форлендера, утверждавшего, что Маркс по праву называл политическую философию Канта «немецкой теорией французской революции» (Vorländer, 1912, S. 267 – 268).

² Incidentally, Marx's words were readily quoted outside the USSR and even before it was formed. One need only mention the famous Kant scholar and advocate of ethical socialism Karl Vorländer (1912, pp. 267-268) who maintained that Marx was right in referring to Kant's philosophy as "the German theory of the French Revolution".

ния «К истории религии и философии в Германии» (1834—1835). Энгельс также упоминает Гейне в своем сочинении «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» (1886) (Энгельс, 1961a, с. 274; Engels, 1962, S. 265), которое и положило начало самому термину «немецкая классическая философия». В 1831 г. Гейне утверждал, что «вся наша немецкая философия есть не что иное, как сновидение французской революции» (Гейне, 1958б, с. 154; Heine, 1972a, S. 276). С «Критикой чистого разума», согласно Гейне, «начинается духовная революция в Германии, представляющая своеобразную аналогию материальной революции во Франции, столь же важная в глазах глубокого мыслителя, как и та. Она развивается по тем же фазам, и между обеими господствует замечательнейший параллелизм» (Гейне, 1958а, с. 92; Heine, 1972б, S. 255). Вокруг «Критики чистого разума» «сосредоточились наши философские якобинцы», а поэтому Гейне без труда находит параллельную Канту личность: «Кант был нашим Робеспьером» (Гейне, 1958б, с. 154; Heine, 1972a, S. 276). Но этим немецкий поэт отнюдь не удовольствовался:

...если Иммануил Кант, этот великий разрушитель в царстве мысли, далеко превзошел своим терроризмом Максимилиана Робеспьера, то кое в чем он имел сходные с ним черты, побуждающие к сравнению обоих мужей. <...> ...Тип мещанина в высшей степени выражен в обоих: природа предназначила их к отвешиванию кофе и сахара, но судьба захотела, чтобы они взвешивали другие вещи, и одному бросила на весы короля, другому — Бога... И они взвесили точно! (Гейне, 1958а, с. 97—98; Heine, 1972б, S. 260—261).

Кант у Гейне и сам выступает неким террористом, и создает источник терроризма: «разрушитель в мире мысли» посредством «Кантовой гильотины» (Гейне, 1958б, с. 154; Heine, 1972а, S. 276), воплощение «духовного терроризма», с лихвой перекрывающего всякий «ма-

in France, and to which the serious thinker must assign equal importance. It went through the same phases, and there is the most remarkable parallelism between the two" (Heine, 2007b, p. 75). "Our philosophical Jacobins gathered around the *Critique of Pure Reason*" — so that Heine easily finds a personality to match Kant: "Kant was our Robespierre" (Heine, 2007a, p. 131). But the German poet went further:

"If [...] Immanuel Kant, the great destroyer in the realm of thought, far surpassed Maximilian Robespierre in terrorism, the two, on the other hand, had certain similarities, which invite us to compare them. [...] both demonstrate to the highest degree the type of the *petit-bourgeois* — nature had meant for them to measure out coffee and sugar, but fate forced them to weigh other things, and put a God and a King, respectively, on their scales...

And they found their true weight!" (Heine, 2007b, pp. 79-80)

With Heine, Kant is himself a kind of terrorist creating terrorism: "destroyer in the world of thought" by means of the "Kantian guillotine" (Heine, 2007a, p. 131), an embodiment of "spiritual terrorism" far exceeding any "material terrorism", "a terrorist in the realm of philosophy" ([Francke and Hollmer], 2001, pp. 496-497).

Yet Heine was not the first: his interpretation of German philosophy arose from Carl Friedrich Bachmann's work *On the Philosophy of My Time* (1816)³ which draws attention to a

³ Perhaps a still earlier source for Heine was the satirical work of Friedrich Christian Brosse: "Immortality is the tree of freedom of enlightened reason around which jubilant and happy people dance the carmagnola. At a distance Robespierre sitting on the critical throne takes away his God from the thinking public, and then in another decree again allows the faltering masses to believe in God, even coerces them into this by driving a brain screw of practical faith in reason. *One* deadly thrust of the dagger has already been delivered by Aenesidemus, *one* oppressor has already fallen! Long live Aenesidemus and Charlotte Corday. Followers of Kant! Take off your red caps! We, kind-heartede

териальный терроризм», «террорист в царстве философии» (Mitteilungen, 2001, S. 496—497).

Однако и Гейне все же не был первым: его интерпретация немецкой философии возникла на основе сочинения Карла Фридриха Бахмана³. В произведении «О философии моего времени» (1816) Бахман описывает странное обстоятельство: «...собственное воздействие "Критики чистого разума"... совпадает по времени с первыми движениями, возвещавшими Французскую революцию» (Васhmann, 1816, S. 3). В отличие от Гейне, Бахман проводит все же параллели между французской революцией и последователями Канта, а не самим кёнигсбергским мыслителем:

...возникают кровавейшие битвы, научное якобинство и терроризм, литературные убийства и гнусности, истинно площадный тон, человек вылетает за все границы конечности, полагает себя на место Бога и заставляет возникать весь мир из своих собственных мыслей, а труд, воображавший, что навсегда разрушил царство догматизма, произвел из своего собственного чрева самый безрассудный догматизм, который когда-либо видел мир» (Bachmann, 1816, S. 4).

Рассуждения Бахмана показывают, что одним из толчков для подобных сравнений философии Канта с французской революцией послужила сомнительная интерпретация пассажа из предисловия ко второму изданию «Критики чистого разума» (1787). На основе этой

strange circumstance: "[...] the impact of the *Critique of Pure Reason* coincides in time with the early movements that heralded the French Revolution"⁴ (Bachmann, 1816, p. 3). Unlike Heine, Bachmann draws parallels between the French Revolution and Kant followers and not the Königsberg thinker himself:

"[...] bloody battles break out, scientific Jacobinism and terrorism, literary assassinations and outrages, a tub-thumping tone, man exceeds all earthly limits, puts himself in place of God and makes the whole world emerge from his own thoughts, and the movement, which imagined that it had destroyed the kingdom of dogmatism once and for all, produced from its own womb the most reckless dogmatism the world had ever seen" (ibid., p. 4).

Bachman's reasoning shows that one of the impulses for such comparisons of Kant's philosophy with the French Revolution was a dubious interpretation of a passage from the preface to the second edition of the *Critique of Pure Reason* (1787). On the basis of this Kan-

royalists, believe in immortality, immortality!" (cf. "Unsterblichkeit ist der Freiheitsbaum erleuchteter Vernunft, um welchen herum die frohen und beglückten Menschen eine Karmanjole tanzen. In der Ferne sitzt ein Robespier[r]e auf einem Thron der Kritik, er nimmt dem denkenden Publikum — seinen Gott, und erlaubt darauf wieder in einem andern Dekret dem zagenden Haufen — einen Gott zu glauben, ja er torquirt die Menschen sogar dazu mit der Gehirnschraube des praktischen Vernunftglaubens. Einen tödlichen Dolchstoß hat Aenesidemus bereits vollzogen, ein Unterdrücker ist schon gefallen! Es leb' Aenesidemus und Charlotte Corday! Anhänger Kants! die rothen Mützen vom Kopf! wir gutmüthigen Roylisten glauben die Unsterblichkeit, die Unsterblikeit!") (Bonsens [Brosse], 1798, p. 31).

4 "[...] die eigentlichen Wirkungen von Kant's Kritik der reinen Vernunft [...] [sind] gleichzeitig [...] mit den ersten Bewegungen, wodurch sich die Französische Revolution

ankündigte."

⁵ "[...] es entstehen die blutigsten Kämpfe, ein wissenschaftlicher Jakobinismus und Terrorismus, literarische Todschläge und Schandthaten und ein wahrer Poissardenton, der Mensch überfliegt alle Schranken der Endlichkeit, setzt sich selbst an die Stelle Gottes, und, lässt die ganze Welt aus seinen eignen Gedanken entstehen, und das Werk, welches das Königsthum des Dogmatismus für immer gestürzt zu haben wähnte, erzeugte aus seinem eignen Schooße den kühnsten Dogmatismus, den je die Welt gesehen."

Возможно, еще более ранним источником для Гейне могло служить сатирическое сочинение Ф. Хр. Броссе: «Бессмертие — это дерево свободы освещенного разума, вокруг которого радостные и осчастливленные люди танцуют карманьолу. Вдали сидит на троне критики Робеспьер, он забирает у думающей публики — своего Бога, и после этого в другом декрете снова разрешает простым массам — верить в Бога, он даже принуждает людей к этому вкручиванием мозгового шурупа практической веры разума. Смертельный удар кинжала уже нанесен Энезидемом, тиран уже пал! Да здравствуют Энезидем и Шарлотта Корде! Последователи Канта! Снимите с головы красные шапки! Мы, добропорядочные роялисты, верим в бессмертие, в бессмертие!» (Bonsens [Brosse], 1798, S. 31).

кантовской фразы Бахман утверждает: «Что Кант пытался своей критикой осуществить в метафизике полную революцию, не подлежит сомнению, исходя из его собственных высказываний» (Васhmann, 1816, S. 26—27). Благодаря исследованию Хорста Шрёпфера (Schröpfer, 2003) ясно, что это кантовское сравнение с Коперником (В XVI; Кант, 1994, с. 18) не имеет ничего общего ни с французской революцией, ни с недвусмысленно задуманной и декларируемой революцией в философии, а является ответом на рецензию Христиана Готфрида Шютца, написанную двумя годами ранее, в 1785 г., на «Основоположение к метафизике нравов» (Schütz, 1785)⁴.

В отличие от Канта, И.Г. Фихте совершенно осознанно претендовал на то, что своим наукоучением совершает в философии революцию по примеру французов: «Моя система - это первая система свободы; как та нация [французы] разрывает внешние цепи человека, так моя система порывает охватывающие его путы вещей самих по себе, внешнего влияния, и устанавливает его в своем первом основоположении в качестве самостоятельной сущности» (Fichte, 1970, S. 298). Правда, параллели между философией Канта и «дезорганизацией» посредством французской революции проводились и ранее — например, в философских журналах антикантианской направленности, издаваемых Иоганном Августом Эберхардом (см.: Anonym, 1794; Anonym, 1795). В конце XVIII в. Фридрих Готлиб Клопшток сочинил даже такую эпиграмму:

Изменять государственное здание стали во Франции, в Германии же

Занялись подражательством, и стали изменять систему знания, замечательно⁵.

⁴ См. также письмо Шютца Канту от 18 февраля 1785 г. (АА 10, S. 399, № 237).

tian phrase Bachmann (1816, pp. 26-27) makes this claim: "That Kant by his critique tried to accomplish a total revolution in metaphysics is not open to doubt on the basis of his own utterances." Horst Schröpfer's study shows (Schröpfer, 2003) that Kant's 1787 comparison with Copernicus (B XVI; Kant, 1998, p. 110) has nothing to do either with the French Revolution or with the unambiguously conceived and declared revolution in philosophy, but is a response to the 1785 review of the *Groundwork of the Metaphysics of Morals* by Christian Gottfried Schütz (1785).

Unlike Kant, Fichte consciously claimed to have accomplished a French-like revolution by his teaching: "My system is the first system of liberty; just as that nation [the French] breaks man's external chains, so my system breaks the fetters of things in themselves, of external influence and establishes him in his very first principle as an independent being"8 (Fichte, 1970, p. 298). True, parallels between Kant's philosophy and "disorganisation" of the French Revolution had been drawn before, e.g. in anti-Kantian philosophical journals published by Johann August Eberhard (see Anonym, 1794; Anonym, 1795). In late eighteenth century Friedrich Gottlieb Klopstock even wrote this epigram:

In France they changed the structure of the State and went mad;

In Germany (in imitation) they changed the structure of some doctrines — and went mad.⁹

⁷ See also letter from Schütz to Kant of 18 February 1785 (*Br*, AA 10, p. 399, № 237).

⁹ "Ändernd den Bau des Staates ward man in Frankreich, in Deutschland / Ahmte man nach, und ward, ändernd ein Lehrgebäu, toll" (Klopstock, 1982, p. 58, № 177).

⁵ «Ändernd den Bau des Staates ward man in Frankreich, in Deutschland / Ahmte man nach, und ward, ändernd ein Lehrgebäu, toll» (Klopstock, 1982, S. 58, № 177).

⁶ "Daß Kant durch seine Kritik in der Metaphysik eine gänzliche Revolution zu bewirken suchte, ist aus seinen eignen Aeußerungen unzweifelhaft."

^{8 &}quot;Mein System ist das erste System der Freiheit; wie jene Nation [Frankreich] von den äußeren Ketten den Menschen losreißt, reißt mein System ihn von den Fesseln der Dinge an sich, des äußeren Einflusses los, und stellt ihn in seinem ersten Grundsatze als selbständiges Wesen hin."

А 3 января 1796 г. немецкий писатель и журналист Людвиг Фердинанд Губер в анонимно опубликованной во влиятельном французском печатном органе того времени «Le Moniteur Universel» статье писал, что знаменитый Кант произвел в Германии духовную революцию, подобную революции во Франции, причем кёнигсбергский мыслитель выступил при этом сторонником республиканского устройства ([Huber], 1796)6.

Тем не менее не следует упускать из виду, что тон подобных сравнений во времена революции и во времена Гейне, равно как и в разных странах — во Франции и в Германии — нередко был полностью противоположным: «В новейшее время, — писал Карл Розенкранц в середине XIX в., — стало очень модно параллелизировать ход развития немецкой философии начиная с Канта с французской политикой и из этого выводить славу немецкой философии. Но тогда (во времена Канта. — А.К.), однако, этим подразумевали совсем иное, и подобное сравнение было сопоставимо с доносом о деструктивной тенденции...» (Rosenkranz, 1840, S. 355).

2. Домарксовские параллели кантовской философии и французской революции в дореволюционной России

Известно ли было в дореволюционной России об этих домарксовских сопоставлениях кантовской философии и французской революции? С большой симпатией об этих сравнениях, нередко с прямыми ссылками на Гейне, высказываются такие разные мыслители, как философ-западник П. Я. Чаадаев (Чаадаев, 1991, с. 94), писатель и литературный критик

On 3 January 1796 the German writer and journalist, Ludwig Ferdinand Huber, in an anonymous article in *Le Moniteur Universel*, an influential French magazine of the time, wrote that the famous Kant carried out in Germany a spiritual revolution similar to the revolution in France, with the Königsberg thinker advocating the republican order ([Huber], 1796).¹⁰

Even so, we should not overlook the fact that during the revolution and Heine's time the tone of such comparisons in France was often the exact opposite of that in Germany: "In modern times", wrote Karl Rosenkranz (1840, p. 355) in the mid-nineteenth century, "it has become fashionable to draw parallels between the development of German philosophy, starting with Kant, and French politics and derive from this the glory of the German philosopher. But then (during Kant's time -A.K.) it had a totally different implication and such comparison was tantamount to a denunciation of a *destructive tendency* [...]."¹¹

2. Pre-Marxian Parallels between Kantian Philosophy and the French Revolution in Pre-revolutionary Russia

Were these comparisons between Kantian philosophy and the French Revolution known in pre-revolutionary Russia? Great sympathy for these comparisons, often with direct references to Heine, were expressed by such diverse thinkers as the pro-Western philosopher Petr Ya. Chaadayev (1991, p. 94), the writer and literary critic Vasily S. Mezhevich (1833,

⁶ Алексис Филоненко замечает в этой связи, что здесь впервые произведено сравнение французской революции и коперниканской революции Канта (Philonenko, 1972, p. 265 note).

¹⁰ Alexis Philonenko (1972, p. 265n) notes in this connection that it is the first comparison of the French Revolution and Kant's Copernican revolution.

¹¹ "In neuerer Zeit ist sehr beliebt geworden, den Entwicklungsgang der Deutschen Philosophie von Kant ab mit dem der Französischen Politik zu parallelisiren und den Deutschen Philosophen einen Ruhm daraus zu machen. Damals aber meinte man dies ganz anders und spielte den Vergleich in das Denuncirende einer destructiven Tendenz […]."

В. С. Межевич (Межевич, 1833, с. 396), поздний славянофил В. Ф. Эрн (Эрн, 1991, с. 311) или православные священники архиепископ Никанор (Бровкович) (Никанор, 1888, с. 385-386) и П. А. Флоренский (Флоренский, 2007, с. 33—34). Пересказ статьи Гейне об этих параллелях между кантовской философией и французской революцией опубликовал в издаваемом вместе с братом Михаилом Михайловичем журнале и Федор Михайлович Достоевский (Гейне, 1864). Ни один из упомянутых мыслителей марксистом не был. Литературный критик и публицист Д. И. Писарев находится в рамках русской мысли, скорее, в гордом одиночестве, когда он в 1867 г. в связи с интерпретацией Гейне говорит о «ребяческих сближениях» или «приятной и затейливой выдумке» (Писарев, 2005, с. 434).

Эта ребяческая и затейливая выдумка доводится до своего завершения в романе М. А. Алданова «Девятое термидора» (1921). Главный герой произведения — молодой дипломат Штааль — по пути во Францию около 1793 г. оказывается в Кёнигсберге, где на улице неожиданно встречается с Кантом и начинает с ним беседу. В ней Кант говорит русскому дипломату:

Робеспьер, Дантон... Я думаю, они неплохие люди. Они заблуждаются, только и всего: почему-то вообразили себя революционерами. Разве они революционеры? Они такие же политики, такие же министры, как те, что были до них, при покойном короле Людовике. Немного лучше или, скорее, немного хуже. И делают они почти то же самое, и хотят почти того же, и душа у них почти такая же. Немного хуже или, скорее, немного лучше... Какие они революционеры?

- Кто же настоящие революционеры? спросил озадаченный Штааль.
- Я, сказал старик серьезно и равнодушно, как самую обыкновенную и само собой разумеющуюся вещь (Алданов, 2002, с. 59).

Свое необычное утверждение Кант аргументировал в романе так:

p. 396), the later Slavophile Vladimir F. Ern (1991, p. 311) or Orthodox priests Archbishop Nikanor (Brovkovich) (1888, pp. 385-386) and Pavel A. Florensky (2007, pp. 33-34). A rendering of Heine's article about these parallels between Kant's philosophy and the French Revolution was printed by Fyodor Dostoevsky and his brother Mikhail in the journal they published together (Heine, 1864). None of the above-mentioned thinkers were Marxists. The literary critic and public commentator, Dmitry Pisarev, was perhaps alone in the framework of Russian thought when in 1867, commenting on Heine's interpretation, he wrote about "childish comparisons" and "a pleasant and fanciful invention" (Pisarev, 2005, p. 434).

The childish and fanciful invention is carried to its limit in Mark Aldanov's novel The Ninth of Thermidor (1921). The main character, a young diplomat by the name of Staal, en route to France circa 1793, finds himself in Königsberg, where he accidentally meets Kant in the street and engages him in a conversation. Kant says to the Russian diplomat:

"Robespierre, Danton... I think they are not bad fellows. They are deluded, that's all: they have imagined themselves to be revolutionaries. Are they really revolutionaries? They are just the same politicians, the same ministers as there were before them under the late King Louis. A bit better or, rather, a bit worse. And they do almost the same and they wish the same and their souls are almost the same. A bit worse or perhaps a bit better. They are no revolutionaries."

"Who are the real revolutionaries?" a puzzled Staal asked.

"I am," said the old man seriously and nonchalantly as if it was something ordinary that should be taken for granted (Aldanov, 2002, p. 59).

In the novel, Kant elaborates his startling statement:

Это очень распространенное заблуждение, будто во Франции происходит революция... Признаюсь вам, я сам так думал некоторое время и был увлечен французскими событиями. Но теперь мне совершенно ясен обман, и я потерял к ним интерес. Во Франции одна группа людей пришла на смену другой группе и отняла у нее власть. Конечно, можно называть такую смену революцией, но ведь это все-таки несерьезно. Разумеется, я и теперь желал бы, чтоб во Франции создалось правовое государство, более или менее соответствующее идеям Монтескьё. Но, согласитесь, это все не то... Почему эти люди не начнут революции с самих себя? И почему они считают себя последователями Руссо?.. Руссо, — сказал он с уважением, - имел в виду совершенно другое. <...>

Только в моем учении — подлинная революция, революция духа. И потому самые вредные, самые опасные люди это не Дантон и не Робеспьер, а те, которые мешают мне высказывать мои мысли. Разве можно запрещать произведения Канта?.. (Там же).

Примеров, противоположных этой доминирующей стилизации в духе Гейне, в русской литературе очень мало. Скорее исключением оказываются размышления в романе А. Н. Толстого «Хмурое утро» (1941): «...философия-то, логика-то корректируются, как стрельба, видимой целью, глубоким познанием жизненных столкновений... Революция — это тебе не Эммануил Кант!» (Толстой, 1947, с. 33).

Толкование Алданова отличалось от предшествующих тем, что, хотя оно и было навеяно в том числе Гейне, однако, в отличие от других поклонников немецкого поэта, писатель основывался здесь на знании некоторых кантовских произведений, включая те, в которых содержались кантовские высказывания о французской революции. Равным образом на исторический материал опиралась и некая революционизация философии Канта в России со стороны А. И. Герцена. Он сравнивает внешний облик Канта и Робеспьера (Герцен, 1954, с. 305), но, похоже, не на основе Гейне. В «Былом и думах» (1855) Герцен вспоминает «Кан-

"It is a widespread misconception that what is happening in France is a revolution... I confess that I myself thought that way and was carried away by the French events. But now I understand it is all a cheat, and I have lost interest in them. In France one group of people has replaced another group and has seized power from it. Of course you can call this change a revolution, but this is not serious. Surely, I still would like to see a law-governed state in France corresponding more or less to the ideas of Montesquieu. But you would agree, wouldn't you, that this is not the real stuff?... Why don't these people begin the revolution with themselves? And why do they consider themselves to be the followers of Rousseau?... Rousseau, he said respectfully, had something totally different in mind" [...].

"Only my teaching is a genuine revolution, the revolution of the spirit. That is why the most harmful, the most dangerous people are not Danton or Robespierre, but those who prevent me from expressing my thoughts. How can you forbid Kant?..." (ibid.).

There are very few voices in Russian literature that challenge the prevalent Heine-like stylisation. One such exception is the reflections in Alexei Tolstoy's novel *A Gloomy Morning* (1941): "[...] philosophy, logic is corrected, like shooting, by the visible target, deep insight into life's clashes... Revolution is not your Immanuel Kant!" (Tolstoy, 1947, p. 33).

Aldanov's interpretation differed from previous ones because, although it did take its cue from Heine, among others, unlike other fans of the German poet, he knew some of Kant's works, including those which contained Kant's remarks about the French Revolution. Likewise, Herzen proceeded from historical material in tending to revolutionise Kant's philosophy. He compares the appearance of Kant and Robespierre (Herzen, 1956, p. 295), but it is unlikely that his words derive from Heine. In *My Past and Thoughts* (1855) Herzen (1982, p. 532) recalls "Kant taking off his velvet cap at the news of the proclamation of the republic in 1792 and repeat-

та, снявшего бархатную шапочку при вести о провозглашении республики 1792 года и повторившего "ныне отпущаеши" Симеона-богоприимца» (Герцен, 1957, с. 299; ср. Лк. 2: 29—32). Он не указал никакого источника, однако его можно восстановить. В рецензии на биографию Канта Ф. В. Шуберта известный историк, публицист, «летописец» своего времени и прекрасный знаток русской культуры Карл Август Фарнхаген фон Энзе передал рассказ, слышанный им около 1818 г. от знавшего Канта Фридриха Августа фон Штэгемана:

Когда через газеты было сообщено о провозглашении Французской республики, Кант, который ко всем событиям Французской революции относился с теплым участием, со слезами на глазах сказал нескольким своим друзьям, среди которых был также и Штэгеман: «Сейчас я могу сказать, как Симеон: Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, после того как я видел этот день спасения». Для него во Французскую революцию вплелись все важные устремления человечества, и он надеялся на то, что они, почти потерянные в преступлениях анархии, будут спасены снова при переходе к упорядоченному правительству (Varnhagen von Ense, 1843, S. 755; ср. в иной редакции: Varnhagen von Ense, 1869, S. 187).

Оказали ли эти домарксовские сравнения и параллели кантовской философии и французской революции влияние на российскую социал-демократию?

3. Русские социал-демократы и взгляды Маркса на отношение Канта к французской революции

Продолжая традиции Алданова, А. Белого и А. А. Блока (см.: Круглов, 2010), австрийский прозаик и драматург Томас Бернхард в пьесе «Иммануил Кант» (1978) описывает путешествие кёнигсбергского философа с супругой и попугаем на корабле в Америку. Одно из кантовских размышлений где-то в Атлантике звучит в этой пьесе так:

ing, 'Now lettest Thou Thy servant depart'¹²." He does not indicate the source, but it can be restored. In the review of the Kant biography by Friedrich Wilhelm Schubert, Karl August Varnhagen von Ense, a well-known historian, journalist, "chronicler" of his time and a connoisseur of Russian culture, relates an account he had heard circa 1818 from (Christian) Friedrich August von Staegemann who knew Kant:

When the newspapers reported the establishment of the French Republic Kant, who had warm sympathy for all the events of the French Revolution, told several of his friends, among whom was Staegemann: "Now I can say like Simeon: 'Lord, now you are letting your servant depart in peace, according to your word, for my eyes have seen your salvation.'" For him all the important aspirations of mankind were intertwined with the French Revolution, and he hoped that these, almost lost in the crimes of anarchy, would be saved again in the transition to an ordered government¹³ (Varnhagen von Ense, 1843, p. 755; cf. in a different edition: Varnhagen von Ense, 1869, p. 187).

Did these pre-Marxian comparisons and parallels between Kant's philosophy and the French Revolution have an impact on the Russian Social-Democrats?

3. Russian Social-Democrats and Marx's Views on Kant's Attitude to the French Revolution

Following the tradition of Aldanov, Andrey Bely and Alexander Blok (see Krouglov, 2010), the Austrian novelist and playwright Thomas

¹² Cf. Luke 2: 29-32.

[&]quot;Als die Stiftung der Französischen Republik durch die Zeitungen verkündet wurde, sagte Kant, der allen Erscheinungen der französischen Ravolution warmen Anteil gewidmet hatte, mit Tränen in den Augen zu mehreren Freunden, unter denen auch Stägemann war: 'Jetzt kann ich sagen, wie Simeon: Herr, lasse Deinen Diener in Frieden fahren, nachdem ich diesen Tag des Heils gesehen!' Ihm waren in die französische Revolution alle wichtige Anliegen der Menscheit verflochten, und er glaubte diese, in den Gräueln der Anarchie fast verlorenen, durch den Uebergang in geordnete Regierung wieder gerettet."

Вот я социалист истинный и действительный социалист все прочее заблуждение И коммунизм тоже только модная блажь Маркс негодник А этот бедный слабоумный Ленин совершенно превратно меня истолковал (Бернхард, 1999, с. 273)

Оправданны ли были возмущения литературного Канта в пьесе Бернхарда?

В значительной степени позиция русской социал-демократии по отношению к Канту определялась двумя фигурами — Г. В. Плехановым и Лениным. Кантовская философия затрагивается в целом ряде сочинений Плеханова с 1898 по 1916 г. – в примечаниях к русскому переводу сочинения Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» (1-е издание — 1892 г., 2-е издание — 1905 г.), статьях «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса» (1898), «Материализм или кантизм» (1899), «Сапt против Канта или духовное завещание г. Бернштейна» (1901), «Еще о войне» (1915), а также предисловии к книге А. М. Деборина «Введение в философию диалектического материализма» (1916). Однако во всех этих многочисленных работах мне не известно никаких попыток Плеханова сблизить немецкую философию Канта и французскую революцию. Более того, в отличие от Ленина Плеханов иначе видел историческую роль немецкой классической философии: не ее, а материализм Спинозы он рассматривал в качестве источника марксизма (см.: Плеханов, 1956а, с. 386; Плеханов, 1957б, с. 75—76)⁷. В примечаниях к собственному переводу Энгельса он подчеркнул: «...в своей книге о Германии Гейне гораздо больше распространяется о революционном, <- очень преувеличенное им,> - значении Канта (его "Критики чистого разума"), чем Гегеля» (Плеханов, 1956б, с. 453). Некоторое соBernhard in his play *Immanuel Kant* (1978) describes Kant's journey to America on board a ship together with his wife and parrot. One of Kant's reflections somewhere in the middle of the Atlantic goes like this:

I am a socialist a true and a real socialist all the rest is delusion Communism is also a fad Marx is a rascal And the poor feeble-minded Lenin totally perverted me¹⁴ (Bernhard, 1983, p. 633)

Did the literary Kant in Bernhard's play have a point?

The attitude of Russian Social-Democrats to Kant was to a large extent determined by two figures, Georgy V. Plekhanov and Lenin. Plekhanov touches upon Kant's philosophy in many works written between 1898 and 1916, in notes for the Russian translation of Engels's Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy (1892, 21905), the articles "Conrad Schmidt Versus Karl Marx and Frederick Engels" (1898), "Materialism or Kantianism", "Cant against Kant or Herr Bernstein's Will and Testament" (1901), "More about the War" (1915), and the foreword to Abram M. Deborin's book Introduction to the Philosophy of Dialectical Materialism (1916). However, in all these numerous works I have not found any attempts to link Kant's philosophy and the French Revolution. Moreover, Plekhanov had a different view of the historical role of Classical German philosophy than Lenin: he consid-

⁷ См. об этом подробнее: (Krouglov, 2018).

[&]quot;Ich bin Sozialist der wahre der tatsächliche Sozialist alles andere ist ein Irrtum Und der Kommunismus ist eine Modetorheit Marx ein Tunichtgut Der arme schwachsinnige Lenin hat mich total mißverstanden".

поставление французской революции и немецкой философии у Плеханова все же встречается, однако без констатации какого-то влияния или каузальных связей, а скорее с акцентом на огромных различиях: «Во Франции одна революция сменяла другую, потрясая и волнуя весь мир, а в это время в Германии происходила бескровная борьба философских систем: одна система заменяла другую, — Кант вытеснял Вольфа, Фихте вытеснял Канта, Гегель вытеснял Фихте, и эта борьба тоже страшно волновала мир — мир ученых и студентов философского факультета» (Плеханов, 1928, с. 327).

Мне не известно также ни единого обращения Ленина к цитате Маркса о философии Канта как «теории французской революции». Большевики, которые все же рассуждали на темы революции в рамках тех или иных историко-философских истолкований, вообще приходили к радикально иным выводам, нежели сам Маркс в конкретных оценках кантовской философии. Владимир Михайлович Шулятиков в сочинении «Оправдание капитализма в западноевропейской философии (от Декарта до Э. Маха)» объявил Канта представителем и выразителем мануфактурной философии, поскольку именно мануфактура процветала в экономически отсталой Германии времен кёнигсбергского философа. Именно здесь и содержится источник схематического построения философии Канта: «...вся "Критика чистого разума" есть не что иное, как учение о том, с помощью сколь многоразличных, расположенных в последовательном, иерархическом порядке организаторских инстанций субъект превращает хаос внешнего мира в нечто цельное и стройное. Картина сложной организации мануфактурных мастерских воспроизводится в деталях» (Шулятиков, 1908, с. 75-76). Через три года после начала первой русской революции Шулятиков заявил: «Область философии — настоящая Бастилия буржуазной идеологии. До сих пор для штурма ее сравниered Spinoza's materialism and not Classical German philosophy to be a source of Marxism (see Plekhanov, 1974a, p. 363; Plekhanov, 1976, pp. 72).15 In the notes to his own translation of Engels he stressed: "[...] in his book on Germany, Heine dwells far more on the revolutionary significance [which he greatly exaggerated] of Kant (his Criticism of Pure Reason) than of Hegel" (Plekhanov, 1974b, p. 430). Still, Plekhanov does occasionally compare the French Revolution with German philosophy though he does not write about any influences or causal links, but rather stresses the huge differences: "In France one revolution followed another, shaking and agitating the world, whereas in Germany a bloodless clash of philosophical systems was taking place: one system was replacing another – Kant was ousting Wolff, Fichte was ousting Kant and Hegel was ousting Fichte and this struggle terribly excited the world, the world of scholars and philosophical students" (Plekhanov, 1928, p. 327).

Similarly, I am not aware of Lenin ever turning to Marx's quotation about Kant's philosophy as "the theory of the French Revolution". The Bolsheviks, insofar as they reflected on revolution in the framework of various historical-philosophical interpretations, arrived at conclusions that were radically different from Marx's in assessing Kant's philosophy. Vladimir M. Shulyatikov in his book Justification of Capitalism in West European Philosophy (From Descartes to E. Mach) declared Kant to be a representative and proponent of manufactory philosophy because manufacture flourished in economically backward Germany during Kant's time. Herein lies the source of Kant's philosophical schema: "[...] the whole Critique of Pure Reason is but a teaching about how, with the aid of diverse organisational instances arranged in a sequential, hierarchical order, the subject turns the chaos of the external world

¹⁵ For more on this see Krouglov (2018).

тельно мало сделано. И момент решительного штурма еще не наступил. Но, во всяком случае, он приближается. И от нас, марксистов, зависит его наступление» (Там же, с. 148—149). Обращение это означает в том числе разоблачение мелкобуржуазной философии вроде кантовской как такой философии, которая выражает и защищает интересы чуждых классов⁸.

Таким образом, догмой цитата Маркса про «немецкую теорию французской революции» стала уже после победы революции в России и в качестве канонической окончательно утвердилась лишь после окончания Великой Отечественной войны. Это явным образом доказывает история, приключившаяся во время войны с третьим томом «Истории философии».

4. Кант и французская революция в третьем томе «Истории философии» (1943)

Если обратиться к влиятельному учебнику диалектического материализма начала 1930-х гг. под редакцией М.Б. Митина, может сложиться впечатление, что уже тогда каноническая оценка вопроса о Канте и французской революции вполне сложилась. Так, по отношению ко всей немецкой философии от Канта до Г.В.Ф. Гегеля в разделе «Исторические корни марксизма», следующем за разделом «Три источника и три составных части марксизма», утверждается: «Классическая немецкая философия прорывает под влиянием Великой французской революции метафизический тупик буржуазной теории. Но она прорывает метафизику на идеалистической основе, отождествляя развитие бытия с развитием

into something whole and streamlined. The picture of the complex organisation of manufactory workshops is reproduced in detail" (Shulyatikov, 1908, pp. 75-76). Three years after the beginning of the First Russian Revolution Shulyatikov said: "The area of philosophy is a veritable Bastille of bourgeois ideology. To date comparatively little has been done to storm it. The moment for a decisive storm has not yet come. But it is certainly approaching. Its arrival depends on us Marxists" (*ibid.*, pp. 148-149). In a certain way this statement exposes petty bourgeois philosophy such as Kant's as a philosophy that expresses and defends the interests of alien classes. ¹⁶

So, Marx's quotation about "the German theory of the French Revolution" did not become a dogma until after the victory of the Russian Revolution and finally became canonised only after the end of World War II. This is amply borne out by the affair with the third volume of *The History of Philosophy* during the war.

4. Kant and the French Revolution in the Third Volume of *The History of Philosophy* (1943)

If we turn to the influential early 1930s text-book, *Dialectical and Historical Materialism*, edited by Mark B. Mitin we may get the impression that the canonical view of the issue of Kant and the French Revolution was firmly established by the 1930s. Thus, with regard to the whole of German philosophy from Kant to Hegel the section "Historical Roots of Marxism" following the section on "The Three Sources and Three Component Parts of Marxism"

⁸ Ср. Плеханов о Шулятикове: «У него выходит так, что когда Кант писал о нуменах и феноменах, то он не только имел в виду различные общественные классы, но также — по выражению старухи-чиновницы Г. Успенского — "норовил в карман" одного из этих классов, именно буржуазии» (Плеханов, 1957а, с. 325). Плеханов ссылается на персонажа Г.И. Успенского в его произведении «Разоренье» (1869).

¹⁶ Cf. Plekhanov (1976b, p. 305) on Shulyatikov: "According to him, when Kant wrote about noumena and phenomena, he not only had in mind various social classes, but also, to use the expression of the old wife of one of Uspensky's bureaucrats, he 'aimed at the pocket' of one of these classes, namely, the bourgeoisie." Plekhanov was referring to a character from Gleb I. Uspensky's book of essays and stories *Ruination* (1869).

мышления» (Диалектический и исторический материализм, 1934, с. 17). В свою очередь, в разделе «Дуализм Канта и современное кантианство» без указания названия работы говорится: «Маркс недаром называл философию Канта "немецкой теорией французской революции". Она одной рукой свергает бога, другой снова возводит его на трон; она пытается оттолкнуться от идеализма, но отшатывается в ужасе от стоящего перед ней материализма и вновь погружается в пучину идеалистических спекуляций» (Там же, с. 63). Однако начавшаяся война существенно изменила ситуацию.

В 1943 г. Институт философии АН СССР выпустил третий том «Истории философии», большая часть которого была посвящена как раз немецкой классической философии9. Том содержал краткое предуведомление «От редакции»: «Настоящий том выходит в суровые дни Великой Отечественной войны против фашистских захватчиков. Затопившие мир в море крови и слез фашистские варвары оскверняют все лучшие идеалы и достижения европейской культуры. Грязным сапогом растоптали они былые культурные традиции Германии» (От редакции, 1943). Главу о Канте в этом издании написал В. Ф. Асмус, который несколькими месяцами ранее уже опубликовал брошюру «Фашистская фальсификация классической немецкой философии». Это небольшое сочинение во многом воспроизводит тезисы Асмуса из его более ранней статьи «Философская культура под сапогом фашизма» (Асмус, 1936). Асмус продолжил в брошюре также и дело Г.К. Баммеля, опубликовавшего в 1936 г. статью «О фашизации истории философии в Германии». В работе Баммеля присутствуют многочисленные цитаты из Маркса и Энгельса, однако интересующая нас цитата из «Философского манифеста исторической школы права» дана лишь как парафраз: «Пролетариат может гордиться тем, что, несмотря на мещанскую ограни-

makes this claim: "Classical German philosophy, under the influence of the Great French Revolution, breaks the methodological deadlock of bourgeois theory. But it does so on the idealistic basis, identifying the development of being with the development of thought" (Mitin, 1934, p. 17). The section "Kant's Dualism and Modern Kantianism" claims, without citing chapter and verse: "It was no accident that Marx called Kant's philosophy 'the German theory of the French Revolution'. With one hand it overthrows God and with the other again enthrones him, it tries to distance itself from idealism, but shrinks in horror in the face of materialism to plunge again in the mire of idealistic speculations" (ibid., p. 63). However, the start of the war brought a significant change to the situation.

In 1943 the USSR Academy of Sciences' Institute of Philosophy published the third volume of The History of Philosophy, most of which was devoted to Classical German philosophy.¹⁷ The volume contained a short prefatory note "From the Editors": "This volume is coming out in the grim days of the Great Patriotic War against the Fascist invaders. The Fascist barbarians, who have flooded the world in a sea of blood and tears, are desecrating the best ideals and achievements of European culture. They have trampled down with their dirty jackboot the former cultural traditions of Germany" (Aleksandrov, et al., 1943). The chapter on Kant in this book was written by Valentin F. Asmus, who had several months earlier published a pamphlet Fascist Falsifiction of Classical German Philosophy. This short work is in many ways a recap of his theses in an earlier article "Philosophical Culture under the Fascist Jackboot" (Asmus, 1936). In the pamphlet Asmus also picks up the topic of Grigory K. Bammel who had published an article "On Fascisation of the History of Philosophy in Germany" in

⁹ См. об этом подробнее: (Круглов, 2020).

¹⁷ For more on this see Krouglov (2020).

ченность и тупость прусской монархии, наложивших сильную печать на философию Канта, Фихте и Гегеля, в их философских системах были сформулированы идеи, прогрессивные для своего времени, отражавшие на немецкой почве идеологию Великой французской революции, европейских буржуазных революций» (Баммель, 1936, с. 242). В свою очередь, Асмус в брошюре 1942 г. лишь подчеркнул: «Этот исторический Кант, апологет и пропагандист рассудка, немецкий теоретик Просвещения и буржуазной французской революции, не нужен современному фашизму» (Асмус, 1942, с. 17).

В главе о Канте в «Истории философии» критика сведена до минимума, насколько это вообще возможно, хотя и присутствует как в собственно главе о Канте, так и в главе о Гегеле:

Лучшие умы Германии первой половины XIX в. не смогли устоять против национальной немецкой стихии — филистерства. Двойственность и половинчатость Канта, филистерские черты Гёте, кичливый национализм Фихте, мракобесие позднего Шеллинга, преклонение Гегеля перед реакционным прусским государством — все это явления одного порядка: дань политической отсталости Германии в ее бюргерской косности ([Быховский?], 1943, с. 301).

Асмус подчеркивает, что французская революция стала одним из трех событий, нарушивших распорядок тихой жизни кёнигсбергского философа: «В событиях Французской революции Кант видел попытку исторического осуществления новых идеалов права и гражданского порядка. Кант не скрывал своего сочувственного отношения к перевороту 1789 г., а в сочинении, посвященном проблемам права, решительно отвергал феодальные наследственные привилегии» ([Асмус], 1943, с. 60). Однако обсуждение вопросов революции велось Кантом в «крайне абстрактной философской форме» (Там же), что позволило ему избежать преследований со стороны прусского короля.

1936. Bammel's work is replete with quotations from Marx and Engels, but the quotation from "The Philosophical Manifesto of the Historical School of Law" is only paraphrased: "The proletariat can be proud that, in spite of the philistine narrow-mindedness and stupidity of the Prussian monarchy which left a strong imprint on the philosophy of Kant, Fichte and Hegel, their philosophical systems formulated the ideas that were progressive for their time reflecting on German soil the ideology of the Great French Revolution, the European bourgeois revolutions" (Bammel, 1936, p. 242). In turn, Asmus (1942, p. 17) in his pamphlet merely stressed: "Modern Fascism does not need this historical Kant, apologist and propagandist of reason, the German theorist of Enlightenment and the bourgeois French Revolution."

The Kant chapter in *The History of Philosophy* keeps critique down to a minimum although it is present in the chapter on Kant and in the chapter on Hegel:

The best brains of Germany in the first half of the nineteenth century could not resist the national German feature of philistinism. The duality and ambivalence of Kant, philistine traits in Goethe, the arrogant nationalism of Fichte, obscurantism of the later Schelling, Hegel's worship of the reactionary Prussian state — all these are phenomena of the same order: a tribute to the political backwardness of Germany and its philistine narrow-mindedness ([Bykhovsky?], 1943, p. 301).

Asmus stresses that the French Revolution was one of the three events that upset the tranquil tempo of Kant's life: "Kant saw the events of the French Revolution as a historic attempt to implement the new ideals of law and civil order. Kant did not hide his sympathy for the 1789 coup and in a work on the problems of law resolutely rejected the feudal inheritance privileges" ([Asmus], 1943, p. 60). However, Kant's discussion of revolutionary issues had

Как и в предыдущих марксистских работах, у Асмуса, несмотря на многочисленные сноски на классиков, прямая отсылка к работе Маркса в случае обсуждения французской революции странным образом отсутствует:

Кант выступает как «немецкий теоретик французской революции». Эта характеристика философии Канта, принадлежащая Марксу и Энгельсу, очень точно определяет своеобразие исторической роли Канта. Если идеи французской революции дали содержание практической философии Канта, то историческая отсталость немецкого общественно-политического развития, отраженная в развитии немецкой идеологии, обусловила своеобразную философскую форму, в которую это содержание отлилось. Основанный во Франции на действительных классовых интересах, французский либерализм принял в сознании немецких философов, выражавших интересы немецкого бюргерства, иллюзорный, мистифицированный вид ([Асмус], 1943, с. 99).

Наконец, Асмус специально отметил, что Кант «начисто отказал подданным в праве сопротивления. Положение это, отрицавшее правомерность революционной борьбы, обосновывалось у Канта софизмами, филистерство которых способно привести в изумление» (Там же, с. 123). Таким образом, в «Истории философии», пожалуй, впервые в работах отечественных марксистов присутствует не начетничество, а попытка разобраться в том числе и в собственных кантовских высказываниях о французской революции¹⁰, не кивая на Маркса и Энгельса.

"an extremely abstract philosophical form" (*ibid.*), which was one of the reasons why the Prussian king did not persecute him.

As in his previous Marxist works, Asmus, in discussing the French Revolution, in spite of numerous references to the classics, strangely avoids direct reference to Marx's work:

Kant is presented as "a German theorist of the French Revolution." This description of Kant's philosophy by Marx and Engels pinpoints the peculiar historical role of Kant. While the ideas of the French Revolution provided the *content* of Kant's practical philosophy, the historical backwardness of the German social-political development reflected in the development of the German ideology provided the *philosophical form* in which this content was cast. Based in France on real class interests, French liberalism assumed an illusory, mystified character in the consciousness of German philosophers who expressed the interests of the German bourgeoisie ([Asmus], 1943, p. 99).

Finally, Asmus stresses that Kant "flatly denied the subjects the right to resist. Kant bolstered this proposition which denied the legitimacy of revolutionary struggle with sophisms whose philistinism is mind-boggling" (*ibid.*, p. 123). Thus, in *The History of Philosophy* we find, perhaps for the first time in the works of Soviet Marxists, not tired clichés, but an attempt to sort out Kant's pronouncements about the French Revolution¹⁸ without invoking the authority of Marx and Engels.

¹⁰ В отличие от философских работ, в исторических исследованиях того временимы можем встретить пусть и сжатый, но достаточно полный обзор высказываний Канта о французской революции, а также попытки реконструкции кантовского отношения к революции, и при этом историки точно указывают источник цитаты из Маркса (см.: Мошковская, 1941). В философских же работах доминировал иной стиль. Так, Деборин в споре с Л.И. Аксельрод (Ортодокс) о материализме Спинозы обратился к оппоненту со следующим призывом: «Пусть Аксельрод приведет хотя бы одну цитату из сочинений Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, которые подтвердили бы правильность ее точки зрения» (Деборин, 1927, с. 20).

¹⁸ As distinct from philosophical works, historical studies of the time do contain an admittedly brief, but sufficiently comprehensive, review of Kant's remarks about the French Revolution and attempt to reconstruct Kant's attitude to the revolution, with the historians precisely indicating the source of Marx quotation (cf. Moshkovskaya, 1941). A different style prevailed in philosophical works. Thus, Deborin (1927, p. 20), in a dispute with Liubov I. Akselrod (Orthodox) on Spinoza's materialism, challenged his opponent in this way: "Let Akselrod cite at least one quotation from Marx, Engels, Plekhanov or Lenin that would corroborate her point of view."

Первоначально за все три тома данного издания была присуждена Сталинская премия. Но в 1944 г. журнал «Большевик» опубликовал постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и опибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.», ставшее итогом долгого разбирательства. Для авторов дело обошлось без репрессий, хотя задним числом Комитет по Сталинским премиям и лишил третий том присужденной ранее награды. Общий итог постановления 1944 г. гласил:

...в главах III тома «Истории философии», посвященных философии Канта, Фихте и Гегеля, дается ошибочное изложение истории немецкой философии, преувеличивающее ее значение, смазывающее противоречие между системой и методом философии Гегеля, вносящее путаницу в головы читателей. В томе не подвергнуты критике реакционные социально-политические взгляды немецких философов конца XVIII и начала XIX века (О недостатках и ошибках..., 1944, с. 19)¹¹.

5. «Аристократическая реакция на Великую Французскую революцию...»

Разбирательство по третьему тому было спровоцировано письмом заведующего кафедрой диалектического и исторического материализма философского факультета Московского университета З. Я. Белецкого И. В. Сталину. В письме были сформулированы многочисленные критические выпады в адрес третьего тома «Истории философии». Белецкий заметил: «Из третьего тома мы узнаем, что философия немецкого классического идеализма не имела никакого отношения к немецкой действительности. Эта философия, по мнению редакции, была общечеловеческой философией — философия, которая утверждала в обще-

Initially, all three volumes of this publication were awarded the Stalin Prize. But in 1944 the journal *Bolshevik* published a resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (CC AUCP(B)) "On the Shortcomings and Errors in Presenting the History of German Philosophy in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries", which was the outcome of a long discussion. The affair did not lead to the authors' being victimised, although the Stalin Prize Committee retroactively stripped the Third Volume of the prize. The conclusion of the 1944 resolution read:

[...] the chapters of the third volume of *The History of Philosophy* devoted to the philosophy of Kant, Fichte and Hegel offer an erroneous rendering of the history of German philosophy which exaggerates its significance, blurs the contradiction between system and method in Hegel's philosophy, which introduces confusion in the heads of readers. The volume fails to criticise the reactionary sociopolitical views of the German philosophers of the late eighteenth and early nineteenth centuries (Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, 1944, p. 19).¹⁹

5. "Aristocratic Reaction to the Great French Revolution..."

The post mortem on the third volume was provoked by a letter to Stalin by Zinovy Ya. Beletsky, the incumbent of the Chair of Dialectical and Historical Materialism of Moscow University's Philosophical Faculty. The letter formulated numerous critical attacks on the third volume of *The History of Philosophy*. Beletsky (2003, p. 56) wrote: "From the third volume we learn that the philosophy of German classical idealism had nothing to do with German reality. This

¹¹ Текст постановления подготовил, как ни странно, Г.Ф. Александров, один из основных авторов учебника (см.: Александров, 2003б).

Oddly enough, the text of the resolution was written by G. F. Aleksandrov (2003b), one of the main contributors to the textbook.

стве идеи революции, свободы и прогресса» (Белецкий, 2003, с. 56). Не прошел он и мимо знаменитой цитаты из Маркса: «Если уже Кант и Гегель были "немецкими теоретиками французской революции", то в идейном развитии Гегеля понятия и точка зрения, созданные революционным переворотом XVIII столетия, оказались животворным элементом его мировоззрения» (Там же, с. 57).

Отношение немецкой классической философии к французской революции вообще стало одним из ключевых пунктов письма. Согласно Белецкому, Маркс и Энгельс писали:

«Для немецкой философии XVIII века требования первой французской революции имели смысл лишь как требования "практического разума" вообще, а волеизъявления революционной буржуазии представлялись им законами чистой воли, какой она должна быть, истинно человеческой волей. Все дело немецких литераторов состояло в том, чтобы согласовать со своей старой философской совестью новые французские идеи или, вернее, том, чтобы усвоить себе французские идеи, оставаясь на своей старой философской точке *зрения*» (т. 5, с. 506)¹². Следовательно, классики марксизма не считали, что идеи французской революции вызвали к жизни немецкую классическую философию. Наоборот, они со всей силой подчеркивали ту мысль, что французская философия была переработана в Германии в интересах немецкой действительности. Они писали, что философия Канта целиком отражала прусскую юнкерскую действительность. Вот их слова: «Состояние Германии в конце прошлого века целиком отражается в кантовской "Критике практического разума"» (т. 4, с. 174)¹³. Эта оценка кантовской философии, даваемая Марксом и Энгельсом, находится, как можно видеть, в прямой противоположности с оценкой, данной этой философии Редакцией третьего тома (Белецкий, 2003, c. 58).

philosophy, in the opinion of the editors, was a universal human philosophy, a philosophy which promoted the ideas of revolution, liberty and progress in society." He did not bypass the famous Marx quotation: "If already Kant and Hegel were 'German theorists of the French Revolution', in the development of Hegel the concepts and viewpoint created by the revolutionary turn of the eighteenth century proved to be a life-giving element of his world view" (ibid., p. 57).

One of the key points of the letter was the attitude of Classical German philosophy to the French Revolution in general. According to Beletsky, Marx and Engels wrote:

"For the German eighteenth century philosophy the demands of the first French revolution had meaning only as the demands of 'practical reason' in general and they saw the volition of the revolutionary bourgeoisie as the laws of pure will as it should be, truly human will. The whole business of the German writers was to harmonise with their old philosophical conscience the new French ideas or, rather, to assimilate the French ideas while adhering to their old philosophical point of view" (vol. 5, p. 506).²⁰ Consequently, the classic authors of Marxism did not believe that the ideas of the French Revolution had given rise to Classical German philosophy. On the contrary, they argued vehemently that French philosophy was reworked in Germany in the interests of German reality. They wrote that Kant's philosophy entirely reflected Prussian Junker reality. Here are their words: "The state of Germany at the end of the last century is wholly reflected in Kant's Critique of Practical Reason" (vol. 4, p. 174).21 This assessment of Kant's philosophy, as will readily be seen, is the direct opposite of the assessment given by the editors of the third volume (Beletsky, 2003, p. 58).

The situation with Hegel and the revolution was similar, Beletsky argues: "Elsewhere Marx

¹² Белецкий цитирует «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса.

 $^{^{13}}$ Цитата из «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса.

²⁰ Beletsky is quoting *Manifesto of the Communist Party* of Marx and Engels.

²¹ Quotation from *The German Ideology* by Marx and Engels.

Сходным образом обстояло, по Белецкому, дело и с Гегелем и революцией: «В другом месте Маркс писал, что Гегель свою политическую мудрость заимствовал не из идей французской революции, а из средних веков: "Вершиной гегелевского тождества, - писал Маркс, были, как он сам говорил, средние века" (т. 1, с. 592)¹⁴» (Белецкий, 2003, с. 59); «Гегель подобно Канту и Фихте не был ни сторонником идей Великой Французской революции, ни идеологом революции вообще» (Там же, с. 61-62). Равным образом это справедливо, согласно Белецкому, и для немецкого классического идеализма в целом: «Классики марксизма никогда не утверждали, что философия немецкого классического идеализма выросла из идей Великой французской революции, Редакция же третьего тома утверждает, что эта философия целиком выросла из идей французской революции» (Там же, с. 59—60). Полемизируя с тезисом Асмуса о форме и содержании кантовской философии, Белецкий специально подчеркнул: «Идеализм немецких классиков был, следовательно, не формой для выражения революционных идей, а и по форме и по содержанию он являлся идеологией консервативно настроенной немецкой буржуазии» (Там же, с. 65).

В заочную эпистолярную полемику с Белецким вступил Г.Ф. Александров, написавший секретарям ЦК ВКП(б): «В своем письме т. Белецкий утверждает, что "классики марксизма-ленинизма не считали, что идеи французской революции вызвали к жизни немецкую классическую философию". С этой позиции т. Белецкий критикует III т. "Истории философии", в котором доказывается влияние (а не "вызывание к жизни", как это утверждает т. Белецкий) французской революции на классическую немецкую философию» (Александров, 2003а, с. 83). В письме Александрова едва ли не впервые наконец-то обнаруживается прямая

wrote that Hegel borrowed his political wisdom not from the ideas of the French Revolution, but from the Middle Ages: 'The pinnacle of Hegel's identity', Marx wrote, 'was the Middle Ages', as he himself said (vol. 1, p. 592)^{22"} (Beletsky, 2003, p. 59); "Hegel, like Kant and Fichte, was neither a supporter of the ideas of the Great French Revolution, nor an ideologist of revolution in general" (ibid., pp. 61-62). This holds equally, according to Beletsky, for German classical idealism as a whole: "Marxist classic authors never claimed that the philosophy of German classical idealism grew out of the ideas of the Great French Revolution. But the editors of the third volume maintain that this philosophy grew entirely out of the ideas of the French Revolution" (ibid., pp. 59-60). Challenging Asmus's thesis about the form and content of Kant's philosophy, Beletsky stresses: "The idealism of the German classics was therefore not a form of expressing revolutionary ideas, but was in form and in substance an ideology of the conservative-minded German bourgeoisie" (ibid., p. 65).

The epistolary polemic with Beletsky was joined by Georgy F. Aleksandrov (2003a, p. 83) who wrote to the secretaries of the CC AUCP(B): "In his letter Comrade Beletsky claims that 'the classic authors of Marxism-Leninism did not believe that the ideas of the French Revolution had brought to life the Classical German philosophy'. From that position Comrade Beletsky criticises Volume III of The History of Philosophy which argues that the French Revolution influenced (and did not 'bring to life', as Comrade Beletsky claims) Classical German philosophy." Aleksandrov's letter, probably for the first time, contains a direct reference to the Marx quotation about Kant and the French Revolution: "Marx and Engels recognised the influence of the French Revolution on Kant, Fichte and Hegel. Marx wrote: 'The philosophy

¹⁴ Цитата из «К критике гегелевской философии права» Маркса.

²² Quotation from *Critique of Hegel's Philosophy of Right* by Marx.

ссылка на цитату из Маркса о Канте и французской революции: «Маркс и Энгельс признавали влияние французской революции на Канта, Фихте и Гегеля. Маркс писал: "Философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией французской революции" (т. 1, с. 198)» (Там же). Поскольку большинство критических замечаний Белецкого касалось все же Гегеля, то Александров специально остановился и на этом вопросе: Гегель отмечал, что «французский народ при помощи своей революции сбросил отягощающие его безжизненные силы». Он назвал эту революцию «великолепным восходом солнца», признавая, что «все мыслящие существа праздновали эту эпоху» (Там же, с. 83-84)¹⁵. В качестве некоторого предварительного итога полемики с Белецким по данной проблеме Александров заявил: «Здесь нет нужды опровергать застарелое и невежественное мнение тов. Белецкого о том, что Кант и Гегель не испытали влияния революционных идей. Этот вопрос давно решен в марксистской литературе» (Там же, с. 91).

В своих посланиях Белецкий прямо, а Александров косвенно обращались к Сталину. Был ли он вообще компетентен в этом споре и как именно он понимал «решенный» в марксистской литературе вопрос о влиянии революционных идей на Канта и Гегеля? За исключением статьи в «Правде» 1938 г. «О диалектическом и историческом материализме»¹⁶ Кант практически не упоминается в печатных сочинениях Сталина. Имеется свидетельство В. А. Разумного, которое сегодня вряд ли можно перепроверить. Согласно ему, около 1952 г. Сталин на квартире секретаря партийной организации ИФ АН СССР Д.И. Чеснокова, узнав о проходящем собеседовании перед кандидатским экзаменом по «Критике способности суждения», произнес:

of Kant may fairly be considered to be the German theory of the French Revolution' (vol. 1, p. 198)" (Aleksandrov, 2003a, p. 83). Because the majority of Beletsky's critical remarks were about Hegel, Aleksandrov dwells on this issue: Hegel noted that "the French people, through its revolution, overthrew the burdensome lifeless forces". He called this revolution "a magnificent sunrise" recognising that "all thinking creatures were celebrating this epoch" (ibid., pp. 83-84).²³ As an interim summary of the polemic with Beletsky on this problem, Aleksandrov declared: "There is no need to refute the old and ignorant opinion of Comrade Beletsky to the effect that Kant and Hegel did not experience the influence of revolutionary ideas. The issue has long been settled in Marxist literature" (ibid., p. 91).

In their letters Beletsky (directly) and Aleksandrov (indirectly) addressed Stalin. But was Stalin competent in this argument and what was his view on the issue of the influence of revolutionary ideas on Kant and Hegel which had been "solved" in Marxist literature? With the exception of an article "Dialectical and Historical Materialism" in "Pravda" in 1938 (cf. Stalin, 1975, p. 14), Kant is not mentioned in Stalin's published works. There exists an account of Vladimir A. Razymny which it is hardly possible to verify today. It says that some time in 1952 Stalin, at a gathering in the apartment of Dmitry I. Chesnokov, secretary of the party organisation of the USSR Academy of Sciences' Institute of Philosophy, when told about an interview preceding a Candidate's exam on the Critique of Judgement, said:

"...'Yes, Kant! Everybody says Hegel, Hegel! I for one was an avid reader of Kant when I was at the seminary. What do you think of analytical judgements?' Thinking that the question was addressed to me I mumbled something incoherent although I had studied Kant just as diligently as differential calculus. Disregarding my babble, Stalin continued to pace the room

 $^{^{15}\,}$ Александров имеет в виду «Философию истории» Гегеля.

¹⁶ См. более позднее издание (Сталин, 1945, с. 13).

²³ Aleksandrov refers to Hegel's *Philosophy of History*.

«Да, Кант! Все вот говорят — Гегель, Гегель! А я вот в семинарии зачитывался Кантом. Как ты смотришь на аналитические суждения?». Подумав, что вопрос обращен ко мне, я что-то вполне несуразное промычал, хотя штудировал Канта так же упорно, как дифференциальное исчисление. Не обращая внимания на мой философский лепет, И.В. Сталин продолжал ходить, излагая сложнейшие умопостроения Канта, его концепцию ноуменов и феноменов. Вдруг, резко остановившись, он посмотрел на меня (у него был удивительный взгляд – пронзительный, но с хитринкой!) и спросил: «А как ты смотришь на "Критику практического разума"»? Клянусь – я вообще почти исчез в кресле, думая про себя: «Не читал. Знаю - только название...» Очевидно, ответа от меня и не требовалось. Помню лишь, как, словно обобщая философские раздумья, И.В. Сталин детально излагал философию Канта (мне показалось тогда – минут тридцать), а затем проговорил, словно вслушиваясь в волновавшие его мысли: «Да, как это верно – разум, воля, эмоции...» (Разумный, 2008, с. 219)¹⁷.

Имеем ли мы дело с неким апокрифом или же с подлинной историей, судить сложно.

Со слов Александрова дошло и прямое высказывание Сталина по мотивам решения ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.» о том, как следует в его свете излагать гегелевскую философию: «Философия Гегеля — это аристократическая реакция на Великую Французскую революцию и французский материализм» (цит. по: Ойзерман, 2005, с. 102). Несмотря на то, что эта оценка Сталиным нигде не была опубликована, она была широко известна в философских кругах и воспринималась как руководящее указание. Результатом временной победы Белецкого в споре стало то, что он в последние годы войны добился исключения из списка литературы, рекомендованной для студентов философского факультета МГУ, статьи Ленина «Три источника и три составных части марксизма» (Там же).

expounding Kant's complicated reasoning, his concept of noumena and phenomena. Then he stopped abruptly, and fixed me with his gaze (his gaze was extraordinary, piercing but also with a sly twinkle in his eye). 'And what do you think of the *Critique of Practical Reason?'* I swear I wished I could disappear in my chair, thinking to myself: 'I haven't read it. I only know the title...' Apparently, no answer from me was expected. I just remember that, as if summing up his philosophical musings, Stalin was setting forth Kant's philosophy (I thought at the time that he spoke for about thirty minutes) and then said, as if articulating the thoughts that agitated him, 'Yes, how true - reason, will, emotions...'" (Razumny, 2008, p. 219).24

It is hard to say whether the story is apocryphal or true.

Aleksandrov reports Stalin's direct remarks concerning the CC AUCP(B) resolution "On the Shortcomings and Errors in Presenting the History of German Philosophy in the Late Eighteenth and early Nineteenth Centuries" on how Hegel's philosophy should be treated in the light of the resolution: "Hegel's philosophy is an aristocratic reaction to the Great French Revolution and French materialism" (cited in Oizerman, 2005, p. 102). Although it was never published, Stalin's opinion was widely known in the philosophical circles and was seen as a directive to be followed. As a result of Beletsky's temporary victory in the argument, in the last war years he succeeded in getting Lenin's article "Three Sources and Three Component Parts of Marxism" dropped from the list of recommended literature for Moscow University students of philosophy (*ibid.*).

6. Post-War Discussions

The controversy did not end in 1944 and continued for several years after the end of World War II. The topic of Kant's attitude to

 $^{^{17}\,}$ См. также об опровержении агностицизма Канта у Сталина: (Щеглов, 1940, с. 17).

²⁴ On Stalin's refutation of Kant's agnosticism see also Shcheglov (1940, p. 17).

6. Послевоенные дискуссии

Спор не закончился в 1944 г., продолжаясь еще несколько лет и после окончания Великой Отечественной войны. Тема отношения Канта к французской революции вновь возникла при обсуждении книги Александрова «История западноевропейской философии» (1946), состоявшемся в 1947 г. и спровоцированном новым письмом Белецкого к Сталину. В самой книге Александрова хоть и цитировались с симпатией некоторые образные фразы Гейне о Канте (Александров, 1946, с. 371-372), но вопрос о влиянии на Канта французской революции практически не затрагивался. По мысли автора, если во Франции после 1789 г. идеи свободы, равенства и братства служили целям создания нового общественного порядка, более прогрессивного по сравнению с феодальным, то в «отсталой Германии конца XIX в. - стране насквозь прогнившего феодализма, стране с контрреволюционным характером господствующих классов - идеи эти нашли крайне уродливое выражение и реакционное истолкование в социально-политических и этических воззрениях Канта, Фихте и Гегеля» (Там же, с. 378). Совершенно обошел своим вниманием эту тему и главный докладчик - ведущий идеолог А. А. Жданов (Жданов, 1952).

Белецкий, не присутствовавший на заседании, опубликовал свою речь в первом номере только созданного журнала «Вопросы философии» (1947). Здесь он в критике кантовской философии идет еще дальше, нежели в своих письмах Сталину: «Работа Канта "Критика чистого разума", как известно, была написана перед Великой французской революцией. Однако эта работа от начала и до конца направлена как против французского материализма, так и против идей французской революции...» (Белецкий, 1947, с. 320). Более того, «кантовская идеалистическая философия явилась теоретическим опровержением идеи революции. Она

the French Revolution cropped up again during the discussion of Aleksandrov's book, A History of West European Philosophy (1946), which took place in 1947 and was provoked by Beletsky's new letter to Stalin. Aleksandrov's new book hardly touched upon the influence of the French Revolution on Kant although it quoted with sympathy some of Heine's images of Kant (Aleksandrov, 1946, pp. 371-372). The author argues that while in France after 1789 the ideas of liberty, equality and fraternity contributed to the creation of a new social order, more progressive compared to the feudal order; in "backward Germany of the late eighteenth century - a country of rotten feudalism, a country of counter-revolutionary ruling classes — these ideas were expressed in an extremely distorted way and were interpreted in a reactionary manner in the socio-political and ethical views of Kant, Fichte and Hegel" (ibid., p. 378). The keynote speaker, the leading ideologist Andrey A. Zhdanov (1952), sidestepped the issue altogether.

Beletsky, who did not attend the meeting, published his speech in the first issue of the newly-founded journal "Voprosy filosofii" ("Questions of Philosophy") (1947). In it he carries his critique of Kant's philosophy still further than in his letters to Stalin: "Kant's work, the Critique of Pure Reason, was written before the Great French Revolution. However, the work is directed, from beginning to end, against French materialism and against the ideas of the French Revolution [...]" (Beletsky, 1947, p. 320). Moreover, "Kant's idealistic philosophy was a theocratic refutation of the idea of revolution. It precluded the revolutionary transformation of society. This was the underlying mission of Kant's philosophy. This was its ideology. A priorism, the transcendental method - Kant used all this as an instrument, a method of his 'theoretical' schemes which justified the invincibility of the Prussian state" (ibid.). Even though there are some superficial запрещала возможность революционного преобразования общества. В этом было глубокое назначение философии Канта. В этом была ее идейность. Априоризм, трансцендентальный метод - все это служило Канту лишь средством, способом для его "теоретических" построений, оправдывавших нерушимость прусского государства» (Там же). Если же в работах французских философов и у Канта и обнаруживаются некоторые внешние параллели, они носят совсем иной характер: «Французы выдвинули революционные лозунги, а Кант превратил их в реакционные» (Там же, с. 322). И общий итог после краткого рассмотрения двух первых «Критик» Канта, к которому приходит Белецкий, таков:

Работы Канта «Критика чистого разума» и «Критика практического разума» — это работы не абстрактные, не оторванные от конкретной действительности. Это боевые, политические работы, в которых Кант теоретически обосновал необходимость существования пруссаческого государства, необходимость сохранения существующего порядка вещей. В этом была партийность философии Канта. Философия Канта защищала немецкую реакцию против французской революции, она защищала идеализм против материализма, религию против науки (Там же, с. 321).

Однако в 1947 г. Белецкий со своими тезисами успеха уже не имел.

В начале 50-х гг. появляются новые работы о Канте, а в начале 60-х — первое собрание сочинений Канта на русском языке. В брошюре 1955 г. с вновь ставшим каноническим названием «Немецкая классическая философия — один из теоретических источников марксизма» Т. И. Ойзерман снова подчеркивает, и снова без прямой цитаты: «Маркс характеризовал философию одного из представителей немецкой классической философии И. Канта как немецкую теорию французской революции. Это указание Маркса полно глубочайшего смыс-

parallels between the works of French philosophers and Kant they have a totally different character: "The French put forward revolutionary slogans while Kant turned them into reactionary ones" (*ibid.*, p. 322). After considering Kant's first two *Critiques* Beletsky arrives at the following conclusion:

Kant's works, the *Critique of Pure Reason* and the *Critique of Practical Reason*, are not abstract works divorced from concrete reality. These are combative political works in which Kant provides a theoretical grounding of the existence of the Prussian state and the need to preserve the existing state of affairs. This constituted the partisanship of Kant's philosophy. Kant's philosophy defended the German reaction against the French Revolution, it defended idealism against materialism, religion against science (*ibid.*, p. 321).

However, in 1947 Beletsky's ideas had no traction.

The early 1950s saw the publication of new works about Kant and in the early 1960s the first collection of Kant's works was published in Russian. In the pamphlet under the reinstated canonical title, Classical German Philosophy is One of the Theoretical Sources of Marxism, Teodor I. Oizerman (1955, p. 9) again stresses, without direct quotation, that "Marx characterised the philosophy of one of the representatives of Classical German philosophy, I. Kant, as the German theorist of the French Revolution. This tenet of Marx carries profound meaning." The first volume of Kant's works (1963) sheds some light on the strange circumstance of the absence of a direct reference. In the preface, Oizerman (1963, pp. 42-43) notes that Marx referred to Kant's philosophy as the German theory of the French Revolution in the article "Philosophical Manifesto of the Historical School of Law", written by a young and non-canonical Marx: "In 1842 Marx was an idealist; his works of the

ла» (Ойзерман, 1955, с. 9). В первом томе собрания сочинений Канта в 1963 г. это странное обстоятельство с отсутствием прямой отсылки, пожалуй, впервые приоткрывается. Ойзерман во введении отмечает, что философия Канта была названа немецкой теорией французской революции в статье «Философский манифест исторической школы права», написанной еще юным, неканоническим Марксом: «В 1842 г. Маркс был еще идеалистом; в работах этого времени лишь намечается переход Маркса от идеализма и революционного демократизма к материализму и коммунизму. Однако революционное, историческое чутье молодого Маркса помогло ему увидеть... исторически прогрессивный смысл учения Канта при всей его противоречивости, непоследовательности, склонности к компромиссу» (Ойзерман, 1963, с. 42-43)18. И только с этого времени тезис о Канте как о немецком теоретике французской революции превращается в Советском Союзе на несколько десятилетий в уже не подвергаемую сомнениям догму, при этом собственное отношение Канта к французской революции и обсуждение в его трудах философских и юридических аспектов социально-политической революции так и продолжали вызывать интерес лишь в виде исключения.

Список литературы

Алданов М. А. Девятое термидора // Алданов М. А. Мыслитель: Девятое термидора. Чертов мост. Заговор. Святая Елена, маленький остров. Тетралогия. М.: Захаров, 2002. С. 5-196.

Александров Г. Ф. История западноевропейской философии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946.

Александров Г. Ф. Письмо Г. М. Маленкову и А. С. Щербакову от 29 февраля 1944 г. // Косичев А. Д. Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003а. С. 83-91.

time have only some signs of Marx's transition from idealism and revolutionary democracy to materialism and communism. However, Marx's revolutionary and historical flair helped him to see [...] the historically progressive meaning of Kant's doctrine for all its contradictory and inconsistent character and the tendency to compromise."²⁵ It is only since that time that the thesis about Kant as the German theorist of the French Revolution turned, for several decades, into an unassailable dogma in the Soviet Union, while Kant's own attitude to the French Revolution and the discussion of the philosophical and legal aspects of socio-political revolution continued to attract only sporadic interest.

References

Aldanov, M. A., 2002. The Ninth Thermidor. In: M A. Aldanov, 2002. Myslitel': Devjatoe termidora. Chertov most. Zagovor. Svjataja Elena, malen'kij ostrov. Tetralogija [The Thinker: The Ninth Thermidor. Devil's Bridge. Conspiracy. St. Helena, the Little Island. Tetralogy]. Moscow: Zakharov, pp. 5-196. (In Rus.)

[Aleksandrov, G. F., Bykhovsky, B. E., Mitin, M. B. and Judin, P. F.], eds. 1943. From the Editors. In: *Istorija filosofii* [History of Philosophy]. Volume 3: Filosofija pervoj poloviny XIX veka [Philosophy in the First Half of the 19th Century]. Moscow: OGIZ Gospolitizdat, p. 2. (In Rus.)

Aleksandrov, G. F., 1946. Istorija zapadnoevropejskoj filosofii [History of West European Philosophy]. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Rus.)

Aleksandrov, G. F., 2003a. Letter to G. M. Malenkov and A. S. Scherbakov of 29 February 1944. In: A. D. Kosichev, 2003. Filosofija, vremja, ljudi. Vospominanija i razmyshlenija dekana filosof-skogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova [Philosophy, Time, People. Memories and Reflections of the Dean of Philosophy Faculty of Lomonosov Moscow State University]. Moscow: OLMA-PRESS, pp. 83-91. (In Rus.)

Aleksandrov, G. F., 2003b. Letter to G. M. Malenkov and A. S. Scherbakov of 3 May 1944. In: A. D. Kosichev, 2003. Filosofija, vremja, ljudi. Vospominanija i razmyshlenija dekana filosof-skogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova [Philosophy, Time, People. Memories and Reflections of the Dean of Philosophy Faculty of Lomonosov Moscow State University]. Moscow: OLMA-PRESS, pp. 106-107. (In Rus.)

 $^{^{18}}$ Ср. также с разбором этого высказывания «молодого Маркса» без точного указания источника в довоенной статье (Луппол, 1930, с. 116-118).

²⁵ *Cf.* the analysis of this remark by "the young Marx" without a direct indication of the source in a pre-war article by Ivan K. Luppol (1930, pp. 116-118).

Александров Г.Ф. Письмо Г.М. Маленкову и А.С. Щербакову от 3 мая 1944 г. // Косичев А.Д. Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003б. С. 106—107.

Асмус В. Ф. Философская культура под сапогом фашизма // Знамя. 1936. № 3. С. 189—222.

Aсмус В. Ф. Фашистская фальсификация классической немецкой философии. М. : Госполитиздат, 1942.

[*Асмус В. Ф.*] Кант // История философии / под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина. М.: Госполитиздат, 1943. Т. 3: Философия первой половины XIX века. С. 56—137.

Баммель Г. К. О фашизации истории философии в Германии // Против фашистского мракобесия и демагогии : сб. ст. / под ред. И. Н. Дворкина, А. М. Деборина, М. Д. Каммари [и др.]. М. : Госсоцэкгиз, 1936. С. 216—264.

Белецкий З.Я. [Речь] // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 314—325.

Белецкий З. Я. Письмо к И. В. Сталину от 27 января 1944 г. // Косичев А. Д. Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Олма-пресс, 2003. С. 55—78.

Бернхард Т. Иммануил Кант // Видимость обманчива и другие пьесы / сост. и пер. М. Л. Рудницкого. М.: Ad Marginem, 1999. С. 243—316.

[Быховский Б. Э.?] Гегель // История философии / под ред. Г.Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П.Ф. Юдина. М.: Госполитиздат, 1943. Т. 3: Философия первой половины XIX века. С. 210—301.

Гейне Г. Черты из истории религии и философии в Германии // Эпоха : журнал литературный и политический / изд. М. М. Достоевским (СПб.). 1864. № 3. С. 192—222.

Гейне Г. К истории религии и философии в Германии / пер. А. Горнфельда // Собр. соч. : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1958а. Т. 6. С. 13-139.

Гейне Г. Предисловие к книге «Кальдорф о дворянстве в письмах к графу М. фон Мольтке» / пер. А. Горнфельда // Собр. соч. : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1958б. Т. 5. С. 153—166.

Герцен А. И. Письма об изучении природы. Письмо 8 // Собр. соч. : в 30 т. Т. 3. М. : Изд-во АН СССР, 1954. С. 292—316.

Anonym, 1794. Dreyerley Desorganisationen gegen das Ende unseres Jahrhunderts. *Philosophisches Archiv, hg. von J. A. Eberhard (Berlin)*. Band 2, St. 3, pp. 17-31.

Anonym, 1795. Gespräch zwischen Charlotte Cordé, der Mörderin des berüchtigten Marat zu Paris, und einem kritischen Philosophen. *Philosophisches Archiv, hg. von J. A. Eberhard (Berlin)*. Band 2, St. 4, pp. 110-113.

Asmus, V. F., 1936. Philosophical Culture under the Boots of Fascism. In: *Znamja* [*Banner*], 3, pp. 189-222. (In Rus.)

Asmus, V. F., 1942. Fashistskaja fal'sifikacija klassicheskoj nemeckoj filosofii [The Fascist Falsification of Classical German Philosophy]. Moscow: OGIZ Gospolitizdat. (In Rus.)

[Asmus, V.F.], 1943. Kant. In: G. F. Aleksandrov, B. E. Bykhovsky, M. B. Mitin and P.F. Judin, eds. 1943. Istorija filosofii [History of Philosophy]. Volume 3: Filosofija pervoj poloviny XIX veka [Philosophy in the First Half of the 19th Century]. Moscow: OGIZ Gospolitizdat, pp. 56-137. (In Rus.)

Bachmann, C. F., 1816. Über die Philosophie meiner Zeit. Zur Vermittlung. Jena: Cröker.

Bammel, G. K., 1936. On the Fascization of the History of Philosophy in Germany. In: I. N. Dvorkin, A. M. Deborin, M. D. Kammari, M. B. Mitin, M. A. Saveliev, eds. 1936. *Protiv fashistskogo mrakobesija i demagogii. Sbornik statej [Against Fascist Obscurantism and Demagogy. Collected Papers*]. Moscow: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, pp. 216-264. (In Rus.)

Beletsky, Z. Ya., 2003. Letter to I. V. Stalin of 27 January 1944. In: A. D. Kosichev, 2003. Filosofija, vremja, ljudi. Vospominanija i razmyshlenija dekana filosof-skogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova [Philosophy, Time, People. Memories and Reflections of the Dean of Philosophy Faculty of Lomonosov Moscow State University]. Moscow: OL-MA-PRESS, pp. 245-320. (In Rus.)

Beletsky, Z. Ya., 1947. [Talk]. In: Voprosy filosofii, 1, pp. 314-325. (In Rus.)

Bernhard, T., 1983. Immanuel Kant. In: T. Bernhard, 1983. *Die Stücke 1969–1981*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, pp. 595-684.

Bonsens, E. [Brosse, F. C.], 1798. Antipseudo-Kantiade, oder der Leinweber und sein Sohn, ein satyrisch-kritischer Roman, mit imaginierten Kupfern, ohne Vorrede von Kant, aber mit einer üblen Nachrede der Pseudokantianer. Gnidos [Riga]: Severesto.

[Bykhovsky, B. E.?], 1943. Hegel. In: G. F. Aleksandrov, B. E. Bykhovsky, M. B. Mitin and P. F. Judin, eds. 1943. Istorija filosofii [History of Philosophy]. Volume 3: Filosofija pervoj poloviny XIX veka [Philosophy in the First Half of the 19th Century]. Moscow: OGIZ Gospolitizdat, pp. 210-301. (In Rus.)

Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 11. С. 9—513.

Деборин А. М. Ревизионизм под маской ортодоксии // Под знаменем марксизма. 1927. № 9. С. 5-48.

Диалектический и исторический материализм: в 2 ч.: учебник для комвузов и втузов / коллектив Института философии Коммунистической академии / под руководством М.Б. Митина. М.: Соцэкгиз, 1934. Ч. 1: Диалектический материализм.

 \mathcal{K} данов А. А. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г. М. : Госполитиздат, 1952.

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского, сверка Ц. Г. Арзаканьяна, М. И. Иткина. М.: Мысль, 1994.

Круглов А. Н. Споры о Канте во время Великой Отечественной войны: взгляд спустя 75 лет после Победы. Часть II // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 169—189.

Круглов А. Н. «Сижу за ширмой...»: Александр Блок и Андрей Белый // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М.: РОССПЭН, 2010. С. 484—499.

Ленин В. И. Материализм или эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. С. 7—384.

Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 28. С. 3—742.

 $\it Ленин В. И.$ Три источника и три составных части марксизма // Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Политиздат, 1973. Т. 23. С. 40—48.

Луппол И. К. Кант и современный ревизионизм немецкой социал-демократии (К. Форлендер и М. Адлер) // На два фронта : сб. ст. М. ; Л. : Госиздат, 1930. С. 113—137.

Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1954. Т. 1. С. 85—92.

Межевич В. С. Гегель (Из Амедея Прево) // Телескоп. Журнал современного просвещения / изд. Н. И. Надеждиным (М.). 1833. Ч. 16, № 15. С. 381—397.

Мошковская Ю.Я. [Кант] // Французская буржуазная революция. 1789—1794 / под ред. В.П. Волгина, Е.В. Тарле. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. С. 245—250.

Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, 1944. On the Shortcomings and Errors in the Coverage of the History of German Philosophy in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. *Bolshevik*, 7-8, pp. 14-19. (In Rus.)

Chaadaev, P. Ya., 1991. Letter to A. I. Turgenev of October — November 1835. In: P. Ya. Chaadaev, 1991. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma v 2-h t. [Complete Works and Selected Letters in 2 Volumes]. Volume 2. Moscow: Nauka, pp. 94-101. (In Rus.)

Deborin, A. M., 1927. Revisionism under the Mask of Orthodoxy. *Pod znamenem marksizma* [*Under the Banner of Marxism*], 9, pp. 5-48. (In Rus.)

Engels, F., 1975. Progress of Social Reform on the Continent. In: K. Marx and F. Engels, 1975. *Collected Works. Volume 3: Marx and Engels: 1843–1844.* Moscow: Progress Publishers; London: Lawrence & Wishart, pp. 392-408.

Engels, F., 1989. Preface to the First German Edition of *Socialism: Utopian and Scientific*. In: K. Marx and F. Engels, 1989. *Collected Works. Volume* 24: *Marx and Engels:* 1874–1883. London: Lawrence & Wishart, pp. 457-459.

Engels, F., 1990. Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy. In: K. Marx and F. Engels, 1990. Collected Works. Volume 26: Engels: 1882–1889. London: Lawrence & Wishart, pp. 353-398.

Ern, V.F., 1991. The Sword and the Cross (From Kant to Krupp). In: V.F. Ern, 1991. *Sochinenija* [Works]. Moscow: "Pravda", pp. 308-318. (In Rus.)

Fichte, J. G., 1970. Brief an J. I. Baggesen vom April 1795. In: J. G. Fichte, 1970. *Gesamtausgabe der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Band III*, 2. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, p. 298.

Florensky, P. A., 2007. From Lectures on the History of Philosophy in Modern Times. Russian Journal of Philosophical Sciences, 1, pp. 20-44. (In Rus.)

[Francke, R. and Hollmer, H.], eds. 2001. Mitteilungen. In: H. Heine, 2001. Säkularausgabe: Werke, Briefwechsel, Lebenszeugnisse. Band 8: Über Deutschland 1833–1836. Kunst und Philosophie. Kommentar. Herausgegeben von der Stiftung Weimarer Klassik. Berlin: Akademie Verlag, pp. 372-568.

Heine, H., 1864. Traits from the History of Religion and Philosophy in Germany. In: Jepoha, zhurnal literaturnyj i politicheskij [Epoch, Journal of Literature and Politics], edited by M. M. Dostoevsky (St. Petersburg), 3, pp. 192-222. (In Rus.)

Heine, H., 2007a. From the Introduction to "Kahldorf on the Nobility in Letters to Count M. von Moltke (1831). In: H. Heine, 2007. On the History of Religion and Philosophy in Germany and Other Writings. Edited by T. Pinkard, translated by H. Pollack-Milgate. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 130-135.

Никанор, архиепископ (Бровкович А. И.). Позитивная философия и сверхчувственное бытие. СПб.: типогр. товарищества «Общественная польза», 1888. Т. 3: Критика на критику чистого разума Канта.

О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв. / Большевик. 1944. № 7—8. С. 14—19.

Ойзерман Т.И. Немецкая классическая философия — один из теоретических источников марксизма. М.: Знание, 1955.

Ойзерман Т.И. Иммануил Кант — родоначальник классической немецкой философии // Кант И. Соч. : в 6 т. / под ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1963. Т. 1. С. 5—67.

Oйзерман Т. И. Оправдание ревизионизма. М. : Канон+, 2005.

От редакции // История философии / под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина. М.: Госполитиздат, 1943. Т. 3: Философия первой половины XIX века. С. 2.

Писарев Д.И. Генрих Гейне // Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. М.: Наука, 2005. Т. 9. С. 391—440.

 Π леханов Г. В. Философская эволюция Маркса // Соч. : в 24 т. 2-е изд. М. ; Л. : Госиздат, 1928. Т. 18. С. 323—334.

Плеханов Г. В. Сапт против Канта или духовное завещание г. Бернштейна // Избр. философские произведения : в 5 т. М. : Госполитиздат, 1956а. Т. 2. С. 374-402.

Плеханов Г. В. [Предисловие к первому изданию («От переводчика») и примечания Плеханова к книге Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии»] // Избр. философские произведения: в 5 т. М.: Госполитиздат, 1956б. Т. 1. С. 451—503.

 Π леханов Г. В. О книге г. В. Шулятикова // Избр. философские произведения : в 5 т. М. : Госполитиздат, 1957а. Т. 3. С. 319-325.

Плеханов Г. В. Предисловие переводчика ко 2-му изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» // Избр. философские произведения: в 5 т. М.: Госполитиздат, 1957б. Т. 3. С. 67—88.

Разумный В. А. Реальность фантастического // Вестник Российского философского общества. 2008. № 2. С. 217—220.

Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме. М.: Госполитиздат, 1945.

Heine, H., 2007b. On the History of Religion and Philosophy in Germany. In: H. Heine, 2007. On the History of Religion and Philosophy in Germany and Other Writings. Edited by T. Pinkard, translated by H. Pollack-Milgate. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3-117.

Herzen, A., 1956. Letters on the Study of Nature. Letter Eight: Realism. In: A. Herzen, 1956. *Selected Philosophical Works*. Moscow: Foreign Languages Publishing House, pp. 282-305.

Herzen, A., 1982. My Past and Thoughts. The Memories. Translated by C. Garnett, revised by H. Higgens, Introduction by I. Berlin, abridged, with a preface and notes by D. Macdonald. Berkeley & Los Angeles & London: University of California Press.

[Huber, L. F.], 1796. Projet de paix perpétuelle, par Kant. In: *Gazette nationale ou le Moniteur universel*, 103 (3 January), pp. 410-411.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Klopstock, F.G., 1982. Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe. Werke 1: Epigramme. Herausgegeben von K. Hurlebusch. Berlin: De Gruyter.

Krouglov, A. N., 2010. "Sitting Behind a Screen...": Alexander Blok and Andrei Bely. In: I. N. Griftsova and N. A. Dmitrieva, 2010. Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdu teoriej poznaniya i kritikoj kul'tury [German and Russian Neo-Kantianism: Between Theory of Knowledge and Criticism of Culture]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), pp. 484-499.

Krouglov, A. N., 2018. Der Streit der russischen Marxisten um Kants Ethik. *Studies in East European Thought*, 70, pp. 249-261.

Krouglov, A. N., 2020. Discussion about Kant during the Great Patriotic War: The Look 75 Years after the Victory. Part II. In: *Voprosy Filosofii*, 6, pp. 169-189. (In Rus.)

Lenin, V. I., 1977a. The Three Sources and Three Component Parts of Marxism. In: V. I. Lenin, 1977. *Collected Works. Volume 19: March — December 1913.* Moscow: Progress Publishers, pp. 21-28.

Lenin, V.I., 1977b. *Materialism and Empirio-Criticism*. *Critical Comments on a Reactionary Philosophy*. In: V.I. Lenin, 1977. *Collected Works*. *Volume* 14: 1908. Moscow: Progress Publishers, pp. 17-388.

Lenin, V.I., 1977c. Philosophical Notebooks. In: V.I. Lenin, 1977. *Collected Works. Volume 38*. Moscow: Progress Publishers.

Luppol, I. K., 1930. Kant and Modern Revisionism in German Social Democracy (K. Vorländer and M. Adler). In: *Na dva fronta. Sbornik statej* [*On Two Fronts. Collection of Papers*]. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 113-137. (In Rus.)

Толстой А. Н. Хмурое утро // Полн. собр. соч. М.: ГИХЛ, 1947. Т. 8. С. 7—400.

 Φ лоренский П. А. Из лекций по истории философии Нового времени // Философские науки. 2007. № 1. С. 20-44.

Шулятиков В. М. Оправдание капитализма в западноевропейской философии (от Декарта до Э. Маха). М.: Московское книгоиздательство, 1908.

Щеглов А.В. Немецкая классическая философия (Кант, Гегель, Фейербах). Стенограмма лекций, прочитанных 11, 14 и 17 декабря 1939 г. [Курс диалектического и исторического материализма ВПШ при ЦК ВКП(б)] / под ред. М.Б. Митина. М.: б. и., 1940.

Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1954. Т. 1. С. 525-541.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961a. Т. 21. С. 269-317.

Энгельс Ф. Предисловие к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к нау-ке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1961б. Т. 19. С. 321-323.

Эрн В. Ф. Меч и крест (От Канта к Круппу) // Соч. М. : Правда, 1991. С. 308—318.

Anonym. Dreyerley Desorganisationen gegen das Ende unseres Jahrhunderts // Philosophisches Archiv / hrsg. von J. A. Eberhard. Berlin: Maßdorf, 1794. Bd. 2, St. 3. S. 17—31.

Anonym. Gespräch zwischen Charlotte Cordé, der Mörderin des berüchtigten Marat zu Paris, und einem kritischen Philosophen // Philosophisches Archiv / hrsg. von J. A. Eberhard. Berlin: Maßdorf, 1795. Bd. 2, St. 4. S. 110—113.

Bachmann C. F. Über die Philosophie meiner Zeit. Zur Vermittlung. Jena: Cröker, 1816.

Bonsens E. [Brosse F. Chr.] Antipseudo-Kantiade, oder der Leinweber und sein Sohn, ein satyrisch-kritischer Roman, mit imaginierten Kupfern, ohne Vorrede von Kant, aber mit einer üblen Nachrede der Pseudokantianer. Gnidos [Riga]: Severesto, 1798.

Marx, K., 1975. The Philosophical Manifesto of the Historical School of Law. In: K. Marx and F. Engels, 1975. *Collected Works. Volume 1: Marx, 1835–1843.* Moscow: Progress Publishers; London: Lawrence & Wishart, pp. 203-210.

Mezhevich, V.S., 1833. Hegel. In: Teleskop. Zhurnal sovremennogo prosveshchenija [Telescope. Journal of Contemporary Enlightenment Telescope. Journal of Contemporary Enlightenment], edited by N. I. Nadezhdin, 16(15), pp. 381-397. (In Rus.)

Mitin, M. B., ed. 1934. Dialekticheskij i istoricheskij materializm v 2-h chastjah. Uchebnik dlja komvuzov i vtuzov. Part 1: Dialekticheskij materializm [Dialectical and Historical Materialism in 2 Parts. Textbook for colleges and universities. Part 1: Dialectical Materialism]. Moscow: OGIZ Socjekgiz. (In Rus.)

Moshkovskaya, Ju. Ja., 1941. [Kant]. In: V.P. Volgin and E. V. Tarle, eds. 1941. Francuzskaja burzhuaznaja revoljucija. 1769–1794. [The French Bourgeois Revolution. 1769–1794]. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 245-250. (In Rus.)

Nikanor, arhiepiskop (Brovkovich, A. I.), 1888. Pozitivnaja filosofija i sverhchuvstvennoe bytie. Tom 3: Kritika na kritiku chistogo razuma Kanta [Positive Philosophy and Supersensible Being. Volume 3: Critique on Kant's Critique of Pure Reason]. St. Petersburg: "Obshchestvennaja pol'za". (In Rus.)

Oizerman, T. I., 1955. Nemeckaja klassicheskaja filosofija – odin iz teoreticheskih istochnikov marksizma [Classical German Philosophy is One of the Theoretical Sources of Marxism]. Moscow: "Znanie". (In Rus.)

Oizerman, T.I., 1963. Immanuel Kant, Pioneer of Classical German Philosophy. In: I. Kant, 1963. *Sochinenija v shesti tomah* [Works in Six Volumes], Volume 1. Edited by V.F. Asmus, A. V. Gulyga and T. I. Oizerman. Moscow: "Mysl", pp. 5-67. (In Rus.)

Oizerman, T.I., 2005. *Opravdanie revizionizma* [The *Justification of Revisionism*]. Moscow: Kanon+. (In Rus.)

Philonenko, A., 1972. L'oeuvre de Kant: la philosophie critique. Tome II. Paris: J. Vrin.

Pisarev, D. I., 2005. Heinrich Heine. In: D. I. Pisarev, 2005. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 12-ti t.* [Complete Works and Letters in Twelve Volumes]. Volume 9. Moscow: Nauka, pp. 391-440. (In Rus.)

Plekhanov, G. V., 1928. Marx's Philosophical Evolution. In: G. V. Plekhanov, 1928. *Sochinenija* [Works]. *Volume 18*. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 323-334. (In Rus.)

Plekhanov, G. V., 1974a. Cant against Kant or Herr Bernstein's Will and Testament. In: G. V. Plekhanov, 1974. *Selected Philosophical Works, Volume 2*. Moscow: Progress Publishers, pp. 352-378.

Engels F. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie // Marx K., Engels F. Werke. Berlin: Dietz Verlag, 1962. Bd. 21. S. 259–307.

Engels F. Fortschritte der Sozialreform auf dem Kontinent // Marx K., Engels F. Werke. Berlin: Dietz Verlag, 1981. Bd. 1. S. 480—496.

Engels F. Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft [Vorwort zur ersten Auflage] // Marx K., Engels F. Werke. Berlin: Dietz Verlag, 1987. Bd. 19. S. 186—188.

Fichte J. G. Brief an J. I. Baggesen vom April 1795 // Gesamtausgabe der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd. III, 2. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 1970. S. 298.

Heine H. Einleitung zu "Kahldorf über den Adel" // Werke und Briefe: in 10 Bdn. / hrsg. von H. Kaufmann, 2. Aufl. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1972a. Bd. 4. S. 275—289.

Heine H. Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland // Werke und Briefe in zehn Bänden / hrsg. von H. Kaufmann, 2. Aufl. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 19726. Bd. 5. S. 167—308.

[*Huber L.F.*] Projet de paix perpétuelle, par Kant // Gazette nationale ou le Moniteur universel. 1796. Nole 103 (3. Jan.). P. 410-411.

Klopstock F. G. Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe / hrsg. von K. Hurlebusch. Berlin : de Gruyter, 1982. Werke 1 : Epigramme.

Krouglov A. N. Der Streit der russischen Marxisten um Kants Ethik // Studies in East European Thought. 2018. Vol. 70, № 4. P. 249–261.

Marx K. Das philosophische Manifest der historischen Rechtsschule // Marx K., Engels F. Werke. Berlin: Dietz Verlag, 1981. Bd. 1. S. 78—85.

Mitteilungen // Heine H. Säkularausgabe: Werke, Briefwechsel, Lebenszeugnisse / hrsg. von der Stiftung Weimarer Klassik. Berlin : Akademie Verlag, 2001. Bd. 8 : Über Deutschland 1833–1836. Aufsätze über Kunst und Philosophie. Kommentar. S. 372–568.

Philonenko A. L'œuvre de Kant: la philosophie critique. P.: J. Vrin, 1972. T. 2.

Rosenkranz K. Geschichte der Kant'schen Philosophie // Kant I. Sämtliche Werke / hrsg. von K. Rosenkranz, F. W. Schubert. Leipzig: Leopold Voss, 1840. Tl. 12. S. 1–496.

Schröpfer H. Kants Weg in die Öffentlichkeit: Christian Gottfried Schütz als Wegbereiter der kritischen Philosophie. Stuttgart-Bad Cannstatt : Frommann-Holzboog, 2003.

Plekhanov, G. V., 1974b. [Foreword to the First Edition ("From the Translator") and Plekhanov's Notes to Engels' Book *Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy*]. In: G. V. Plekhanov, 1974. *Selected Philosophical Works, Volume 1*. Moscow: Progress Publishers, pp. 427-476.

Plehanov, G. V., 1976a. Translator's Preface to the Second Edition of Engels' *Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy*. In: G. V. Plekhanov, 1976. *Selected Philosophical Works, Volume 3*. Moscow: Progress Publishers, pp. 64-83.

Plehanov, G. V., 1976b. On Mr V. Shulyatikov's Book. In: G. V. Plekhanov, 1976. *Selected Philosophical Works, Volume 3*. Moscow: Progress Publishers, pp. 299-305.

Razumny, V. A., 2008. The Reality of the Fantastic. *Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshchestva [Bulletin of the Russian Philosophical Society*], 2, pp. 217-220. (In Rus.)

Rosenkranz, K., 1840. Geschichte der Kant'schen Philosophie. In: I. Kant, 1840. *Sämtliche Werke, Theil* 12. Herausgegeben von K. Rosenkranz und F. W. Schubert. Leipzig: Leopold Voss, pp. 1-496.

Schröpfer, H., 2003. Kants Weg in die Öffentlichkeit: Christian Gottfried Schütz als Wegbereiter der kritischen Philosophie. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog.

[Schütz, Ch. G.], 1785. Riga, b. Hartknoch: Grundlegung zur Metaphysik der Sitten von Immanuel Kant, 8 Bog. 8. *Allgemeine Literatur-Zeitung (Jena)*, 2(80), p. 21.

Shcheglov, A. V., 1940. Nemeckaja klassicheskaja filosofija (Kant, Gegel', Fejerbakh). Stenogramma lekcij, prochitannyh 11, 14 i 17 dekabrya 1939 g. (Kurs dialekticheskogo i istoricheskogo materializma VPSh pri CK VKP(b)) [Classical German Philosophy (Kant, Hegel, Feuerbach). Transcript of the Lectures Delivered on 11, 14 and 17 December 1939. (Course of Dialectical and Historical Materialism in the High Party School under the Central Committee of the VKP(B))]. Edited by M. B. Mitin. Moscow: s.n. (In Rus.)

Shulyatikov, V. M., 1908. Opravdanie kapitalizma v zapadnoevropejskoj filosofii (ot Dekarta do Je. Maha) [The Justification of Capitalism in Western European Philosophy (from Descartes to E. Mach)]. Moscow: Moskovskoe knigoizdatel'stvo. (In Rus.)

Stalin, J., 1975. *Dialectical and Historical Materialism*. Calcutta: Mass Publications.

Tolstoy, A. N., 1947. *A Gloomy Morning*. In: A. N. Tolstoy, 1947. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. *Volume 8*. Moscow: GIKhL, pp. 7-400. (In Rus.)

Varnhagen von Ense, K. A., 1843. Kant's Leben, von Schubert. 1842. Aus einem Brief an ** in**. In: K. A. Varnhagen von Ense, 1843. *Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften. Band 5.* Leipzig: F. A. Brockhaus, pp. 751-759.

[Schütz Chr. G.] Riga, b. Hartknoch: Grundlegung zur Metaphysik der Sitten von Immanuel Kant, 8 Bog. 8 // Allgemeine Literatur-Zeitung (Jena). 1785. Bd. 2, N_0 80. S. 21.

Varnhagen von Ense K.A. Kant's Leben, von Schubert. 1842. Aus einem Brief an ** in** // Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften. 2. Aufl. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1843. Bd. 5. S. 751—759.

Varnhagen von Ense K. A. Tagebücher. Aus dem Nachlaß Varnhagen's von Ense. Hamburg: Hoffmann & Campe, 1869. Bd. 11.

Vorländer K. Kants Stellung zur französischen Revolution // Philosophische Abhandlungen Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag (4. Juli 1912) dargebracht. Berlin: Bruno Cassirer, 1912. S. 247—269.

Об авторе

Алексей Николаевич **Круглов**, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: akrouglov@mail.ru

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1152-1309

Для цитирования:

Круглов А.Н. Кант как немецкий теоретик французской революции: возникновение догмы в марксистско-ленинской философии // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 3. С. 63-92.

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-3

© Круглов А.Н., 2021.

Varnhagen von Ense, K. A., 1869. *Tagebücher. Aus dem Nachlaß Varnhagen's von Ense. Band 11.* Hamburg: Hoffmann & Campe.

Vorländer, K., 1912. Kants Stellung zur französischen Revolution. In: *Philosophische Abhandlungen Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag (4. Juli 1912) dargebracht.* Berlin: Bruno Cassirer, pp. 247-269.

Zhdanov, A. A. 1952. *Vystuplenie na diskussii po knige* G. F. Aleksandrova "Istorija zapadno-evropejskoj filosofii" 24 iunya 1947 g. [Speech at the Discussion of G. F. Alexandrov's Book History of Western European Philosophy on 24 June 1947]. Moscow: Gospolitizdat. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Prof. Dr Alexei N. Krouglov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: akrouglov@mail.ru

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1152-1309

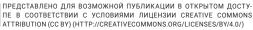
To cite this article:

Krouglov, A. N., 2021. Kant as the German Theorist of the French Revolution: the Origin of a Dogma. *Kantian Journal*, 40(3), pp. 63-92

http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-3-3

© Krouglov A. N., 2021.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА

М. Р. Левин ^{1, 2, 3}

Трансцендентальная философия не была рождена как Афина из головы Зевса – сразу зрелой и полностью вооруженной. Именно поэтому в обоих предисловиях к «Критике чистого разума» (1781 и 1787 гг.) Кант вводит понятие трансцендентальной философии как «идеи». Идея в ее архитектоническом понимании развивается длительно и только постепенно принимает определенную форму. Как показывают работы самого Канта, а также его предшественников и последователей, идея трансцендентальной философии претерпела ряд изменений и корректировок по сравнению с изначальным планом. В этом контексте моя цель — не просто экзегетика и историческое исследование трансцендентальной философии, а взгляд на нее в систематичной методологической перспективе. Я рассматриваю концепт трансцендентальной философии с точки зрения программатической метафилософии. В первой части представлена программатика как определенный подраздел метафилософии. Показано, что архитектоническая методология Канта и методология Лакатоса могут быть использованы для понимания возникновения, развития и распада философских систем. Во второй части проект трансцендентальной философии и его поэтапное развитие рассмотрены с точки зрения архитектоники. В третьей части продемонстрировано, что методология Лакатоса может обеспечить детальное понимание элементов программы трансцендентальной философии, дать возможность четко разобраться в ее логике и выявить ее составные части, которые могут быть улучшены и развиты. Несмотря на разный уровень детальности и эпистемологических предпосылок, методологии Канта и

² Горный университет Вупперталя. 42119, Германия, Вупперталь, Гауссштрассе, д. 20.

³ Университет Кобленца-Ландау.

55118, Германия, Майнц, Рабанусштрассе, д. 3. Поступила в редакцию: 14.02.2021 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-4

TRANSCENDENTAL PHILOSOPHY AS A SCIENTIFIC RESEARCH **PROGRAMME**

M. Lewin 1, 2, 3

Transcendental philosophy was not born like Athena out of Zeus's head, mature and in full armour from the very beginning. That is why in both prefaces to the Critique of Pure Reason (1781 and 1787) Kant introduces the concept of transcendental philosophy as an "idea." The idea understood architectonically develops slowly and only gradually acquires a definite form. As witnessed by the works of Kant himself and of his predecessors and followers, the idea of transcendental philosophy has undergone a series of changes and adjustments compared to the initial plan. In this context, my goal is not simply exegesis and historical investigation of transcendental philosophy, but also to look at it from a systematic and methodological perspective. I examine the concept of transcendental philosophy from the viewpoint of programmatic metaphilosophy. The first part discusses programmatics as a distinct subsection of metaphilosophy. I argue that Kant's architectonic methodology and the methodology of Lakatos can be used to understand the inception, development and degradation of philosophical systems. In the second part I look at the project of transcendental philosophy and the stages of its development from the standpoint of architectonics. The third part shows that Lakatos's methodology can provide a detailed insight into the elements of transcendental philosophy, a clear idea of its logic and identify the component parts that can be improved and developed. In spite of the different levels of detailing and epistemological prerequisites, the methodologies of Kant

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-4

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 2236016, Калининград, ул. А. Невского, д. 14.

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University.

¹⁴ Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia.

² University of Wuppertal.

²⁰ Gaußstraße, Wuppertal, 42119, Germany.

³ University of Koblenz and Landau.

³ Rhabanusstraße, Mainz, 55118, Germany. Received: 14.02.2021.

Пакатоса могут быть совмещены в целях метафилософски информированного и прогрессивного понимания философских проектов.

Ключевые слова: трансцендентальная философия, Кант, программатика, архитектоника, метафилософия, идеи разума, Лакатос, научно-исследовательские программы, научная теория

Введение

Цель моего исследования — рассмотреть концепт трансцендентальной философии с двух разных позиций: во внутренней перспективе, со стороны самой трансцендентальной философии – вернее, ее определенной версии, а именно версии Канта, которая дает идею и определение того, что она сама собой представляет, и во внешней перспективе, то есть с точки зрения философа, который не является представителем этого философского направления, - И. Лакатоса и его теории научно-исследовательских программ. Как мы увидим, Кант развивает определенную методологию, в которой он описывает, как создаются и организуются науки и научные проекты, включая его собственный. То есть из самой трансцендентальной философии следует методология, определяющая ее форму. Трансцендентальная философия, таким образом, через свою методологию понимает себя саму и по аналогии переносит это понимание, эти знания, относящиеся к ее методологии, на другие системы и науки. Отталкиваясь из этих размышлений, можно прийти к мысли о некоторой ограниченности методологии Канта. Она является продуктом философской системы, которая относится к специфическому стилю философствования, историческому времени, этапу развития философии и т.д. Короче говоря, методология Канта «относительна», то есть она не может претендовать на то, чтобы масштабно и объективно - не принимая чью-либо сторону - описывать, как образуются различные философские системы и научные проекты. Но то же самое можно сказать и о любой другой методологии, которая, прячась за маской позитиand Lakatos can be combined to achieve a metaphilosophically informed and progressive understanding of philosophical projects.

Keywords: transcendental philosophy, Kant, programmatics, architectonics, metaphilosophy, ideas of reason, Lakatos, research programmes, scientific theory

Introduction

The aim of my research is to examine the concept of transcendental philosophy from two different angles: from the internal perspective, i.e. from the side of transcendental philosophy or, rather, one of its versions, namely Kant's, which gives an idea and definition of what it is; and from the external perspective, i.e. from the point of view of a philosopher who does not belong to this philosophical direction, namely, Imre Lakatos and his theory of scientific research programmes. As we shall see, Kant has a certain methodology for describing how science and scientific projects, including his own, are created and organised. This methodology emerges from transcendental philosophy itself to determine its form. Transcendental philosophy thus understands itself through its methodology and, by analogy, transfers this understanding, this knowledge pertaining to its methodology, to other systems and sciences. These reflections may suggest that Kant's methodology has certain limitations. It is a product of the philosophical system that belongs to a certain style of philosophising, a certain historical period, a stage in the development of philosophy etc. In short, Kant's methodology is "relative", i.e. it cannot claim to be able to describe broadly and objectively – without taking sides – how various philosophical systems and scientific projects arise. But the same can be said about any other methodology which, hiding behind

визма или реализма, или даже абсолютного идеализма, может показаться решением проблемы отсутствия независимости в исследовании методов и их использования. Так же как научная философия и методология Канта, проекты представителей философии науки - Флека, Маха, Поппера, Куна, Лакатоса, Лаудана и др. – строятся на определенных предпосылках, на более или менее скрытых или открытых факторах, которые делают эти проекты относительными. Современная философия науки, казалось бы, не основывается на каких-либо фундаментальных философских системах, а занимается непосредственно научными теориями, их происхождением, развитием и опровержением. Но сам факт, что она, во-первых, отличается от прежних размышлений о науке, во-вторых, состоит из конкурирующих методологических концепций, которые, в-третьих, описывают сами себя в рамках этих же концепций, говорит о разных, не редуцируемых друг к другу факторах. Можно сказать, что каждая методология (например, Декарта, Канта, Гегеля, Поппера или Куна) находится в некоем замкнутом круге, в котором предпосылки определяют методологию, а методология - предпосылки.

Как можно выйти из этого круга, не теряя своей собственной позиции? Я думаю, что это возможно в форме диалога и кооперации между позициями, то есть путем взаимодополнения двух разных, пусть даже на первый взгляд несовместимых, методологий. Я хочу показать это на примере методологий Канта и Лакатоса применительно к концепту трансцендентальной философии. Почему я рассматриваю именно этих двух авторов? Обращение к Канту обусловлено тем, что его архитектоническая методология может быть рассмотрена в качестве совершенно нового концептуального подхода к пониманию построения систем знания исходя из точечно спроектированных идей. Архитектонические идеи — это точки концентрации знания, которое еще предстоит развернуть. Лакатос в рамках данного исследования представляет интерес потому, что его методология научно-исследовательских программ явthe mask of positivism or realism, or even absolute idealism, may appear to offer a solution to the problem of absence of independence in the study of methods and their use. Just like Kant's scientific philosophy and methodology, the projects of philosophers of science – Fleck, Mach, Popper, Kuhn, Lakatos, Laudan and others — are built on certain prerequisites, more or less covert or overt factors that make these projects relative. Modern philosophy of science seemingly is not based on any fundamental philosophical systems, but deals with immediate scientific theories, their origin, development and refutation. But the very fact that it, first, differs from former reflections on science, second, consists of competing methodological concepts which, third, describe themselves in the framework of these same concepts, points to different factors that cannot be reduced to one another. It can be said that every methodology, be it that of Descartes, Kant, Hegel, Popper or Kuhn, is in a kind of a closed circle in which prerequisites determine the methodology and vice versa.

How can one break out of this circle without abandoning one's own position? I think it is possible in the form of dialogue and cooperation between positions, i.e. mutual complementation of two different, even at first sight incompatible, methodologies. I propose to demonstrate this using the example of Kant and Lakatos. Why have I chosen these two authors? I have chosen Kant because his architectonic methodology can be seen as a ground-breaking conceptual approach to the building of knowledge system proceeding from precisely designed ideas. Architectonic ideas are points of concentration of knowledge which has yet to be unfolded. Lakatos, in terms of this study, is interesting because his methodology of research programmes is one of the latest science philosophy models which, ляет собой одну из последних научно-философских моделей, с одной стороны, более гибкую по сравнению с моделями его предшественников, с другой — более систематичную по сравнению с теориями его критиков или последователей. Наконец, обе методологии — и Канта, и Лакатоса — основываются на представлении о том, что в знаниях и рядах теорий есть определенный гравитационный центр, который имеет настолько большую силу, что теории и знания концентрируются, вращаются и развиваются вокруг него, как планеты и другие астрономические объекты вокруг Солнца в планетарных системах.

Метод, который я использую в этой статье, — концептуальный анализ и синтез. Я раскладываю на части и объединяю понятия из трансцендентальной философии и философии науки Лакатоса. Это необходимо, чтобы показать, как, совмещая обе методологии, можно получить более четкое понимание механизмов осуществления научных исследований в форме проектов и программ. В первой части статьи я обращу внимание на метафилософию как дисциплину, в рамках которой затем будут рассмотрены методологии Канта и Лакатоса. Наш предмет исследования имманентно-философский, то есть мы будем заниматься философией и применять обе методологии к трансцендентальной философии, а не к какой-либо естественно-научной теории. Во время обсуждения мы будем все время находиться в рамках программатической метафилософии как дисциплинарного подразделения метафилософии. Во второй части я покажу, как можно понять трансцендентальную философию исходя из теории Канта об архитектонических идеях. В третьей части теория научно-исследовательских программ станет исходным пунктом для понимания трансцендентальной философии, представляя ее в методологически более широком виде. В заключении я подведу итоги и продемонстрирую, как обе методологии могут дополнить друг друга и помочь глубже понять проект трансцендентальной философии.

on the one hand, is more flexible compared to its forerunners and, on the other hand, is more systematic compared to the theories of its critics or followers. Finally, both methodologies (Kant's and Lakatos's) are based on the notion that our knowledge and sets of theories have a certain *gravitational centre* which is so powerful that theories and knowledge concentrate, revolve and develop around it like planets and other astronomical objects revolve around the Sun in planetary systems.

The method I use in this article is conceptual analysis and synthesis. I break down into parts and then combine concepts from transcendental philosophy and Lakatos's philosophy of science. This is necessary in order to show how, by combining the two methodologies, a deeper insight can be achieved into how scientific research is done in the form of projects and programmes. In the first part of the article, I will focus on metaphilosophy as the discipline within which I will consider the methodologies of Kant and Lakatos. The object of my research is immanently philosophical, i.e. I will discuss philosophy and apply both methodologies to transcendental philosophy and not to any particular natural science theory. Throughout the discussion I will stay within the framework of programmatic metaphilosophy as a disciplinary department of metaphilosophy. In the second part, I will show how transcendental philosophy can be understood, proceeding from Kant's theory of architectonic ideas. In the third, part the theory of research programmes will be the starting point for interpreting transcendental philosophy, presenting it in a methodologically broader way. In the conclusion I will sum up the results and demonstrate how the two methodologies can complement each other to gain a deeper insight into the project of transcendental philosophy.

1. Метафилософия как программатическая методология философии

Термин «метафилософия» появился 1960-е гг. Польско-американский философ Морис Лазерович использовал его в названии сборника «Исследования в области метафилософии» (см.: Lazerowitz, 1964), который состоял из его шести статей, включая «Методы философии» и «Скрытая структура философских теорий». В первом выпуске журнала «Метафилософия» (см.: Lazerowitz, 1970, р. 91), который издается с 1970 г. до сих пор по 5 номеров в год, он подчеркнул, что именно он ввел этот термин в научный обиход⁴. Появление этого термина, а также журнала и нескольких книг, имеющих его в названии, создали иллюзию возникновения некой новой дисциплины внутри философии — на мой взгляд, продуктивную иллюзию. Хотя некоторые авторы — такие как немецкий философ Рихард Раціі (Raatzsch, 2014) и британский философ Тимоти Уильямсон (Williamson, 2008), одна из книг о философии которого, между прочим, недавно обсуждалась в российском журнале «Эпистемология и философия науки» (см.: Васильев, 2019), — предпочитают говорить о философии философии. Они используют такой языковой оборот потому, что из-за приставки «мета» под метафилософией можно понять какой-то нежелательный второй уровень над философией. На самом деле приставку «мета» можно истолковать просто как препозицию «о», то есть термин «метафилософия» определяет, что объект философии — сама же философия. Поэтому термин «метафилософия» часто предпочитают такие центральные фигуры этой дисциплины, как, например, немецко-американский философ Николас Решер, опубликовавший несколько книг по метафилософии (Rescher, 2006; 2014), или русский философ Теодор Ойзерман (Ойзерман, 2014). Если следовать мысли историка философии Луца Гельдзецера

1. Metaphilosophy as the Programmatic Methodology of Philosophy

The term "metaphilosophy" was coined in the 1960s. The Polish-American philosopher Morris Lazerowitz used it in the title of the anthology Studies in Metaphilosophy (Lazerowitz, 1964), which comprised six of his articles, including "Methods of Philosophy" and "The Hidden Structure of Philosophical Theories". In the first issue of the journal Metaphilosophy (Lazerowitz, 1970, p. 91), published since 1970 (five issues annually), he claimed to be the first to introduce the term into scientific practice.4 The emergence of this term, as well as the journal and several books that used the term in their titles, created an illusion - a productive illusion in my opinion — of the emergence of a new discipline within philosophy. True, some authors - e.g. the German philosopher Richard Raatzsch (2014) and the British philosopher Timothy Williamson (2008), one of whose books, incidentally, was recently discussed in the Russian journal Epistemology and Philosophy of Science (Vasilyev, 2019) - prefer the term "philosophy of philosophy." They use this turn of phrase because the prefix "meta-" may suggest an undesirable second level above philosophy. In fact, the prefix "meta-" can be understood simply as meaning "about", i.e. the term "metaphilosophy" indicates that the object of philosophy is philosophy itself. Therefore, the term metaphilosophy is often preferred, for example, by such central figures of this discipline as the German-American philosopher Nicholas Rescher (2006; 2014) who has published several books on metaphilosophy, or the Russian philosopher Teodor Oizerman (2014). If we follow the thinking of the historian

⁴ Вероятно, впервые этот термин был использован Карлом Леонардом Рейнгольдом (Reinhold, 1803, S. 208).

⁴ The term was probably first used by Karl Leonard Reinhold (1803, p. 208).

(Geldsetzer, 1989), в этом нет ничего необычного. В философии наблюдается ряд специализаций: если ее предмет природа, мы говорим о философии природы, если право, то о философии права. Метафилософом можно в таком случае назвать того, кто специализируется на размышлениях о философии, ее целях, назначении, формах, методах, применимости, изучении социальных и психологических факторов, влияющих на то, как мы философствуем, и т. д. Тогда метафилософию можно определить вслед за авторами первого введения в метафилософию как «исследование природы философских вопросов и методов, использованных чтобы ответить на них» (Overgaard, Gilbert, Burwood, 2013, p. 4).

Если взглянуть на историю философии, то такого рода специализацию найти трудно. Но сейчас ее существование стало возможным, и авторы могут посвящать годы занятию конкретно и эксплицитно метафилософскими вопросами. Например, краткое сочинение Хайдегтера «Что это такое – философия?» (1956) или несколько мест у Канта, где он говорит непосредственно о философии, несравнимы с объемом работ того же Решера. Конечно, все философы так или иначе задумывались над тем, что такое философия и какие методы к ней относятся, но делали это скорее имплицитно, между делом, в рамках других исследований и вопросов. Если следовать тезису Ойгена Тойниссена (Theunissen, 2014), то метафилософские вопросы начали впервые появляться у Канта и после Канта. Около 1800-х гг. произошло какое-то, как это представляет Дитер Хенрих, взрывное развитие философских теорий (Непrich, 1991, S. 217-218), непосредственно или опосредованно связанных с критической философией. Это повлекло за собой вопрос, как можно рационально осмыслить всю палитру философских разработок. Можно ли создать какую-то топологию и понять логику развития и становления разнообразных философских проектов? По мнению Тойниссена, Гегель был первым, кто глубоко и систематично занялся этим метафилософским вопросом в «Феномеof philosophy, Lutz Geldsetzer (1989, pp. 904-911), there is nothing unusual about it. There are several specialisations within philosophy: if its object is nature we speak about the philosophy of nature, if it is law, we speak about the philosophy of law. Accordingly, a metaphilosopher is someone who specialises in reflections about philosophy, its goals, mission, forms, methods, applicability, the study of the social and psychological factors that influence the way we philosophise etc. Then, following the authors of the first introduction to metaphilosophy, we can define metaphilosophy as "the inquiry into the nature of philosophical questions and the methods to be adopted in answering them" (Overgaard, Gilbert and Burwood, 2013, p. 4).

If we look at the history of philosophy, such specialisation is hard to identify. But today its existence has become possible and authors can devote years to dealing specifically and explicitly with metaphilosophical questions. For example, Heidegger's short piece "What Is Philosophy?" (1956) and several passages in Kant where he speaks directly about philosophy are dwarfed, for instance, by the body of works of Rescher. Of course, all philosophers have in one way or another thought about what philosophy is and what methods it uses, but they did so rather implicitly, in passing, within the framework of other studies and questions. According to Eugen Theunissen (2014), metaphilosophical questions began to be asked by Kant and by others after him. Dieter Henrich (1991, pp. 217-218) notes an explosion of philosophical theories linked directly or indirectly with critical philosophy that occurred around the 1800s. This threw up the problem of rationally explaining the whole palette of philosophical studies. Is it possible to devise a topology and understand the logic of the emergence and development of various philosophical projects? In Theunissen's opinion, Hegel was the first to

нологии духа». Я не согласен с ним в трех пунктах. Во-первых, не «Феноменология духа», а, как уже говорит само название произведения, «Энциклопедия философских наук» — то центральное сочинение, в котором Гегель создает диалектическую топологию философских проектов. Это произведение можно назвать парадигмальным примером систематической метафилософии, где вопрос «Что такое философия?» представляет собой главный имманентный предмет философского исследования. Во-вторых, метафилософия началась не с Канта - почему, например, размышления Платона о философии нельзя назвать философией философии? В-третьих, Тойниссен руководствуется ограниченным пониманием метафилософии как топологии философских проектов. Хотя этот пункт, безусловно, важен, он может быть только подразделом метафилософии. Я бы хотел отнести топологизирование философских проектов к определенному разделу метафилософии, который назову программатической метафилософией⁵. Программатическая метафилософия, или программатика философии, как я предлагаю ее концептуализировать, изучает логику создания, разработки, роста и распада, координирования и топологизирования философских теорий и программ. В философской программатике должны быть найдены ответы на следующие вопросы: (і) Как создаются философские проекты? (іі) Как они появляются, развиваются, распадаются? (iii) Как они координируются и взаимодействуют с другими теориями? (iv) Есть ли какая-то объективная логика исследований, которая стоит за $extit{bce-}$ ми философскими проектами?

Мы, безусловно, найдем ответы на эти вопросы не только в метафилософии конца XX в., но и у Канта и Гегеля. Также ответы найдутся в философии науки, например у Куна или Лакатоса. Программатическая метафилософия должна быть открыта всем возможным философским позициям, чтобы все заинтересован-

address the issue in a profoundly systemic way in The Phenomenology of Spirit. I disagree with him on three points. First, the central work in which Hegel offers a dialectical topology of philosophical projects is *The Encyclopaedia of the* Philosophical Sciences and not The Phenomenology of Spirit. This work can be described as a paradigmatic example of systematic metaphilosophy where the question "What is philosophy?" is the main immanent object of philosophical inquiry. Second, metaphilosophy did not begin with Kant – for example, why cannot Plato's reflections on philosophy be called philosophy of philosophy? Third, Theunissen has a limited notion of metaphilosophy as a topology of philosophical projects. Although it is undoubtedly an important point, it can only be a subsection of metaphilosophy. I would like to see the topology of philosophical projects as a section of metaphilosophy, which I would like to call programmatic metaphilosophy.5 Programmatic metaphilosophy, or the programmatics of philosophy as I propose to call it, studies the logic of the creation, development, growth and degeneration, coordination and topologisation of philosophical theories and programmes. Philosophical programmatics should answer the following questions: (i) How are philosophical projects created? (ii) How do they emerge, develop and break up? (iii) How are they coordinated and how do they interact with other theories? and (iv) Is there an objective logic of inquiry that underlies all philosophical proiects?

We will of course find answers to these questions not only in the metaphilosophy since the end of the twentieth century, but also in Kant and Hegel. Answers will be found in the philosophy of science, for example in Kuhn or Lakatos. Programmatic metaphilosophy should

 $^{^{5}}$ Метафилософия сама не сводится лишь к программатике или философии науки.

⁵ Metaphilosophy itself is not confined to programmatics or the philosophy of science.

ные могли получить наиболее разнообразную и широкую картину построения и развития философских программ.

Если мы обратим внимание на то, что было сделано в области программатической метафилософии в последнее время, то обнаружится не так много исследований на эту тему. Интересны попытки трех немецких авторов (Schnädelbach, 1994; Apel, 2011; Habermas, 2016) использовать концепт парадигм Куна в сфере философии6. Они поделили историю философии на три части. При этом, исходя из логики Куна, эти части несоизмеримы, они противоречат друг другу и вытесняют друг друга, то есть не могут реализовываться вместе в одно и то же время. Первая часть - это парадигма философии бытия, представляющая собой традиционную метафизику, например Платона и Аристотеля. С Декартом же появляется новая, вторая парадигма философии, опорная точка которой – анализ сознания, его функций и способностей. В этой «менталистской» парадигме движется и философия Канта. Она остается неоспоримой вплоть до философии Гегеля и левых гегельянцев, которые начинают задумываться о значении обычных людей и ежедневной рациональности, а также подготавливать следующую революцию в философии: появление так называемой лингвистической парадигмы, идущей от Фреге и Витгенштейна. В этой лингвистической парадигме находятся и сами проекты анализа коммуникативной рациональности Шнедельбаха, Апеля и Хабермаса, и большая часть современной философии.

Я укажу на три проблемы, с которыми сталкивается такой подход. Во-первых, он идеально-типично делит философию и дает лишь макроанализ философских программ, не принимая во внимание исключения и детали. Во-вторых, такая логика не позволяет понять, почему и как множество различных подходов в философии могут синхронно кооперировать и конкурировать друг с другом. В-третьих, по-

be open to all possible philosophical positions so that all those concerned might get the most diversified and broadest picture of the building and development of philosophical programmes.

If we ask what has recently been done in the field of programmatic metaphilosophy, we will not find many studies on this topic. Attempts by several German authors (cf. Schnädelbach, 1994, pp. 37-76; Apel, 2011; Habermas, 2016) to use Kuhn's concept of paradigms in the sphere of philosophy merit attention.6 They have divided the history of philosophy into three parts. Proceeding from Kuhn's logic, these parts are not commensurate, contradict one another and oust one another, i.e. cannot be realised together at the same time. The first part is the paradigm of the philosophy of being, representing the traditional metaphysics of, for example, Plato and Aristotle. With Descartes a new, second, paradigm appears which is based on the analysis of mind, its functions, and capabilities. Kant's philosophy belongs to this "mentalist" paradigm. It remains unassailable until the philosophy of Hegel and Left Hegelians, who begin to think about the significance of ordinary people and quotidian rationality and prepare the next revolution in philosophy: the emergence of the "linguistic paradigm" originating in Frege and Wittgenstein. The projects of the analysis of communicative rationality of Schnädelbach, Apel and Habermas and most of contemporary philosophy are within the linguistic paradigm.

I identify three problems in this approach. First, it divides philosophy in an ideal-typical way, providing only a macroanalysis of philosophical programmes and ignoring exceptions and details. Second, this logic leaves it unclear why a multitude of diverse approaches in phi-

⁶ В последующем изложении я полагаюсь на вариант Шнедельбаха.

⁶ In the following, I proceed from Schnädelbach's version.

добный парадигмальный подход может быть рассмотрен как пример рациональной несправедливости или метанарратива. То есть он подстроен под самих же авторов: философская позиция, которой они придерживаются, становится пунктом, с которого обозревается история философии и апогей ее развития.

Несмотря на эти проблемы, разделение философии на парадигмы имеет и преимущества. Это дает, в первую очередь, упрощенную картину истории философии для целей ориентирования. Например, трудно оспорить, что менталистская парадигма существовала или существует. Начиная с Декарта в ней идет речь об идеях, представлениях и способностях сознания. Это отображается и в книгах по логике того времени, например в «Логике Пор-Рояля», и в рационализме, и в эмпиризме, и в философии Канта. Представители этой парадигмы считают, что анализ функций сознания определяет возможности познания. Трудно также оспорить тот факт, что такая модель мышления начала терять значимость как универсальный ключ к решению философских проблем. Такие термины, как «ментальные способности», «разум», «представления», «сознание» и т. д., используются все реже в новых философских движениях с конца XIX – начала XX в. и сохраняют свой теоретический потенциал лишь в некоторых областях философии. Шнедельбах, Апель и Хабермас полагают, что менталистская парадигма постепенно вытесняется лингвистической. Я бы назвал последнюю постменталистской парадигмой. Хотя философский лингвистический анализ имел безусловно сильный вес в преодолении ментализма, были и другие не менее сильные движения, как, например, разные варианты позитивизма и философия науки. В частности, для Эрнеста Нагеля именно философия науки должна стать первой философией, она должна определять границы и возможности в мышлении и в развитии философии (Nagel, 1954, p. 298)⁷. В этой losophy simultaneously cooperate and compete with one another. Third, such a paradigmatic approach can be seen as an example of rational injustice or as a metanarrative. In other words, it is tailor-made for the authors: the philosophical position they hold is the point from which the history of philosophy and the apogee of its development are surveyed.

In spite of these problems, the division of philosophy into paradigms has its advantages. First and foremost, it offers a simplified picture that facilitates orientation in the history of philosophy. For instance, that the mentalist paradigm has existed or exists is hard to challenge. Beginning with Descartes, it deals with ideas, representations, and the faculties of mind. This is reflected in the logic books of the time, e.g. the Port-Royal Logic, and in rationalism, empiricism, and Kant's philosophy. The representatives of this paradigm hold that the analysis of the functions of mind determines the potential of cognition. It is hard to challenge the fact that this model of thought has begun to lose its relevance as a universal key to the solution of philosophical problems. Since the late nineteenth and early twentieth centuries such terms as "mental abilities", "reason", "representations", "consciousness" etc. have been used less and less frequently and retain their theoretical potential only in some areas of philosophy. Schnädelbach, Apel and Habermas believe that the mentalist paradigm is being supplanted by the linguistic one. I would call the latter the post-mentalist paradigm. Although philosophical linguistic analysis carried weight in overcoming mentalism, there have been other equally strong movements, e.g. the variants of positivism and the philosophy of science. For Ernest Nagel, the philosophy of science should become the first philosophy, it should determine the boundaries and potential of thought in the development of philosophy (Nagel, 1954,

 $^{^7}$ Я благодарю Эрика Шлиссера (Eric Schliesser) за указание на этот пример.

постменталистской парадигме движется и Лакатос, для которого анализ сознания и его способностей не имеет большого значения.

Итак, предложенный мной концепт программатической метафилософии фокусируется на вопросах о том, как создаются, развиваются, организуются и координируются философские проекты. Исходя из этой исследовательской позиции далее будет рассмотрена трансцендентальная философия, причем сначала, во второй части статьи, в рамках менталистской парадигмы, к которой относится философия Канта, а затем, в третьей части, я покажу как методология научно-исследовательских программ Лакатоса в рамках постменталистской парадигмы может уточнить понимание логики развития проекта трансцендентальной философии.

2. Архитектоническое понимание трансцендентальной философии

Итак, что такое трансцендентальная философия? Есть несколько вариантов, как можно подойти к этому вопросу и дать на него ответ. Я рассмотрю его с методологической стороны. Если «Критику чистого разума» Канта читать не с начала до конца, а наоборот, с конца, то множество деталей, на которые читатель мог не обращать внимания, начнут резко бросаться в глаза. В «Трансцендентальном учении о методе» Кант объяснил, почему методология составляет вторую, а не первую часть «Критики чистого разума». Он видит ее главное предназначение не в собирании названий методов и технических терминов, а в ее применении для построения системы чистого разума (А 707-708 / В 735—736; Кант, 2006а, с. 899), основывающейся на результатах первой «Критики». Методология должна быть практической, применимой. Вообще метод в понимании Канта состоит «в таком образе действий по принципам разума, благодаря которому единственно и может многообразное в познании стать системой» (АА 05, S. 151; Кант, 1997, с. 697). То есть само понятие «метод» уже имеет в себе некий настрой p. 298).⁷ Lakatos, for whom analysis of consciousness and its faculties are not very important, moves within this paradigm.

Thus, my concept of programmatic metaphilosophy focuses on the questions of how philosophical projects are created, developed, organised, and coordinated. Proceeding from this research position, I will examine transcendental philosophy, first, in part two of this article, within the mentalist paradigm to which Kant's philosophy belongs and then, in the third part, I will demonstrate that Lakatos's methodology of research programmes within the framework of the post-mentalist paradigm can offer new insights into the logic of development of the transcendental philosophy project.

2. Architectonic Concept of Transcendental Philosophy

What then is transcendental philosophy? There are several ways of approaching and answering this question. I am going to look at it from the methodological point of view. If one reads Kant's Critique of Pure Reason not from the beginning to the end but backward, starting from the end, many details leap out at the reader that he may have overlooked. In "The Transcendental Doctrine of Method" Kant explains why methodology is the second and not the first part of the Critique of Pure Reason. He sees its main purpose not in collecting names of methods and technical terms, but in applying it to building a system of pure reason (KrV, A 707-708 / B 735-736; Kant, 1998, p. 627), based on the results of the first Critique. Methodology should be practical and applicable. In general, according to Kant, method is a "procedure in accordance with principles of reason by which alone the manifold of a cognition can

 $^{^{\}rm 7}$ I am grateful to Eric Schliesser for bringing this example to my attention.

на подвижность, элемент активного создания систем. И это неудивительно, если взглянуть хотя бы на этимологию этого слова, которое в древнегреческом составляется из metá (после, следующее) и hodós (путь) и изначально переводится как «путь, дорога к чему-то» — méthodos. Однако чтение «Трансцендентального учения о методе» ретроспективно объясняет подход Канта к написанию первой части «Критики» и раскрывает изначально не совсем очевидный смысл заголовка и понятия «Идея трансцендентальной философии» (А 01; Кант 2006б, с. 29; А 13; Кант 2006б, с. 43; В 27; Кант, 2006а, с. 81) и ее описания во введении.

В первую очередь становится ясно, почему Кант дает некоторые пояснения о сущности трансцендентальной философии, но не предоставляет какого-либо систематичного и конструированного определения. Дело в том, что трансцендентальная философия — это наука, что она определяет все понятия и принципы, нужные для познания априори, что «Критика чистого разума» дает идею и план для полной разработки трансцендентальной философии, то есть она идентична с трансцендентальной философией, но еще не является ею (см.: А 14 / В 28; Кант, 2006а, с. 83), что она никак не относится к практической философии и делится на две части: «Учение о началах» и «Учение о методе» (см.: А 13–16; Кант 2006б, с. 43–45; В 27– 29; Кант, 2006а, с. 81—85).

Такая аккумуляция теоретических элементов выглядит скорее как набросок, но не как подробное определение. Ключ к этому лежит в кантовском понимании дефиниций в философии. Как поясняется в разделе «Дисциплина чистого разума в догматическом применении», определения понятий, которые даны нам априори, не могут быть успешными, или возможными. Если определение понять строго как попытку «изначально давать подробно-обстоятельное изложение понятия вещи в его границах» (А 727 / В 755; Кант, 2006а, с. 921), то с такими концептами априори, как «субстанция», «причина» и «право», возникают проблемы (А 728 /

become a system" (KpV, AA 05, p. 151; Kant, 1996a, p. 261). That is, the concept of "method" already implies a certain mobility, an element of active creation of systems. This is not surprising if one looks at the etymology of the word, which in Greek consists of metá ("after," "following") and hodós ("way"), and which initially translates as the "way," or "road towards something," méthodos. On the other hand, the reading of "The Transcendental Doctrine of Method" retrospectively explains Kant's approach to the writing of the first part of the Critique and the initially not quite clear meaning of the title, "The Idea of Transcendental Philosophy" (KrV, A 01; Kant, 1998, pp. 127; see A 13, B 27; Kant, 1998, pp. 134, 150-151) and its description in the introduction.

First, it becomes clear why Kant provides some clarifications of the essence of transcendental philosophy, but does not give any systemic and constructed definition. He states that transcendental philosophy is a science, that it defines a priori all the concepts and principles needed for cognition, that the Critique of Pure Reason formulates the idea and plan for the complete development of transcendental philosophy, i.e. it is identical to but is not yet transcendental philosophy (*KrV*, A 14 / B 28; Kant, 1998, p. 151), that it does not relate to practical philosophy and falls into two parts: "The Doctrine of Elements" and "The Doctrine of Method" (cf. KrV, A 13-16; Kant, 1998, pp. 134-135; B 27-29; Kant, 1998, pp. 150-152). Such accumulation of theoretical elements looks more like a sketch than a detailed definition. The key to this is Kant's concept of definitions in philosophy. As explained in the section, "The Discipline of Pure Reason in Dogmatic Use", definitions of concepts, given us a priori, cannot be successful or possible. If the definition is understood strictly as an attempt "to exhibit originally the exhaustive concept of a thing within its boundaries" (KrV, A 727 / B 755; Kant, 1998,

В 756; Кант, 2006а, с. 923). Можем ли мы узнать, к примеру, когда мы определили право первоначально, не дедуцировав его исходя из другого концепта, то есть полностью его изложили и определили его границы? Мы можем, конечно, попытаться, но наша попытка приведет, скорее, к экспозиции каких-то элементов полного определения и будет содержать множество неясных представлений, не полностью отображающих предмет исследования. Все кажется проще с тем, что Кант называет произвольно мыслимыми понятиями (А 729 / В 757; Кант, 2006а, с. 923-925), которые не исходят из природы нашего разума и которых нет в опыте. Он дает пример «корабельных часов»: существуют они или нет, и в какой форме – не важно. Я могу детально описать и определить их или, скорее, декларировать их как какой-то вымышленный проект, который у меня появился в уме. Трансцендентальная философия же не относится к таким понятиям, которые можно свободно образовывать и определять как захочется. То есть это не какой-то декларируемый вымышленный и произвольно определяемый проект, а концепт априори, как, например, субстанция или право, вырастающий из природы нашего разума. Его составляющие, понятия философии и трансцендентальности, появились задолго до Канта и представляют собой задачи, которые были поставлены разумом для решения определенных рациональных проблем.

Понятие философии, как известно, возниклю и изначально развивалось в Древней Греции, а концепт трансцендентальности, в свою очередь, являлся техническим термином в метафизике, вернее, того раздела метафизики, который с XVI в. назвали «онтологией». Кант называет ее в первой «Критике» «трансцендентальн[ая] философ[ия] древних» (В 113; Кант, 2006а, с. 181). Онтология, по Вольфу, — это часть metaphysica generalis в отличие от metaphysica specialis, которая занималась вопросами о Боге, душе и мире. В средневековой философии (например, у Альберта Великого, Фомы Аквинского, Иоанна Дунса Скота) шла речь о трансцендентальн

p. 637), problems arise with such a priori concepts as "substance," "cause" and "right" (KrV, A 728 / B 756; Kant, 1998, p. 638). For example, can we know when it was that we first defined right without deducing it, proceeding from another concept, i.e. when we completely described it and defined its boundaries? We may of course try, but our attempt would lead rather to an exposition of some elements of a full definition and would contain many unclear representations that do not fully reflect the object of study. Things are simpler with what Kant calls arbitrarily thought concepts (KrV, A 729 / B 757; Kant, 1998, p. 638), which do not arise from the nature of our reason and do not exist in experience. He cites an example of a "chronometer" - whether it exists or not, and in what form does not matter. I can describe and define it in detail or rather declare it as an imagined project which appeared in my mind. Transcendental philosophy is not a concept that one can freely form and define at will. That is, it is not a declared, imagined and arbitrarily defined project, but an a priori concept, as for example, substance or right, arising from the nature of our reason. Its components, the concepts of philosophy and transcendence, appeared long before Kant and are tasks set by reason to solve certain rational problems.

The concept of philosophy arose and initially developed in Ancient Greece and the concept of transcendentality in turn was a technical term in metaphysics or, rather, the department of metaphysics called "ontology" since the sixteenth century. In the first *Critique* Kant refers to it as "transcendental philosophy of the ancients" (*KrV*, B 113; Kant, 1998, p. 216). According to Wolff, ontology is part of *metaphysica generalis* as distinct from *metaphysica specialis*, which dealt with the questions of God, the soul, and the world. Medieval philosophy (e.g. Albert the Great, Thomas Aquinas and Duns Scotus) dealt with transcendental predi-

ных предикатах, или трансценденталиях, которые, как говорит латинское слово transcendere, выходили за пределы конкретных видимых вещей как какие-то высокие, над ними стоящие сверхкатегории. Примеры таких сверхкатегорий, которые присущи многим вещам, - это бытие, истина, хорошее, единство, инобытие и т.д. Из этого следует, что трансцендентальная философия - не какой-то сконструированный Кантом проект, который можно определить как угодно, а уже существующее предприятие человеческого разума. Сам ранний Кант в своем докритическом периоде так же, как Христиан Вольф, использует понятие трансцендентальности именно в этом старом значении из средневековой и схоластической онтологии⁸. В ранней работе Канта о метафизике и геометрии (1756) найдется термин philosophia transscendentalis (AA 01, S. 475; Кант, 1994д, с. 315), который получит обновленное значение в критический период. То, что происходит начиная с «Критики чистого разума», - это переосмысление уже имеющегося понятия, очищение, уяснение, более четкая и правильная его экспозиция. То есть Кант претендует не на создание новой конструкции, а на лучшее описание того, что уже существовало в разуме его предшественников, но что они, как и он сам ранее, еще не до конца поняли и прояснили, так как искали трансценденталии в объектах, а не в понятиях и способностях рассудка и разума. Именно поэтому он остается осторожным во Введении в «Критику чистого разума»: понятие трансцендентальной философии получает определенную экспозицию, представляются некоторые элементы возможной дефиниции, но не она сама. Дефиниции в строгом смысле возможны только в математике, где они могут быть даны в начале исследований. Философия же, как пишет Кант в «Учении о методе», не должна повторять за математикой, мы скорее собираем элементы и лишь в конце исследоваcates or *transcendentalia*, which, as suggested by the Latin word transcendere, were beyond concrete visible things as higher super-categories. Examples of such super-categories inherent in many things are being, truth, good, unity, other-being etc. From this it follows that transcendental philosophy is not a project constructed by Kant which can be defined in any number of ways, but a pre-existing enterprise of human reason. Early Kant in his pre-critical period, like Christian Wolff, uses the concept of transcendentality in the old meaning it had in medieval and scholastic ontology.8 The term philosophia transscendentalis (MonPh, AA 01, p. 475; Kant, 1992a, p. 51), which occurs in Kant's early work on metaphysics and geometry, acquires a renewed meaning in the critical period. What happens, beginning from the Critique of Pure Reason, is a rethinking of an existing concept, a cleansing, clarification and more precise exposition of the concept. Kant does not claim to have come up with a new construction, but merely to have offered a better description of what had already existed in the minds of his predecessors, but what they, like he himself earlier, had not entirely understood and clarified because they were looking for transcendentalia in objects and not in concepts and faculties of reason and understanding. That is why he remains cautious in the introduction to the Critique of Pure Reason: a certain exposition of the concept of transcendental philosophy is given, elements of a possible definition are there, but not the definition itself. Definitions, strictly speaking, are possible only in mathematics, where they can be given at the start of an inquiry. Philosophy, as Kant writes in "The Doctrine of Method", should not mimic mathematics; we can only try, after collecting elements, to give a definition at the end of the investigation (*KrV*, A 730 / B 758; Kant, 1998,

⁸ Историю понимания Кантом трансцендентальности и трансцендентальной философии см.: (Hinske, 1970; Hinske, 1998; Förster, 2015).

⁸ On the history of Kant's interpretation of transcendentalism and transcendental philosophy see Hinske (1970; 1998) and Förster (2015).

ний, когда четко обозреваем весь наш предмет, можем попытаться дать дефиницию (А 730 / В 758; Кант, 2006а, с. 925). При этом появляется вопрос: когда действительно заканчиваются исследования и можем ли мы с уверенностью сказать, что все элементы для возможного определения трансцендентальной философии собраны? Если бы процесс исследований был закончен в «Критике чистого разума», то Кант должен был бы дать ее подробное определение во Введении во второе издание, написанном спустя 6 лет после выхода первого, но его там нет. Процесс исследований и дополнений определения трансцендентальной философии не заканчивается и в последующих работах Канта. Трудно сказать, завершается ли он с работами Рейнгольда, Фихте или неокантианцев. В методологической перспективе Канта трансцендентальная философия - это живой концепт-в-прогрессе, а не произвольно выдуманный проект и не концептуальная мумияэкспонат в истории философии.

Поэтому - и это второй важный момент «Трансцендентального учения о методе» трансцендентальная философия как понятие априори является идеей. Не изучив «Трансцендентальную диалектику» и архитектоническую методологию, читатель не обратит должного внимания на термин «идея» в формулировке «идея трансцендентальной философии» (А 14 / В 28; Кант, 2006а, с. 83) в обоих Введениях в «Критику чистого разума». Как я уже показал, трансцендентальная философия не может декларироваться, как, например, свободно выдуманный проект «корабельных часов». Под идеей Кант понимает самую высшую и чистую форму представлений, на которую способно наше сознание. Здесь идет речь не об ощущении, не о созерцании, не об эмпирических понятиях, как, например, стол или ель, и даже не о категориях, таких как количество или причина, и не о предикабилиях, как длительность или сила. Идеи – это понятия разума, «для которого в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет» (А 327 / В 383; Кант,

p. 639). The question suggests itself: When does an investigation end and can we confidently say that all the elements of a possible definition of transcendental philosophy have been gathered? If the process of investigation had been completed in the Critique of Pure Reason Kant should have given a detailed definition in the introduction to the second edition written six years later — but this is not the case. The process of investigation and additions to the definition of transcendental philosophy continues in Kant's following works. Whether it ends with the work of Reinhold or Fichte or neo-Kantians, it is hard to say. In Kant's methodological perspective, transcendental philosophy is a dynamic concept-in-progress and not an arbitrarily invented project or a mummified exhibit in the history of philosophy.

Therefore – and this is the second important feature of "The Transcendental Doctrine of Method" - transcendental philosophy as an a priori concept, is an idea. Without studying the "Transcendental Dialectic" and architectonic methodology the reader may not give due weight to the term "idea" in the phrase "the idea of transcendental philosophy" (KrV, A 14 / B 28; Kant, 1998, p. 151) in the two introductions to the Critique of Pure Reason. As I have mentioned, transcendental philosophy cannot be declared similar to a freely invented project like a "chronometer". By "idea" Kant means the highest and purest form of representations our mind is capable of. This is not about sensation or intuition nor about such empirical notions as a table or a tree, and not even about categories such as quantity or causality, and not about praedicabilia such as duration or force. Ideas are concepts of reason "to which no congruent object can be given in the senses" (KrV, A 327 / B 383; Kant, 1998, p. 402). The infinity of the universe, for example, belongs to the type of representation "idea." It can be thought, but it cannot be seen and empirically 2006а, с. 493). Бесконечность вселенной, например, является видом представления «идея». Ее можно умозаключить, но нельзя увидеть и эмпирически подтвердить. Кант различает множество таких чистых понятий, на которые мы способны, и определяет их функции в разных сферах наук и знаний. Идеи — это естественные, лежащие в природе нашего разума задачи (А 323 / В 380; Кант, 2006а, с. 489), которые имеют такие характеристики, как максимум и совершенство (А 316—317 / В 373—374; Кант, 2006а, с. 481—483; АА 09, S. 444; Кант, 1994б, с. 402—403), то есть представляют то, чего не найти в опыте.

Итак, почему трансцендентальная философия — это идея? Чтобы это понять, нужно рассмотреть архитектонику Канта как часть учения о методе. Архитектоника — это искусство построения систем знания. То есть к ней нужно обращаться, чтобы узнать, как можно связать отдельные познания воедино - не только в определенные системы и науки, но и в одно целое всего человеческого знания. Один из примеров, который можно найти в главе об архитектонике и в лекциях по логике Канта, это юриспруденция (AA 09, S. 93; Кант, 1994a, с. 348). Правоведы анализируют разные права и области права и относят все знания к одной целостной науке. Они имеют представление о юриспруденции, но сама юриспруденция не изложена в какой-то определенной книге, существуют только разные, частично противоречащие друг другу версии описания и определения самого права и структуры прав. Поэтому юриспруденция являет собой идею, эвристическое понятие, которое правоведы ищут и до которого они пытаются дотянуться как до какого-то архетипа, но, определяя и описывая его, получают только ту или иную ограниченную выбранной перспективой версию.

Аналогично все науки, отдельные их части и сама наука в целом представляются Кантом как архитектонические идеи (см.: Левин, 2020). Он пишет: «Никто не пытается создать науку, не полагая в ее основу идею. Однако при разработке науки схема и даже даваемая вначале

confirmed. Kant distinguishes many such pure concepts we are capable of and defines their functions in various spheres of sciences and knowledge. Ideas are natural tasks of our reason that are inherent in its nature (*KrV*, A 323 / B 380; Kant, 1998, p. 400) and have such characteristics as maximum and perfection, (cf. *KrV*, A 316-317 / B 373-374; Kant, 1998, p. 397; *Päd*, AA 09, p. 444; Kant, 2007, p. 440), i.e. represent what is not in experience.

Why, then, is transcendental philosophy an idea? To understand this, we need to examine Kant's architectonics as part of the doctrine of method. Architectonics is the art of building knowledge systems. One should turn to it to know how to connect individual cognitions into one: not just into systems and sciences, but into a single whole of all human knowledge. One example, found in the chapter on architectonics and in Kant's lectures on logic, is jurisprudence (see Log, AA 09, p. 93; Kant, 1992b, p. 591). Legal scholars analyse various law systems and areas of law and refer all knowledge to one integral science. They have a notion of jurisprudence, but jurisprudence is not set forth in any particular book, there only exist diverse, partly mutually contradictory versions of the description and definition of law and the structure of laws. Therefore, jurisprudence is an idea, a heuristic concept which legal scholars seek and which they try to reach as an archetype. But in defining and describing it they arrive only at a version limited by the chosen perspective.

Likewise, all the sciences, their parts and science as a whole are conceived of by Kant as architectonic ideas (see Lewin, 2020). He writes:

Nobody attempts to establish a science without grounding it on an idea. But in its elaboration the schema, indeed even the definition of the science which is given right at the outset, seldom corresponds to the idea; for this lies in reason like a seed, all of whose parts still дефиниция науки весьма редко соответствуют идее схемы, так как она заложена в разуме подобно зародышу, все части которого еще не развиты и едва ли доступны даже микроскопическому наблюдению» (А 834 / В 862; Кант, 2006а, с. 1045). То же относится и к философии как науке. Кант пишет, что философии нельзя обучить — «в самом деле, где она, кто обладает ею и по какому признаку можно ее опознать? [Теперь] можно обучать только философствованию, т. е. упражнять талант разума на некоторых имеющихся примерах...» (А 838 / В 866; Кант, 2006а, с. 1049). Философия «есть только идея возможной науки, которая нигде не дана in concreto, но к которой мы пытаемся приблизиться различными путями...» (А 838 / В 866; Кант, 2006а, с. 1049). Если мы попытаемся определить философию, например, в рамках метафилософских размышлений, то мы объективируем идею в какой-то определенной форме. И эта форма будет зависеть от того, какое философское направление мы предпочитаем.

Трансцендентальная философия как подраздел философии представляет собой также архитектоническую идею. Это отчасти означает, как Кант пишет в «Пролегоменах», что трансцендентальной философии пока что нет (AA 04, S. 279; Кант, 1994в, с. 32—33). И, как я уже описал, ее дефиниция в строгом смысле всегда будет неполноценна и ограничена, она может иметь значимость только как экспозиция моментов дефиниции. К тому же как термин «трансцендентальная философия», так и термины «трансцендентальность» и «философия» представляют концепты, которые уже были определены до Канта. К этому можно отнестись двояко. Можно полностью перестроить смысл понятия трансцендентальной философии, обрушив все прошлые построения и начав с чистого листа. Или сказать, что трансцендентальная философия родилась как идея в разуме человека, но эта идея до сих пор плохо определена (этим путем идет Кант). То есть это некий проект, который уже обдумывали, но

lie very involuted and are hardly recognizable even under microscopic observation (*KrV*, A 834 / B 862; Kant, 1998, p. 692).

The same holds for philosophy as a science. Kant writes that philosophy cannot be learned, "for where is it, who has possession of it, and by what can it be recognised? One can only learn to philosophise, i.e. to exercise the talent of reason [...] in certain experiments that come to hand" (KrV, A 838 / B 866; Kant, 1998, p. 694). Philosophy "is a mere idea of a possible science, which is nowhere given in concreto, but which one seeks to approach in various ways" (KrV, A 838 / B 866; Kant, 1998, p. 694). If we try to define philosophy for example in the framework of metaphilosophical reflections, we objectivise the idea in a certain form. This form would depend, for example, on what philosophical direction we prefer.

Transcendental philosophy as a subdivision of philosophy is also an architectonic idea. This means partly that, as Kant writes in the Prolegomena, transcendental philosophy does not yet exist (Prol, AA 04, p. 279; Kant, 2002, p. 279). And, as I have indicated, its definition in the strict sense will always be wanting and limited. It may have significance only as the exposition of elements of the definition. Besides, the term "transcendental philosophy," like the terms "transcendentality" and "philosophy", are concepts which had already been defined before Kant. This may prompt two different approaches. One may totally restructure the meaning of the concept of transcendental philosophy, scrapping all past schemes and starting with a clean slate. Or one may say that transcendental philosophy was born as an idea in human reason, but the idea has yet to be properly defined (the path followed by Kant). In other words, it is a project which has been reflected upon, but whose description can be improved to creописание которого можно улучшить, чтобы создать более содержательную и продуктивную науку и увидеть изначальную идею в более ярком свете. Кант пишет:

Поэтому науки, так как они сочиняются с точки зрения некоторого всеобщего интереса, следует объяснять и определять не соответственно описанию, даваемому их основателем, а соответственно идее, которая ввиду естественного единства составленных им частей оказывается основанной в самом разуме. Действительно, нередко оказывается, что основатель [науки] и даже его позднейшие последователи блуждают вокруг идеи, которую они сами не уяснили себе, и потому не могут определить истинное содержание, расчленение (систематическое единство) и границы своей науки (А 834 / В 862; Кант, 2006а, с. 1045).

Пусть идея трансцендентальной философии уже была в человеческом разуме как исходный пункт критического проекта, но она была еще недостаточно прояснена в разуме. И ее прояснение, улучшенное описание дает толчок к ее развитию. Конечно, это высказывание Канта про недоверчивость к описанию идеи автором конкретной науки можно отнести и к нему самому. Во-первых, как я показал, Кант сам переосмысливает концепт трансцендентальной философии, который он использовал в докритический период - так сказать, очищает эту идею от неправильного понимания. Во-вторых, он открывает возможность критики его же собственной экспозиции трансцендентальной философии. Например, Фихте предъявил Канту претензию в том, что тот не увидел первоначальную идею в настолько ярком свете, как он (Фихте, 1993, с. 505-506). Как мы знаем из «Заявления по поводу наукоучения Фихте» (AA 12, S. 370; Кант, 1980), это Канту не понравилось. Также предметом дискуссии может быть вопрос о том, кто - Кант или Фихте - яснее увидел идею трансцендентальной философии. В-третьих, Кант следует своей же методологии и вносит изменения в изначальное описание и план трансцендентальной философии после ate a more substantive and productive science and see the initial idea in a brighter light. Kant writes:

For this reason sciences, since they have all been thought out from the viewpoint of a certain general interest, must not be explained determined in accordance with the description given by their founder, but rather in accordance with the idea, grounded in reason itself, of the natural unity of the parts that have been brought together. For the founder and even his most recent successors often fumble around with an idea that they have not even made distinct to themselves and that therefore cannot determine the special content, the articulation (systematic unity) and boundaries of the science (*KrV*, A 834 / B 862; Kant, 1998, p. 692).

The idea of transcendental philosophy may already be in human reason as the starting point of a critical project, but it has not yet been sufficiently clarified in reason. Its clarification and improved description give an impetus to its development. Kant's expression of mistrust in the description of an idea by the author of a concrete science may of course be applied to himself as well. First, as I have shown, Kant himself rethinks the concept of transcendental philosophy which he used in the pre-critical period. In other words, he cleanses the idea, as it were, of incorrect interpretation. Second, he exposes to criticism his own exposition of transcendental philosophy. For example, Fichte criticised Kant for failing to see the initial idea in as bright a light as he himself (Fichte, 1982, pp. 51-52). As we know from the "Declaration Concerning Fichte's Wissenschaftslehre" (Br, AA 12, p. 370; Kant, 1999, pp. 559-560), Kant did not like that. And it is still debatable whether it was Kant or Fichte who saw the idea of transcendental philosophy more clearly. Third, Kant follows his own methodology and introduces changes in the initial description and plan of transcendental philosophy after the publication of the Critique of Pure Reason. That публикации «Критики чистого разума». То есть и сам Кант несколько блуждает вокруг ее идеи, которую он сам себе еще не до конца уяснил в первой «Критике». Я кратко изложу почему.

Во-первых, есть разница между тем, как Кант устанавливает трансцендентальную философию и ее отношение к метафизике в первой «Критике», с одной стороны, и в «Лекциях о метафизике 1782/83 годов» и «Пролегоменах» – с другой. (1) В лекциях и «Пролегоменах» цель трансцендентальной философии сводится к одному вопросу: как возможны синтетические суждения a priori (AA 29, S. 788; AA 04, S. 276; Кант 1994в, с. 29)? Кант несколько позже заметил, что в его критической версии онтологии, то есть в его трансцендентальной философии¹⁰, это главный вопрос, стоящий за рассмотрением рассудка и разума «в системе всех понятий и основоположений, относящихся к предметам вообще» (А 845 / В 873; Кант, 2006а, с. 1057). И это же затем нашло отражение во Введении ко второму изданию первой «Критики». (2) Также можно найти различие в том, какое место Кант определяет трансцендентальной философии во всей системе философии. В то время как в «Критике чистого разума» она составляет одну из частей метафизики в более узком понимании, то есть теоретической части метафизики – метафизики природы (Там же), в «Пролегоменах» трансцендентальная философия должна предшествовать любой метафизике (AA 04, S. 279; Кант 1994в, с. 32—33). Таким образом, здесь есть какой-то архитектонический диссонанс и неопределенность в понимании места трансцендентальной философии в структуре философии.

Во-вторых, в последующих двух «Критиках»

is, he himself fumbles around its idea which he had not yet finally clarified for himself in the first *Critique*. I will briefly explain why.

First, there is a difference between how Kant sets up transcendental philosophy and its attitude to metaphysics in the first Critique, on the one hand, and in the Lectures on Metaphysics of 1782/83 and the Prolegomena, on the other. (1) In the lectures and in the Prolegomena the goal of transcendental philosophy boils down to one question: How are a priori synthetic judgements possible? (cf. V-Met/Mron, AA 29, p. 788; Kant, 1997, p. 143; Prol, AA 04, p. 276; Kant, 2002, p. 72).9 Kant noticed that in his critical version of ontology, i.e. in his transcendental philosophy, 10 this is the key question in the analysis of the understanding and reason "in a system of all concepts and principles that are related to objects in general" (KrV, A 845 / B 873; Kant, 1998, p. 698). And this was then reflected in the Introduction to the second edition of the first Critique. (2) One can also discern a difference in how Kant determines the place of transcendental philosophy in the entire system of philosophy. Whereas in the Critique of Pure Reason it constitutes one part of metaphysics in a more narrow meaning, i.e. the theoretical part of metaphysics, the metaphysics of nature (KrV, A 845 / B 873; Kant, 1998, p. 699); in the Prolegomena transcendental philosophy must precede any metaphysics (Prol, AA 04, p. 279; Kant, 2002, p. 75). In other words, there is an architectonic discord and uncertainty in understanding the place of transcendental philosophy in the structure of philosophy.

⁹ Этот вопрос ставится, как можно предположить исходя из письма Канта Герцу от 21.02.1772 г. (см.: AA 10, S. 130), на фоне общей эпистемологической проблемы соответствия предметов и представлений (см.: Катречко, 2020).

¹⁰ Как я показал, термин «трансцендентальная философия» обозначал ранее онтологию. Теперь же Кант просит понимать онтологию как трансцендентальную философию в новом смысле. О соотношении онтологии и трансцендентальной философии см. замечание в третьей части этой статьи.

⁹ As Kant's letter to Herz of 21 February 1772 suggests (see *Br*, AA 10, p. 130), this question is raised against the background of the general epistemological problem of the congruence of objects and representations (see Katrechko, 2020).

¹⁰ As I have shown, the term "transcendental philosophy previously meant ontology. Now Kant urges understanding ontology as transcendental philosophy in a new meaning. On the relationship between ontology and transcendental philosophy, see the note in the third part of this article.

наблюдаются некоторые значимые изменения, которые Кант вносит в изначальный план понимания идеи трансцендентальной философии. В «Критике чистого разума» сразу в нескольких местах (А 15 / В 29, А 845 / В 873; Кант, 2006а, с. 83, 1057) Кант относит трансцендентальную философию исключительно к теоретической философии, то есть в ней идет речь об априорных понятиях и принципах мышления, относящихся к познанию природы. Но учитывая, что главный вопрос трансцендентальной философии — это вопрос о возможности синтетических суждений априори, во внимание попадает и категорический императив. Уже в «Основоположении к метафизике нравов» он представляется как синтетическое суждение априори, так как в нем соединяются воля и действие независимо от каких-либо склонностей, а только благодаря руководству со стороны идеи разума, имеющего «полную власть над всеми субъективными побудительными причинами» (AA 04, S. 420 Anm.; Кант 1994г, с. 194 примеч.). Понимая, что здесь тоже требуется трансцендентальный анализ, Кант даже думал о том, чтобы внедрить «Критику практического разума» во второе издание «Критики чистого разума» (см.: Förster, 2015, S. 2322). Но вскоре он понял, что и в нашей эстетической способности суждения также есть синтетический принцип априори, поскольку мы говорим о прекрасном с притязанием, что все согласятся с нашим суждением. То есть критика эстетической способности суждения «переводит их (эстетические суждения. – М. Л.) в трансцендентальную философию» (AA 05, S. 266; Кант, 2001, с. 307), и поэтому «задача критики способности суждения относится к общей проблеме трансцендентальной философии: как возможны априорные синтетические суждения?» (AA 05, S. 289; Кант, 2001, с. 365). Таким образом, концепт трансцендентальной философии по сравнению с изначальным планом все более и более расширяется.

В-третьих, наблюдаются и большие изменения в «Ориз postumum», где Кант соединяет трансцендентальную философию с теори-

Second, in the two following Critiques there are some significant changes which Kant introduced to the initial plan of interpretation of transcendental philosophy. In the Critique of Pure Reason, in several places (cf. KrV, A 15 / B 29; A 845 / B 873; Kant, 1998, p. 135, 698), Kant includes the whole of transcendental philosophy in theoretical philosophy, i.e. it has to do with a priori concepts and principles of thought pertaining to the cognition of nature. But since the main question of transcendental philosophy is the question of the possibility of a priori synthetic judgements, the categorical imperative also comes within his purview. Already in *The Metaphysics of Morals* it is presented as a synthetic a priori judgement because it combines will and action independently from any inclinations, and solely through the guidance of the idea of reason, which has "complete control over all subjective motives" (GMS, AA 04, p. 420n; Kant, 1996, p. 72n). Realising that here too transcendental analysis was called for, Kant was even thinking of incorporating the Critique of Practical Reason into the second edition of the Critique of Pure Reason (Förster, 2015, p. 2322). But before long he realised that our aesthetic faculty of judgement also involves the synthetic a priori principle, inasmuch as we speak about beauty, assuming that everyone agrees with our judgement. In other words, critique of the aesthetic power of judgement "transposes them [aesthetic judgements – M. L.] into transcendental philosophy" (KU, AA 05, p. 266; Kant, 2000, p. 149), which is why "the problem of the critique of the power of judgement belongs under the general problem of transcendental philosophy: How are synthetic a priori judgements possible?" (KU, AA 05, p. 289; Kant, 2000, p. 169). Thus, the concept of transcendental philosophy becomes broader and broader compared to the initial plan.

Third, major changes are observed in *Opus* postumum, where Kant combines transcendental philosophy with the theory of self-de-

ей самоопределения [Selbstsetzung]: «Трансц[ендентальная]: фил[ософия] есть акт сознания, посредством которого субъект создает самого себя» (AA 21, S. 78; Кант, 2000, с. 563).

Как мы видим, у Канта все происходит именно так, как он описывает в своем «Учении о методе». Трансцендентальной философии нельзя дать окончательное определение, потому что это априорное понятие, которое определяется только путем экспозиции некоторых элементов. И этот концепт априори в форме трансцендентальной философии - архитектоническая идея. А архитектонические идеи не отождествляются с их описанием, все описания - скорее лишь попытки увидеть их в правильном свете. Своими попытками определить и разработать идеальный концепт трансцендентальной философии Кант ищет и развивает свой проект, внося, если посчитать, минимум пять корректировок в изначальный план.

3. Научно-программатическое понимание трансцендентальной философии

Как мы видели, трансцендентальная философия не появилась у Канта как Афина из головы Зевса, сразу зрелой и вооруженной. Афина уже была до него - это была «трансцендентальная философия древних», то есть онтология, которую Кант пытался улучшить, внося ряд изменений в первоначальный план. Трансцендентальная философия представляется, таким образом, живой философской программой в состоянии разработки. При этом Кант руководствовался собственной программатической метафилософией и собственной методологией создания и развития философских проектов, основываясь на менталистских понятиях. Обращаясь к философии науки Лакатоса и пользуясь его инструментарием, можно подтвердить общие методологические представления Канта и описать развитие трансцендентальной философии более четкими техническими понятиями, которых у Канта еще не было. Хотя

termination [*Selbstsetzung*]: "Transcendental philosophy is the act of consciousness whereby the subject becomes the originator of itself" (*OP*, AA 21, p. 78; Kant, 1993, p. 245).

We see that with Kant everything happens exactly as he describes in his "Doctrine of Method." No final definition of transcendental philosophy is possible because it is an *a priori* concept which is defined only through the exposition of some of its elements. And this *a priori* concept in the form of transcendental philosophy is an architectonic idea. Architectonic ideas are not identified with their descriptions, all the descriptions are rather attempts to see them in the correct light. In his attempts to define and work out an ideal concept of transcendental philosophy Kant seeks and develops his project, introducing at least five adjustments to the initial plan.

3. Scientific-Programmatic Understanding of Transcendental Philosophy

As we have seen, Kant's transcendental philosophy did not come out of Zeus's head like Athena, mature and in full armour. Athena existed before him in the shape of the "transcendental philosophy of the ancients", i.e. ontology, which Kant tried to improve by introducing a number of changes into the initial plan. Thus, transcendental philosophy is a living philosophical programme, workin-progress. Kant had his own programmatic metaphilosophy and his own methodology of creating and developing philosophical projects based on mentalist concepts. Turning to Lakatos's philosophy of science and using his toolkit, we can corroborate Kant's general methodological ideas and describe the development of transcendental philosophy in clearer technical terms which Kant did not have. Although Lakatos (1978c, p. 139) who, to use

Лакатоса, разбуженного, по его собственным словам, Поппером от догматического сна гегельянства, в котором он находился около 20 лет (см.: Lakatos, 1978, р. 139), можно отнести к неопозитивизму, его утонченный вариант фальсификационизма и его информированность в разных направлениях философии дают его проекту определенные преимущества. Как он сообщает в «Фальсификации и методологии научно-исследовательских программ» (Лакатос, 2008б, с. 342), его философия соединяет три традиции: (1) эмпиристскую, которая исходит из того, что наше познание зависит от опыта; (2) кантианскую, у которой можно научиться активистскому подходу к теории познания, и (3) конвенционалистскую, которая информирует о значении предварительных методологических решений. То есть, если верить словам Лакатоса, одна из трех составляющих его методологии определяется формой мышления, исходящей из философии Канта. На мой взгляд, имеется ряд факторов, которые делают методологию Лакатоса привлекательной для применения в области философии и для понимания программы трансцендентальной философии.

Во-первых, как я упоминал ранее, некоторые философы пробовали применять методологию Куна в сфере философии (см. также: Gakis, 2016), но ее возможности очень ограничены и ее недостаточно для микроанализа отдельных проектов. Научно-исследовательская программатика Лакатоса, в свою очередь, была использована в религиоведении, литературоведении и экономике (см.: Murphy, 1999; Black, 2003; Backhouse, 1998). Она дает возможность осознать логику развития, усовершенствования и распада научных программ и понять их внутреннюю структуру. Исходя из методологии Лакатоса можно попытаться сделать набросок и программатической метафилософии (см.: Lewin, 2021). Сам Лакатос не ограничивал свои исследования вопросами естественных наук. Если внимательно изучить его работы, то можно увидеть, что для него есть не только, к примеру, физические и математические, но и метафизические, марксистские, his own words, had been awakened by Popper from the dogmatic slumber of Hegelianism in which he remained for twenty years, can be seen as a neo-positivist, his sophisticated falsificationism and his familiarity with various philosophical movements, lend his project certain advantages. As he reports in Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes (Lakatos, 1978a, p. 38), his philosophy combines three traditions: (1) the empiricist, which proceeds on the basis that our cognition depends on experience; (2) the Kantian, from which one can learn an activist approach to the theory of cognition and (3) the conventionist, which stresses the significance of prior methodological decisions. In other words, to listen to Lakatos, one of the three components of his methodology uses the form of thought going back to the philosophy of Kant. I am of the opinion that there are a number of factors that make Lakatos's methodology attractive for use in philosophy and for understanding the programme of transcendental philosophy.

First, as I have mentioned, some philosophers tried to use Kuhn's methodology in the sphere of philosophy (see also Gakis, 2016), but its potential is very limited and it is not sufficient for micro-analysis of individual projects. Lakatos's methodology of scientific research programmes, in turn, has been used in religious and literary studies and in economics (cf. Murphy, 1999; Black, 2003; Backhouse, 1998). It gives insights into the logic of the development, improvement, and degradation of scientific programmes and into their inner structure. Proceeding from the methodology of Lakatos we can try to make a sketch of programmatic metaphilosophy (Lewin, 2021). Lakatos himself did not confine his research to questions of the natural sciences. An attentive perusal of his works will show that he was interested not only in physical and mathematical, but also in психоаналитические, этические, эстетические, научно-теоретические и научно-исторические научно-исследовательские программы (см.: Лакатос, 2008б, с. 281-284, 347-349, 359-360; Лакатос, 2008a, с. 260-264; Lakatos, 1978, р. 151-153; Lakatos, 1968—1969, р. 177—181). Это связано с определенным критерием демаркации науки от псевдонауки, предложенным Лакатосом в качестве улучшенного варианта принципа фальсификации Поппера. Когда мы думаем о логике научных исследований, то часто представляем какие-то отдельные теории, которые выдвигаются учеными. На самом же деле все выдвинутые теории находятся в аргументационной цепочке, состоящей из целого набора теоретических элементов. То есть в науках мы в первую очередь имеем дело с рядами теорий. Ряд теорий конституирует то, что Лакатос называет «научно-исследовательской программой». Эта концепция дает новые возможности понять науку. Ведь теперь требуется описывать не одну теорию, а взаимосвязанные ряды теорий. Если одну теорию, как думает наивный фальсификационист, можно опровергнуть, эмпирически доказав, что она не верна, то это становится сложнее, когда мы имеем дело с целым рядом теорий. Ведь если опровергнуть какую-то одну теорию, другие связанные с ней теории все еще могут быть правильными, то есть программа может пережить частичные опровержения и все равно развиваться дальше. При этом, как правило, программы так или иначе развиваются в «океане аномалий» и несоответствий (Лакатос, 20086, c. 361–364; Lakatos, 1978, p. 149–150).

Как замечает Лакатос, стоит различать программы, мотором которых является эмпирическая прогрессия, от тех, в которых важнее теоретический рост и развитие. Например, в метафизической программе (Лакатос сам дает такой пример, опираясь на Декарта), которая рассматривает мир в качестве механизма, работающего как часы, где каждая деталь имеет какое-то физическое значение и взаимоотношение с другими, теоретический процесс развития креативных теорий и описаний намного важнее,

metaphysical, Marxist, psycho-analytical, ethical, aesthetic, scientific-theoretical and scientific-historical research programmes (cf. Lakatos, 1978a, pp. 8-9, 41-42, 47-48; 1978b, pp. 131-134; 1978c, pp. 151-153; 1968, pp. 177-181). This has to do with a certain criterion of demarcation of science from pseudo-science, proposed by Lakatos as an improved variant of Popper's principle of falsification. When we think about the logic of scientific research we often have in mind individual theories put forward by scientists. In reality, all the proposed theories are parts of an argument chain consisting of a whole set of theoretical elements, i.e. in science we have above all sets of theories. A set of theories constitutes what Lakatos calls "a scientific research programme". This concept offers new opportunities of understanding science. Now one has to describe not one theory, but interconnected sets of theories. While one theory, as a naïve falsificationist thinks, can be refuted by empirically proving its fallacy, the same is more difficult to accomplish if we deal with a whole set of theories. For while refuting one theory, other theories connected with it may still be valid, i.e. the programme can survive partial refutations and continue to develop. As a rule, programmes develop, in one way or another, in "an ocean of anomalies" and discrepancies (cf. Lakatos, 1978a, pp. 48-50; 1978c, pp. 149-150).

Lakatos distinguishes programmes driven by empirical progressions from those in which theoretical growth and development are paramount. For example, in the metaphysical programme (Lakatos cites this example following Descartes) which sees the world as a clockwork mechanism in which every part has physical significance and correlates with other parts, the theoretical process of developing creative theories and descriptions is far more important than чем эмпирические находки (см.: Lakatos, 1968— 1969, р. 177—181)¹¹. Опровергнув какой-то эмпирический факт, описанный в этой программе, ее саму не опровергнуть. Она может распасться и потерять значимость, если будет плохо описывать факты и аномалии (в том числе теоретические несоответствия), которые не вписываются в ее картину мира. Но опровергнуть ее одним ударом, доказав, что какой-то пример не сходится с описанием, невозможно. В схему таких рядов теорий должна аналогично попасть и программа трансцендентальной философии. Она является научной в том смысле, что в ней есть теоретическая прогрессия, какие-то шаги и сдвиги фокуса (как я описал выше), ведущие к накоплению знаний. При этом, поскольку трансценденталии ищутся в сознании, а не в объектах, имеется и эмпирическая доля программы – теории о способностях и фактах сознания могут быть воспроизведены и интроспективно проверены (подробнее об этом см.: Lewin, 2021). Так же и для Канта трансцендентальная философия является наукой, особенно в перспективе теоретической прогрессии, поскольку она выполняет основные требования: рационально-систематическое развитие познаний производится по определенному методу в соответствии с раскрывающейся архитектонической идеей и общими целями разума¹².

Во-вторых, помимо открытости в контексте демаркации, то есть возможности придерживаться частично опровергнутой исследовательской программы, есть еще три фактора, которые делают методологию Лакатоса привлекательной для применения в области философии. Прежде всего методология научно-исследова-

empirical finds (Lakatos, 1968, pp. 177-181).¹¹ A programme cannot be refuted by refuting an empirical fact described in this programme. It can fall apart and become irrelevant if it poorly describes facts and anomalies (including theoretical discrepancies) which do not fit into its picture of the world. But it cannot be refuted in one stroke, by proving that an example does not match the description. Similarly, the programme of transcendental philosophy should be included in the scheme of such sets of theories. It is scientific in the sense that it has theoretical progression, steps and problem shifts (as I have described above) which lead to the accumulation of knowledge. Because transcendentalia are looked for in mind and not in objects, the programme has an empirical part, i.e. theories of the faculties and facts of mind that can be reproduced and introspectively verified.¹² Likewise for Kant, transcendental philosophy is a science, especially in terms of theoretical progression, insofar as it meets the main requirements: rational-systemic development of knowledge follows a certain method in accordance with the unfolding architectonic ideas and general goals of reason.¹³

Second, in addition to openness in the context of demarcation, i.e. the possibility of adhering to a partially refuted research programme, there are three further factors that make Lakatos's methodology attractive for use in philosophy. First of all, the scientific research programme methodology, unlike Kuhn's pro-

¹¹ Насколько Лакатос действительно считал свою программатику применимой к метафизическим теориям, трудно сказать. Поскольку фокус его исследований направлен на математику и естественные науки, после этого примера 1968 г. он молчит о метафизике. Тем не менее эта мысль имеется, и ее можно продолжить по аналогии с эстетическими, этическими и др. программами, которые он осмыслял и которые находятся за пределами естественных наук.

¹² Подробнее о понимании науки у Канта см.: (Sturm, 2009, S. 128—182).

¹¹ Whether Lakatos really considered his programmatics to be applicable to metaphysical theories, it is hard to say. Because the focus of his research is on mathematics and natural sciences he is silent on metaphysics after this 1968 example. Nevertheless, the idea is there and it can be pursued by analogy with the aesthetic, ethical and other programmes which he studied and which are outside the natural sciences.

¹² For more on this see Lewin (2021).

¹³ For more on Kant's view of science see Sturm (2009, pp. 128-182).

тельских программ, в отличие от программатики Куна, может быть использована как на макро-, так и на микроуровнях исследования науки. Как у Канта есть архитектоническая идея всей науки в целом, так и у Лакатоса наука в целом может быть представлена как одна огромная исследовательская программа (см.: Lakatos, 1978, р. 47). Как у Канта есть уровни в рамках представления целостной науки, которым соответствуют идеи отдельных наук, движения внутри наук и проекты внутри них, так и у Лакатоса цепь теорий, с развитием которой растет вся наука, состоит из отдельных более или менее больших рядов теорий. Это напоминает модель матрешки: в исследовательской программе «наука» находятся более и менее конкретные исследовательские программы вплоть до отдельных теоретических моделей. Согласно Лакатосу, можно, например, сказать, что кантовская теория разума как источник идей - это научно-исследовательская программа, находящаяся в программе трансцендентальной философии, которая, в свою очередь, содержится в программе метафизики в широком смысле, входящей в программу «философия», которая, в свою очередь, включена в программу «наука».

В-третьих, Лакатос так же четко определяет составные части исследовательских программ. В их основе лежит так называемое «жесткое ядро», состоящее из некоторых основных предположений, которые основатели или участники научного проекта хотят во что бы то ни стало укрепить и развить до полноценной теоретической системы. Закон гравитации вместе с тремя законами движения - пример такого жесткого ядра в ньютоновской программе. Такие ядра, как говорит Лакатос, не возникают из ниоткуда, а проходят долгий процесс проб и ошибок (Лакатос, 2008б, с. 361-362). Трансцендентальная философия, как было показано, тоже не появилась из ниоткуда, а произошла из онтологии. Старая онтология основывалась на теоретическом основании, что есть суперкатегории, или трансценденталии, которые можно найти и выявить. Какой-то элемент этой

grammatics, can be used both at the macroand micro-levels of the analysis of science. Just as Kant has an architectonic idea of science as a whole, so with Lakatos (1978a, p. 47) science as a whole can be represented as one huge research programme. Just as Kant has levels in the framework of science as a whole, matched by the ideas of separate sciences, parts of sciences and projects within them, so Lakatos's set of theories, whose development advances science as a whole, consists of varying-size sets of theories. It resembles the nestled doll (matryoshka) model: inside the research programme called "science" there are more or less concrete research programmes down to individual theoretical models. According to Lakatos, we can say, for example, that Kant's theory of reason as a source of ideas is a research programme inside the programme of transcendental philosophy, which, in turn, is inside the programme of metaphysics in the broad sense, which is inside the programme "philosophy", which, in turn, is inside the programme "science".

Third, Lakatos also clearly defines the components of research programmes. The "hard core" consists of basic tenets which the founders or participants of the research project are determined to bolster and develop into a fully-fledged theoretical system. The gravitation law with the three laws of motion is an example of a hard core in Newton's programme. Such hard cores, according to Lakatos (1978a, p. 48), do not appear out of nowhere, but are arrived at through a long process of trial and error. Transcendental philosophy, as shown above, did not come out of nowhere, but is derived from ontology. The old ontology was based on a theoretical foundation, i.e. super-categories, transcendentalia which can be found and revealed. An element of such ontology has been preserved by Kant: he too is looking for what may be called transcendenонтологии остался и у Канта – он тоже ищет, можно сказать, трансценденталии, но в способностях нашего сознания. Эти трансценденталии у него, если мы остаемся на уровне первой «Критики», не что иное, как априорные элементы нашего познания – чистые формы созерцания (время и пространство), категории и принципы рассудка и идеи разума. Онтология, как он пишет в первой «Критике», может состоять только в анализе этих понятий (А 247 / В 303; Кант, 2006а, с. 401)¹³: при этом мы должны исходить не из предметов, или «бытия», а руководствоваться концептом «предмета вообще» (A 845—846 / В 873—874; Кант, 2006а, с. 1057— 1059). Экспозиция идеи трансцендентальной философии, которую дает Кант, есть как раз такое жесткое ядро в понимании Лакатоса. Хотя оно находится в некотором движении в последующих работах Канта, радикально оно не от-

talia in the faculties of our mind. With him, if we remain at the level of the first *Critique*, these transcendentalia are a priori elements of our cognition, pure forms of intuition (time and space), categories and principles of understanding and reason. Ontology, as he writes in the first Critique, can consist only in the analysis of these concepts (KrV, A 247 / B 303; Kant, 1998, pp. 358-359)¹⁴: and we should proceed not from objects, or 'being" but from the concept of "an object in general" (KrV, A 845-846 / B 873-874; Kant, 1998, pp. 698-699). Kant's exposition of transcendental philosophy is precisely the hard core as understood by Lakatos. Although it undergoes some modifications in Kant's subsequent works, it is never radically rejected. The hard cores Lakatos establishes subsequently are surrounded by a "protective belt" of theories. An example of a protective belt theory is Kant's claim in Prolegomena that traditional metaphysics since the time of Aristotle had not moved even one step forward because no synthetic a priori judgement from cosmology or rational psychology had been proved (Prol, AA 04, p. 368; Kant, 2002, pp. 156-157). In other words, to refute Kant's hard core it has first

¹³ Можно ошибочно прочитать это место так, как это предполагается переводом: будто Кант предлагает заменить «гордое имя онтологии... скромным именем простой аналитики чистого рассудка». Нужно обратить внимание на то, что акцент в этом предложении делается не на возможных названиях, а на содержании онтологии. Русский перевод не отображает логическое значение неопределенного артикля «einer». «Der stolze Name einer Ontologie, welche...» можно было бы перевести как «гордое имя такой онтологии, которая...» (вместо анализа чистого рассудка притязает на создание системы из синтетических познаний a riori). То, что понималось под онтологией, может теперь быть только аналитикой чистого рассудка. Поэтому понятие «онтология» ставится в скобках за трансцендентальной философией в архитектоническом определении частей метафизики (А 845 / В 873; Кант, 2006a, с. 1057; AA 29, S. 784 – 785), а то и вообще вместо нее (А 846 / В 874; Кант, 2006а, с. 1059). Фокус исследования переносится на то, как теперь понимать онтологию, а не на вопрос о названиях, хотя альтернативное понятие «трансцендентальная философия» не может сводиться только к теоретической части проекта Канта, как я показал во второй части статьи. Как выражается Элена Фикара, «онтология должна быть заменена трансцендентальной философией, но она одновременно и есть сама же трансцендентальная философия» (Ficara, 2006, S. 11). Положение же, что трансцендентальная философия «мыслится Кантом не в качестве онтологии» (Катречко, 2020, с. 5), не отображает этого и процесса развития онтологии. О понимании онтологии у Канта также см.: (Fulda, 1988). Об истории развития понятия «онтология» у Канта см.: (Rivero, 2014).

¹⁴ It is important to understand the emphasis in the original German of this passage: what was meant by ontology earlier can now be only an analytic of pure understanding. The concept of "ontology" is put in brackets after or even instead of transcendental philosophy in the architectonic explication of parts of metaphysics (cf. KrV, A 845-846 / B 873-874; Kant, 1998, pp. 698-699, see also V-Met/Mron, AA 29, pp. 784-785; Kant, 1997, pp. 140-141). The focus of the study shifts to how to interpret ontology and not to the question of names, although the alternative concept of "transcendental philosophy" cannot be reduced to the theoretical part of Kant's project, as I have shown in the second part of the article. According to Elena Ficara (2006, p. 11), "ontology should be replaced by transcendental philosophy, yet it is simultaneously itself transcendental philosophy." The proposition that Kant "does not think of transcendental philosophy as ontology" (Katrechko, 2020, p. 5), fails to convey this and the process of the development of ontology. On Kant's interpretation of ontology see also Fulda (1988). On Kant's view of the development of the concept "ontology" see Rivero

вергается. Такие ядра, которые устанавливает Лакатос в дальнейшем, окружаются рядом теорий, защищающих их так называемым защитным поясом. Примером теории из защитного пояса может быть утверждение Канта в «Пролегоменах», что традиционная метафизика со времен Аристотеля ни на шаг не сдвинулась с места, так как еще ни одно синтетическое суждение априори, например из космологии или рациональной психологии, не было доказано (AA 04, S. 368; Кант 1994в, с. 134—136). То есть, чтобы опровергнуть жесткое ядро Канта, сначала нужно доказать, что синтетические суждения априори, например в космологии, возможны, и предъявить доказательства существования последней неделимой частицы.

Следующие элементы исследовательских программ Лакатоса — это (1) позитивная и (2) негативная эвристика. (1) В позитивной эвристике ученые разворачивают и специфицируют жесткое ядро. Это креативный автономный процесс планирования проекта, решения задач и обработки проблем, так сказать, в «офисе теоретика». В трансцендентальной философии позитивная эвристика находит выражение в разворачивании ее идеи в ходе «Критики чистого разума», то есть в анализе априорных элементов познания. В «Пролегоменах» можно найти конкретный план из семи пунктов, где Кант описывает, что должно или должно было произойти в первой «Критике» (АА 04, S. 365; Кант 1994в, с. 131—132). (2) В негативной эвристике ученые не столько руководствуются планом, сколько реагируют на постоянно возникающие проблемы и аномалии. Решение проблем и трудностей при этом нацелено на то, чтобы сделать свою программу еще стабильнее и успешнее. В метафизических программах аномалии встречаются скорее в форме доказательства критиками некогерентности или неправильности проекта. Пример такой критики извне - рецензия Гарве на первое издание «Критики чистого разума», где он неудачно описывает позицию Канта как позицию высокого идеализма (Кант читает: «трансценto be proved that synthetic *a priori* judgements, for example, in cosmology, are possible and proof has to be presented of the existence of the ultimate indivisible particle.

The following elements of Lakatos's research programmes are (1) positive and (2) negative heuristics. (1) In positive heuristics scientists unfold and specify the hard core. This is a creative autonomous process of planning the project, solving the tasks, and processing the problems, "in the theorist's office," as it were. In transcendental philosophy positive heuristics takes the form of elaborating its idea in the course of the Critique of Pure Reason, i.e. the analysis of a priori elements of cognition. In the Prolegomena we find a concrete seven-point plan in which Kant describes what ought to have happened in the first Critique (Prol, AA 04, p. 365; Kant, 2002, p. 154). (2) In negative heuristics scientists do not so much follow a plan as react to the problems and anomalies that constantly crop up. The handling of problems and difficulties is geared to making the programme more stable and successful. In metaphysical programmes anomalies occur rather in the form of critics proving the incoherence or fallacy of the project. An example of such external criticism is Garve's review of the first edition of the Critique of Pure Reason in which he infelicitously describes Kant's position as high idealism (Kant reads "transcendent") (Prol, AA 04, p. 373),15 which includes both the spirit and matter and turns the whole world into representations. Kant wrote that, reading these lines, he knew at once what to expect from the review. Based on Garve's critique prompted by the misunderstood purport of the book, Kant specified some aspects and inserted the part "Refutation of Idealism" (KrV, B 274-279; Kant,

¹⁵ Garve writes in the review "transcendentellen", in translations authors use "transcendental" (Kant, 2002, p. 161).

дентного» (АА 04, S. 373))¹⁴, который охватывает и дух, и материю и превращает весь мир в представления. Кант написал, что, читая эти строки, сразу понял, что за рецензия его ожидает. Исходя из критики Гарве, основанной на неверном понимании замысла книги, Кант специфицировал некоторые моменты и вставил часть «Опровержение идеализма» (В 274—279; Кант, 2006а, с. 369—373) во второе издание «Критики чистого разума». Этот случай — явный пример негативной эвристики для защиты жесткого ядра от опровержения.

Наконец, в-четвертых, фактор, на который я хочу обратить внимание и который делает программатику Лакатоса полезной, – его анализ роста и упадка научно-исследовательских программ. Программа развивается, когда ряд теорий, исходящий из жесткого ядра, успешно справляется с задачами, поставленными в позитивной и негативной эвристике, то есть когда исследования приводят к улучшенным теориям и описаниям фактов и теории эмпирически подтверждаются. Программа, следовательно, начинает распадаться, когда число нерешенных проблем и аномалий превышает ее исследовательский потенциал, то есть когда она все меньше и меньше дает объяснений и получает подтверждений. Это правильно и нормально, что ученые стремятся присоединиться к успешным программам, так как деградирующие программы не создают новых знаний, топчутся на одном месте или просто дают новые формулировки старого содержания и поэтому получают все меньше поддержки со стороны общества и финансовой помощи со стороны государства. Но Лакатос подчеркивает, что прогресс в науке основывается не на фактах вокруг нас, а на креативном воображении (Лакатос, 2008б, с. 458-459). С помощью креативных модификаций, новых идей и сдвигов проблематического фокуса (то есть путем корректировок курса развития программ) можно спасти даже самую забы1998, pp. 326-329) in the second edition of the *Critique of Pure Reason*. This is an obvious instance of negative heuristics to defend a hard core against refutation.

Fourthly and finally, I would like to draw attention to another factor that makes Lakatos's programmatics useful, namely, his analysis of the growth and degradation of scientific research programmes. A programme develops when a set of theories emanating from the hard core successfully copes with the tasks set by positive and negative heuristics, i.e. when research improves theories and descriptions of facts and theories are proved empirically. Accordingly, a programme begins to fall apart when the number of unsolved problems and anomalies exceeds the research potential, i.e. when it has fewer and fewer explanations and proofs. It is right and normal for scientists to seek to join successful programmes because degrading programmes do not generate new knowledge, are marking time or simply reformulating old content and therefore are getting less and less support from society and financial aid from the state. But Lakatos (1978a, p. 99) stresses that progress in science is based not on the facts around us but on creative imagination. Creative modifications, new ideas and problem shifts (i.e., through adjustment of the course of the programme) can rescue even the most neglected and deteriorating programme and make it progressive and capable of cooperating and competing with other projects.

This is exactly what Kant does to metaphysics. On the one hand, traditional metaphysics had not proved a single *a priori* synthetic judgement and, on the other hand, philosophers continue to waste their time on speculations, as Kant puts it, in a vacuum where pure reason helplessly flaps its wings (*GMS*, AA 04, p. 462; Kant, 1996b, p. 107), where arguments are useless because no one can win

¹⁴ Сам Гарве пишет в рецензии «transscendentellen», авторы перевода — «трансцендентального» (Кант 1994в, с. 141).

тую или распадающуюся программу и сделать ее снова прогрессивной и способной к кооперации и конкуренции с другими проектами.

Именно так Кант поступает с метафизикой. С одной стороны, в традиционной метафизике не было доказано ни одно синтетическое суждение априори, а с другой - философы продолжают тратить время на спекуляции, как выражается Кант, в пустом пространстве, где чистый разум бессильно размахивает крыльями (АА 04, S. 462; Кант 1994в, с. 245), где споры бесполезны, так как никто не может победить. Поэтому он предлагает прогрессивный сдвиг проблемы в онтологии - трансценденталии следует искать в способностях нашего сознания, анализировать их и смотреть, на что мы действительно способны в нашем познании. Потом Кант поэтапно развивает и расширяет свой изначальный проект трансцендентальной философии, делая его способным описать большее количество принципов не только в теоретической, но и в практической философии и в эстетике. Программа трансцендентальной философии не закончилась в «Opus postumum» Канта. Рейнгольд, увидев, что она может распасться из-за разногласий в философии и в понимании Канта, предложил следующий сдвиг проблемы - нужно обосновать ее на одном принципе, с которым невозможно не согласиться (Reinhold, 2003, S. 185). Так можно провести эту линию и дальше, рассмотрев трансцендентальную философию в программатической перспективе и проблематизируя некоторые моменты - например, трудности установления критериев для определения прогресса в трансцендентальной философии.

В этих четырех пунктах, которые я выделил в философии Лакатоса, отображаются новые методологические взгляды на трансцендентальную философию. Во-первых, она представляется как ряд теорий. Во-вторых, она представляется как программа внутри вышестоящих более обширных программ. Этот пункт совпадает с архитектоникой Канта, который определяет место трансцендентальной философии в

them. Therefore, he proposes a progressive shift of the problem in ontology: transcendentalia should be sought in the faculties of our mind, in analysing them and looking at what we are really capable of accomplishing in our cognition. Then Kant progressively develops and expands his initial project of transcendental philosophy to enable it to describe a larger number of principles not only in theoretical, but also in practical philosophy and in aesthetics. The programme of transcendental philosophy did not end with Kant's Opus postumum. Reinhold (2003, p. 185), seeing that it might fall apart over differences in philosophy and interpretation of Kant, proposed the following shift of the problem: it should be grounded in a single principle which it is impossible to deny. The line can be drawn further by considering transcendental philosophy in a programmatic perspective and addressing some aspects, e.g. difficulties in establishing criteria of progress in transcendental philosophy.

The following four points which I have identified in the philosophy of Lakatos reflect new methodological views on transcendental philosophy. First, transcendental philosophy is represented as an array of theories. Second, it is represented as a programme within higher and larger programmes. This point coincides with Kant's architectonics which determines the place of transcendental philosophy in the structure of ideas and areas of knowledge. Third, Lakatos's methodology makes it possible to distinguish various stages in the building of transcendental philosophy as a research programme that cannot be found in Kant's methodology, although the theory of the "hard core" and its development is analogous to Kant's description of architectonic ideas and their unfolding. The fourth important point is Lakatos's reflections on progression and degeneration of programmes, which puts the Kantian project in a longer-term perspective.

структуре идей и отраслей знания. В-третьих, методология Лакатоса позволяет различать разные моменты построения трансцендентальной философии как исследовательской программы, которых не найти в методологии Канта, хотя теория жесткого ядра и его развития аналогична кантовскому описанию архитектонических идей и их развертывания. Четвертый важный пункт — это размышления Лакатоса о прогрессии и дегенерации программ, который позволяет посмотреть на кантовский проект в более долгосрочной перспективе.

Заключение

Обычно мы воспринимаем трансцендентальную философию Канта как завершенный проект или же даем ей какое-то описание, но не представляем ее во всех деталях. Как я показал, причиной этому служит то, что она является архитектонической идеей и понятием-в-процессе. Пытаясь определить эту идею, этот ноумен, или вещь саму по себе и перенести ее в царство феноменов, можно получить о ней лишь ограниченное представление. При этом стоит различать этапы ее развития до Канта, в философии Канта и после Канта. Так можно достичь более правильного понимания трансцендентальной философии, которая не представляет собой концептуальную мумию конца XVIII в. И если кто-то утверждает, что он или она трансцендентальный философ, нужно в ответ задавать вопрос: трансцендентальный философ в каком именно значении?

Программатическая метафилософия, как я ее представил в первой части статьи, показывает трансцендентальную философию, как и всю философию, именно в свете теоретического процесса. К ней можно отнести и методологию Канта, которая разбирает логику построения и развития философских проектов и анализирует процессы, стоящие за ними, и программатику Лакатоса. Хотя обе позиции относятся к разным парадигмам философствования, есть не-

Conclusion

We tend to perceive Kant's transcendental philosophy as a completed project or else describe it in a general way without a clear idea of all the details. As I have shown, the reason is that it is an architectonic idea and an evolving concept. In trying to define this idea, this noumenon, or the thing-in-itself, and transfer it to the realm of phenomena, we can get only a limited concept of it. And we should distinguish the stages of its development before Kant, in Kant's philosophy and after Kant. This would yield a more correct understanding of transcendental philosophy, which is not a conceptual mummy of the late eighteenth century. If somebody claims to be a transcendental philosopher we should ask the question, a transcendental philosopher in what sense?

Programmatic metaphilosophy, as I have set forth in the first part of the article, presents transcendental philosophy, like all philosophy, in the light of the theoretical process. It can include Kant's methodology which looks at the logic of building and developing philosophical projects and analyses the processes behind them, and the programmatics of Lakatos. Although the two positions belong to different paradigms of philosophising, they can be combined in some ways to overcome their limitations. Both methodologies make it possible to present philosophy and individual philosophical projects in motion and in the process of development. Kant, of course, takes the credit for the analysis of architectonic ideas which I have described in the second part of the article, i.e. the ideas of philosophical projects and insight into the workings of reason and all faculties of mind which implement them. Lakatos, as I have shown in the third part, takes the credit for the extensive technical apparatus which creates new conceptual opportunities. In particular, Lakatos offers an interesting interpretation которые возможности их соотнесения, которое может освободить их от ограниченности. Обе методологии позволяют представить философию и отдельные философские проекты в движении и в процессе развития. За Кантом остается, безусловно, анализ архитектонических идей, охарактеризованный мною во второй части, то есть мысль о том, что всегда есть чтото неопределенное в идеях философских проектов, и понимание того, как работает разум и все сознание, развертывающее их. За Лакатосом же, как я показал в третьей части, остается богатый технический аппарат, который создает новые концептуальные возможности. В частности, Лакатос предлагает интересный вариант понимания прогрессивных сдвигов, которые Кант не описывает, и прогресса в философии в целом. Программа трансцендентальной философии может распасться в трех случаях. Она может дегенерировать, если к ней не применить методологической перспективы, например Канта или Лакатоса, и не увидеть в ней живой концепт, то есть концепт в его развитии. Также она распадется, если мы в негативной эвристике не будем отвечать на аргументы, выдвинутые против нее в постмодернизме, если мы будем просто репродуцировать старые знания и не будем креативно развивать трансцендентальную философию. Если мы хотим видеть прогресс в трансцендентальной философии, стоит исключить эти три случая и найти возможности для позитивной эвристики - например, при рассмотрении теории разума в узком смысле в актуальных контекстах.

Благодарности. В основу этой статьи положен доклад, прочитанный в Кантовском лектории 26 ноября 2020 г. Я благодарю участников лектория и Нину Анатольевну Дмитриеву за полезные комментарии. Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

of progressive shifts which we do not find in Kant, and of progress in philosophy in general. The programme of transcendental philosophy may fall apart in three cases. It may degenerate unless it is seen in a methodological perspective, e.g. of Kant or Lakatos, and is treated as a living concept, a concept in its progress. It will fall apart if we, in negative heuristics, fail to answer the arguments put forward against it in post-modernism, if we simply regurgitate old knowledge and do not develop transcendental philosophy creatively. If we want to see progress in transcendental philosophy, we should exclude these three scenarios and find openings for positive heuristics, e.g. in studying the theory of reason in the narrow sense in contemporary contexts.

Acknowledgements. This paper is based on my presentation at the Kant Lectures on 26 November 2020. I am grateful to the participants and to Nina A. Dmitrieva for useful comments. This research was supported by the Russian Academic Excellence Project at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

References

Apel, K.-O., 2011. Paradigmen der ersten Philosophie. Zur reflexiven – transzendentalpragmatischen – Rekonstruktion der Philosophiegeschichte. Berlin: Suhrkamp.

Backhouse, R. E., 1998. Explorations in Economic Methodology. From Lakatos to Empirical Philosophy of Science. London & New York: Routledge.

Black, S., 2003. Imre Lakatos and Literary Tradition. *Philosophy and Literature*, 27(2), 363-381.

Ficara, E., 2006. Die Ontologie in der "Kritik der reinen Vernunft". Würzburg: Königshausen & Neumann.

Fichte, J. G., 1982. Second Introduction to the Science of Knowledge, for Readers who Already Have a Philosophical System. In: J. G. Fichte, 1982. Science of Knowledge with the First and Second Introductions. Edited and translated by P. Heath and J. Lachs. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 29-88.

Список литературы

Васильев В. В. Метафилософия: история и перспективы // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 2. С. 6-18.

Кант И. Заявление по поводу наукоучения Фихте // Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 624—626.

Кант И. Логика. Пособие к лекциям // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 8. С. 266—398.

Кант И. О педагогике // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 8. С. 399—460.

Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994в. Т. 4. С. 5-152.

Кант И. Основоположения метафизики нравов // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994г. Т. 4. С. 153—246.

Кант И. Физическая монадология // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994д. Т. 1. С. 313—332.

Кант И. Критика практического разума // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М.: Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 277—733.

Кант И. Из рукописного наследия. М. : Прогресс-Традиция, 2000.

Кант И. Критика способности суждения // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 69—833.

Кант И. Критика чистого разума (В) // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М.: Наука, 2006а. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Критика чистого разума (A) // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М.: Наука, 2006б. Т. 2, ч. 2.

Катречко С.Л. Кантовская «идея [проект] трансцендентальной философии» // Трансцендентальный журнал. 2020. Вып. 1. URL: https://transcendental.ru/S123456780008967-4-1 (дата обращения: 29.11.2020).

Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Избр. произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект, 2008а. С. 199—278.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Избр. произведения по философии и методологии науки. М. : Академический проект, 2008б. С. 279—475.

Левин М. Р. Универсум науки. Архитектонические идеи науки, отраслей и частей научного знания в философии Канта // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 2. С. 26—45.

Förster, E., 2015. Transzendentalphilosophie. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin ed., 2015. *Kant-Lexikon*. Berlin; Boston: de Gruyter, pp. 2319-2325.

Fulda, H. F., 1988. Ontologie nach Kant und Hegel. In: D. Henrich ed., 1988. *Metaphysik nach Kant? Stuttgarter Hegel-Kongress* 1987. Stuttgart: Klett-Cotta, pp. 44-82.

Gakis, D., 2016. Philosophy as Paradigms: An Account of a Contextual Metaphilosophical Perspective. *Philosophical Papers*, 45(1-2), pp. 209-239,

Geldsetzer, L., 1989. Philosophie der Philosophie. In: J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel ed., 1998. *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Bd. 7. Basel: Schwabe Verlag, pp. 904-911.

Habermas, J., 2016. *Der philosophische Diskurs der Moderne*, 12. Auflage, Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch.

Henrich, D., 1991. Konstellationen. Probleme und Debatten am Ursprung der idealistischen Philosophie (1789–1795). Stuttgart: Klett-Cotta.

Hinske, N., 1998. Transzendental — 18. Jahrhundert. In: J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel ed., 1998. *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Bd. 10. Basel: Schwabe Verlag, pp. 1376-1388.

Hinske, N., 1970. *Kants Weg zur Transzendentalphilosophie*. Stuttgart: W. Kohlhammer.

Kant, I., 1992a. The Employment in Natural Philosophy of Metaphysics Combined with Geometry, of Which Sample I Contains the Physical Monadology. In: I. Kant, 1992. Theoretical philosophy, 1755-1770. Translated and edited by D. Walford in collaboration with R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 47-66.

Kant, I., 1992b. *The Jäsche Logic*. In: I. Kant, 1992. *Lectures on Logic*. Translated by J. M. Young. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 521-640.

Kant, I., 1993. *Opus Postumum*. Edited by E. Förster, translated by E. Förster and M. Rosen. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1996a. *Critique of Practical Reason*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 133-272.

Kant, I., 1996b. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 37-109.

Kant, I., 1997. *Metaphysik Mrongovius*. In: I. Kant, 1997. *Lectures on Metaphysics*. Edited and translated by K. Ameriks and S. Naragon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 109-288.

Oйзерман Т. И. Метафилософия; Амбивалентность философии // Избр. тр. : в 5 т. М. : Наука, 2014. Т. 5.

 Φ ихте И. Г. Второе введение в наукоучение, для читателей, уже имеющих философскую систему // Соч. : в 2 т. СПб. : Мифрил, 1993. Т. 1. С. 478—546.

Apel K.-O. Paradigmen der ersten Philosophie. Zur reflexiven — transzendentalpragmatischen — Rekonstruktion der Philosophiegeschichte. Berlin : Suhrkamp, 2011.

Backhouse R. E. Explorations in Economic Methodology. From Lakatos to Empirical Philosophy of Science. L.; N.Y.: Routledge, 1998.

Black S. Imre Lakatos and Literary Tradition // Philosophy and Literature. 2003. Vol. 27, № 2. P. 363—381.

Ficara E. Die Ontologie in der "Kritik der reinen Vernunft". Würzburg : Königshausen & Neumann, 2006.

Förster E. Transzendentalphilosophie // Kant-Lexikon / hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. S. 2319—2325.

Fulda H. F. Ontologie nach Kant und Hegel // Metaphysik nach Kant? Stuttgarter Hegel-Kongress 1987 / hrsg. von D. Henrich. Stuttgart: Klett-Cotta, 1988. S. 44–82.

Gakis D. Philosophy as Paradigms: An Account of a Contextual Metaphilosophical Perspective // Philosophical Papers. 2016. Vol. 45, № 1–2. P. 209–239,

Geldsetzer L. Philosophie der Philosophie // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 7 / hrsg. von J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel. Basel : Schwabe Verlag, 1989. S. 904—911.

Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne. 12. Aufl. Frankfurt a/M : Suhrkamp Taschenbuch, 2016.

Henrich D. Konstellationen. Probleme und Debatten am Ursprung der idealistischen Philosophie (1789–1795). Stuttgart: Klett-Cotta, 1991.

Hinske N. Kants Weg zur Transzendentalphilosophie. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1970.

Hinske N. Transzendental — 18. Jahrhundert // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 10 / hrsg. von J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel. Basel : Schwabe Verlag, 1998. S. 1358—1438.

Lakatos I. Criticism and the Methodology of Scientific Research Programmes // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. 1968—1969. Vol. 69. P. 149—186.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited and translated by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1999. Declaration Concerning Fichte's Wissenschaftslehre. In: I. Kant, 1999. Correspondence. Translated by A. Zweig. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 559-560.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgement*. Translated by P. Guyer and E. Matthews. Edited by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2002. *Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Come Forward as Science*. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. Allison and P. Heath, translated by G. Hatfield. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 49-169.

Kant, I., 2007. Lectures on Pedagogy. In: Anthropology, History, and Education. Edited by G. Zöller and R.B. Louden, translated by R.B. Louden. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 434-485.

Katrechko, S. L., 2020. Kantian "Idea [Project] of Transcendental Philosophy". *Transcendental Journal*, 1, [online] Available at: https://transcendental.ru/S123456780008967-4-1 [Accessed 02 February 2021]. (In Rus.)

Lakatos, I., 1968. Criticism and the Methodology of Scientific Research Programmes. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 69, pp. 149-186.

Lakatos, I., 1978a. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. In: I. Lakatos, 1978. *The Methodology of Scientific Research Programmes. Philosophical Papers. Volume 1.* Edited by J. Warall and G. Currie. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 8-101.

Lakatos, I., 1978b. History of Science and its Rational Reconstructions. In: I. Lakatos, 1978. *The Methodology of Scientific Research Programmes. Philosophical Papers. Volume 1.* Edited by J. Warall and G. Currie. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 102-138.

Lakatos, I., 1978c. Popper on Demarcation and Induction. In: I. Lakatos, 1978. *The Methodology of Scientific Research Programmes. Philosophical Papers. Volume 1.* Edited by J. Warall and G. Currie. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 139-167.

Lazerowitz, M., 1970. A Note on "Metaphilosophy". *Metaphilosophy*, 1, p. 91.

Lazerowitz, M., 1964. *Studies in Metaphilosophy*. New York: Humanities Press.

Lewin, M., 2020. The Universe of Science. The Architectonic Ideas of Science, Sciences, and Their Parts in Kant. *Kantian Journal*, 39(2), pp. 26-45.

Lakatos I. Popper on Demarcation and Induction // The Methodology of Scientific Research Programmes. Philosophical Papers / ed. by J. Warall, G. Currie. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. Vol. 1. P. 139—167.

Lazerowitz M. Studies in Metaphilosophy. N. Y. : Humanities Press, 1964.

Lazerowitz M. A Note on "Metaphilosophy" // Metaphilosophy. 1970. Vol. 1. P. 91.

Lewin M. Das System der Ideen. Zur perspektivistisch-metaphilosophischen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte. Freiburg; München: Alber, 2021.

Murphy N. Theology and Science within a Lakatosian Program // Zygon. 1999. Vol. 34, № 4. P. 629—642.

Nagel E. Sovereign Reason and Other Studies in the Philosophy of Science. Glencoe: The Free Press, 1954.

Overgaard S., Gilbert P., Burwood S. An Introduction to Metaphilosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Raatzsch R. Philosophiephilosophie. 2. Aufl. Wiesbaden: Springer VS, 2014.

Reinhold K. L. Beyträge zur leichtern Übersicht des Zustandes der Philosophie beym Anfange des 19. Jahrhunderts. Hamburg: Friedrich Perthes, 1803. Bd. 6.

Reinhold K. L. Beiträge zur Berichtigung bisheriger Missverständnisse der Philosophen / hrsg. von F. Fabbianelli. Hamburg: Meiner, 2003. Bd. 1.

Rescher N. Philosophical Dialectics. An Essay on Metaphilosophy. Albany: SUNY Press, 2006.

Rescher N. Metaphilosophy: Philosophy in Philosophical Perspective. Lanham: Lexington Books, 2014.

Rivero G. Zur Bedeutung des Begriffs Ontologie bei Kant. Eine entwicklungsgeschichtliche Untersuchung. Berlin; Boston: De Gruyter, 2014.

Schnädelbach H. Philosophie // Philosophie. Ein Grundkurs / hrsg. von E. Martens, H. Schnädelbach. Überarb. und erweiterte Neuausgabe. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch, 1994. S. 37–76.

Sturm T. Kant und die Wissenschaften vom Menschen. Paderborn : mentis, 2009.

Theunissen B. Hegels Phänomenologie als metaphilosophische Theorie. Hegel und das Problem der Vielfalt der philosophischen Theorien. Eine Studie zur systemexternen Rechtfertigungsfunktion der Phänomenologie des Geistes. Hamburg: Meiner, 2014.

Williamson T. The Philosophy of Philosophy. Malden, MA; Oxford; Carlton, Victoria: Wiley-Blackwell, 2008.

Lewin, M., 2021. Das System der Ideen. Zur perspektivistisch-metaphilosophischen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte. Freiburg & München: Alber.

Murphy, N., 1999. Theology and Science within a Lakatosian Program. *Zygon*, 34(4), pp. 629-642.

Nagel, E., 1954. *Sovereign Reason and Other Studies in the Philosophy of Science*. Glencoe: The Free Press.

Oizerman, T. I., 2014. Metaphilosophy; The Ambivalence of Philosophy. In: T. I. Oizerman, 2014. *Izbrannye trudi v 5 tomakh [Chosen Works in 5 Volumes]*. *Volume 5*. Moscow: Nauka.

Overgaard, S., Gilbert, P., Burwood, S., 2013. *An Introduction to Metaphilosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Raatzsch, R., 2014. *Philosophiephilosophie*. 2. Auflage. Wiesbaden: Springer.

Reinhold, K. L., 1803. Beyträge zur leichtern Übersicht des Zustandes der Philosophie sbeym Anfange des 19. Jahrhunderts. Hamburg: Friedrich Perthes,. Bd. 6.

Reinhold, K. L., 2003. Beiträge zur Berichtigung bisheriger Missverständnisse der Philosophen. Band 1. Herausgegeben von F. Fabbianelli. Hamburg: Meiner, 2003.

Rescher, N., 2014. *Metaphilosophy: Philosophy in Philosophical Perspective*. Lanham: Lexington Books.

Rescher, N., 2006. Philosophical Dialectics. An Essay on Metaphilosophy. Albany: SUNY Press.

Rivero, G., 2014. Zur Bedeutung des Begriffs Ontologie bei Kant. Eine entwicklungsgeschichtliche Untersuchung. Berlin & Boston: De Gruyter, 2014.

Schnädelbach, H., 1994. Philosophie. In: E. Martens, H. Schnädelbach, eds. 1994. *Philosophie. Ein Grundkurs*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch, pp. 37-76.

Sturm, T., 2009. Kant und die Wissenschaften vom Menschen. Paderborn: mentis.

Theunissen, B., 2014. Hegels Phänomenologie als metaphilosophische Theorie. Hegel und das Problem der Vielfalt der philosophischen Theorien. Eine Studie zur systemexternen Rechtfertigungsfunktion der Phänomenologie des Geistes. Hamburg: Meiner.

Vasilyev, V. V., 2019. Metaphilosophy: History and Perspectives. *Epistemology & Philosophy of Science*, 56(2), pp. 6-18. (In Rus.)

Williamson, T., 2008. *The Philosophy of Philosophy*. Malden, MA & Oxford & Carlton, Victoria: Wiley-Blackwell.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

Об авторе

Михаил Романович Левин, доктор философии, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; Горный университет Вупперталя, Вупперталь, Германия; Университет Кобленца-Ландау, Майнц, Германия.

E-mail: MLewin@kantiana.ru

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5097-5725

Для цитирования:

Левин М. Р. Трансцендентальная философия как научно-исследовательская программа // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 3. С. 93—126.

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-4

© Левин М. Р., 2021.

The author

Dr Michael Lewin, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia; University of Wuppertal, Wuppertal, Germany; University of Koblenz and Landau, Mainz, Germany.

E-mail: MLewin@kantiana.ru

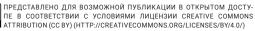
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5097-5725

To cite this article:

Lewin, M., 2021. Transcendental Philosophy as a Scientific Research Programme. *Kantian Journal*, 40(3), pp. 93-126.

http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-3-4

© Lewin M., 2021.

УДК 1(091)(430)+(476)

И. КАНТ И ЕГО НАСЛЕДИЕ В БЕЛОРУССКОЙ ФИЛОСОФИИ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ

Т. Г. Румянцева¹

Интерпретация философии Канта в трудах мыслителей досоветской Беларуси не раз освещалась в ряде публикаций. Речь шла о знакомстве и усвоении основополагающих идей его наследия, а также об анализе, полемике, а порой и резкой критике этих идей. Представляется актуальным проанализировать исследования кантовской философии начиная с 1920-х гг. и до наших дней. Показано, что сразу после Октября 1917 г. и до конца 1930-х гг. наблюдался процесс постепенного угасания интереса к учению Канта. Обращаясь в этот период к его идеям, белорусские авторы описывают и анализируют их по преимуществу в учебной литературе либо при рассмотрении или, скорее, критике взглядов западных философов, жестко руководствуясь ленинскими оценками. В военные и послевоенные годы количество исследований было также крайне незначительным, и только с началом Перестройки, когда возникает настоятельная потребность в новом «прочтении» западной философии, в стране резко возрастает интерес к наследию Канта. Особый же исследовательский всплеск можно зафиксировать начиная с 2004 г., объявленного ЮНЕСКО годом Иммануила Канта. С этого времени в Беларуси проводится ряд посвященных Канту международных форумов, издаются материалы конференций, статьи, защищаются диссертации, публикуются учебные пособия и т.д. Представлен краткий анализ основных векторов этих исследований советского и современного периодов.

Ключевые слова: Кант, белорусская философия, советский период, постсоветский период, 1920—1930-е гг., Перестройка

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-5

KANT AND HIS HERITAGE IN BELARUSIAN PHILOSOPHY OF THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

T. G. Rumyantseva¹

The interpretation of Kant's philosophy by thinkers in pre-Soviet Belarus has been the subject of not a few publications. They described the reception of his seminal ideas, the analysis, polemic and occasionally sharp criticism of these ideas. It is helpful now to look at Kantian studies beginning from the 1920s to the present time. I will show that immediately after the October 1917 revolution and until the 1930s interest in Kant's teaching was waning. When they turned to his ideas during that period Belarusian authors described and analysed them primarily in textbooks or when examining, or rather criticising, the views of Western philosophers, thereby rigidly adhering to Lenin's assessments. During and after World War II the number of studies was also very insignificant. It was not until the beginning of Perestroika that an urgent need was felt for a new reading of Western philosophy, and interest in Kant's heritage in the country increased sharply. A surge of interest was registered beginning from 2004 which was declared "Immanuel Kant Year" by UNESCO. From that time onward Belarus has hosted a number of international forums devoted to Kant, materials of conferences, articles and textbooks have been published, dissertations defended etc. The article reviews the main trends of these studies in the Soviet and post-Soviet periods.

Keywords: Kant, Belarusian philosophy, Soviet period, post-Soviet period, 1920s-1930s, Perestroika

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-5

Белорусский государственный университет (БГУ). 200030, Республика Беларусь, Минск, просп. Независимости, д. 4. Поступила β редакцию: 23.05.2021 г.

¹ Belarusian State University.

⁴ Prospekt Nezavisimosti, Minsk, 220030, Belarus. *Received*: 23.05.2021.

Введение

О том, какое отражение идеи И. Канта получили в трудах философов досоветской Беларуси, отечественными академическими и университетскими исследователями написан целый ряд статей (Клевченя, 1981; Шалькевич, Легчилин, 2005; Легчилин, Дудчик, 2020). В них, в частности, показано, что даже при отсутствии институциализированных форм философии белорусская интеллектуальная среда была открыта для их восприятия. Причем в рамках белорусской философской мысли мы не увидим такого жесткого неприятия ряда идей Канта, как это наблюдалось порой в дореволюционной России.

Учитывая, что отношение к кантовской мысли никогда не являлось сугубо внутренним делом философии, а было, по словам Н. В. Мотрошиловой, «скорее, довольно точным барометром, фиксирующим не только состояние культуры, назревающие в ней изменения, но и характер более общих социально-исторических процессов» (Мотрошилова, 1993, с. 43—44), следует, на наш взгляд, выделить в истории белорусского кантоведения несколько различных этапов. При этом каждый из них отвечает запросам соответствующей ему исторической обстановки и отличается определенной спецификой.

Исследования философии Канта в довоенный период (1920-е — начало 1940-х гг.)

В период с 1920-х и до начала 1940-х гг. в Беларуси можно зафиксировать постепенное угасание внимания к наследию И. Канта по сравнению с дореволюционными десятилетиями. Впрочем, это было характерно и для всей советской философской мысли, частным выражением которой стали кантоведческие исследования в республике². Тем не менее следует упо-

Introduction

The reflection of Kant's ideas in the works of Belarusian philosophers before the 1917 revolution has been the subject of a number of articles by the Academy of Sciences and university scholars. They show that in spite of the lack of institutionalised forms of philosophy the intellectual milieu in Belarus was open to these ideas. Indeed, in Belarusian philosophical thought we do not find such a sharp rejection of some of Kant's ideas as in pre-revolutionary Russia (Klevchenya, 1981; Shalkevich and Legchilin, 2005; Legchilin and Dudchik, 2020).

Considering that the attitude to Kant's thought has never been a strictly internal business of philosophy but rather, as Nelly V. Motroshilova (1993, pp. 43-44) points out, "has been an accurate barometer recording not only the state of culture and changes in the making, but the character of more general socio-historical processes", we may identify several stages in what may be called Belarusian Kant scholarship, each stage corresponding to the demands of the historical situation.

Kant Studies in the Pre-War Period from the 1920s until the Beginning of the 1940s

In the period between the 1920s and the beginning of the 1940s interest in Kant's heritage was waning by comparison with the pre-revolutionary decades. Indeed, this was true of all Soviet philosophical thought, of which Kantian studies in the Belarusian republic² were one particular manifestation. Even so,

 $^{^2}$ См. об этом подробнее: (Круглов, 2020, с. 200; Мотрошилова, 1993, с. 50 — 51).

² For more on this see: (Kruglov, 2020, p. 200; Motroshilova, 1993, pp. 50-51).

мянуть о неоднократных обращениях к идеям немецкого философа со стороны ряда белорусских авторов. Речь идет в первую очередь о работах профессоров Белорусского государственного университета, который был образован в 1921 г. Это достаточно краткие изложения философии Канта, с которыми можно было ознакомиться в учебниках и очерках по диалектическому материализму, в популярных тогда «введениях в науку и философию». В эти годы появляется также ряд статей, посвященных сравнительному анализу взглядов Канта и других мыслителей — Лейбница, Гегеля, французских материалистов XVIII в., представителей широко распространенного в начале XX в. в Европе неокантианства, а также буржуазных идеологов тех лет. Разумеется, за редким исключением авторы такого рода работ твердо придерживались ленинских оценок философии Канта, которые вождь пролетариата представил в своем главном философском труде «Материализм и эмпириокритицизм». При этом творчество, к примеру, Г. В. Ф. Гегеля, особенно его диалектика, оценивалось в них гораздо выше кантовского. Хотя следует отметить, что сам Кант представал в этих работах все же в куда более выгодном свете по сравнению с его новейшими последователями-неокантианцами, особенно теми, деятельность которых была политически окрашена или связана с концепцией немарксистского «этического социализма».

Среди философов, анализировавших взгляды Канта в 1920-е гг., отметим профессоров БГУ В. Н. Ивановского (1867—1939), С. Я. Вольфсона (1894—1941) и Б. Э. Быховского (1901—1980). Так, Ивановский (с 1929 г. заместитель ректора БГУ) в работе «Методологическое введение в науку и философию» (1923) демонстрирует еще некоторую свободу от идеологических клише тех лет, придерживаясь объективного научного анализа теории познания и методологии немецкого мыслителя, органично вписывая его идеи в развитие европейской науки и философии. Он детально освещает вклад Канта в область исследования человеческого разума, сравнивая и

some Belarusian authors repeatedly turned to the German philosopher's ideas. I am referring above all to the works of the professors at the Belarusian State University, founded in 1921. These took the form of brief summaries of Kant's philosophy in textbooks and essays on dialectical materialism and the then popular "introductions to science and philosophy." Those years also saw the publication of several articles devoted to a comparative analysis of the views of Kant and other thinkers — Leibniz, Hegel, the French eighteenth-century materialists, representatives of Neo-Kantianism which was widespread in Europe in the early twentieth century, as well as bourgeois ideologists of the time. Needless to say, these authors, with rare exceptions, were staunch adherents of Lenin's assessments of Kant's philosophy which the leader of the proletariat set forth in his main philosophical work, Materialism and Empirio-Criticism. Incidentally, Hegel, especially his dialectics, was rated much higher than Kant. Even so, Kant in these works was presented in a much more favourable light than the latest Neo-Kantians, especially those whose views were politically tinged or associated with the concept of non-Marxist "ethical socialism."

Among the philosophers who studied Kant in the early 1920s mentioned should be made of Belarusian State University professors Vladimir N. Ivanovsky (1867–1939), Semyon Ya. Volfson (1894–1941) and Bernard E. Bykhovsky (1901–1980). Thus, Ivanovsky (deputy rector of BSU since 1929), in his *Methodological Introduction to Science and Philosophy* (1923) still exhibits a measure of freedom from the ideological clichés of those years, providing an objective scientific analysis of the German thinker's theory of cognition and methodological

ставя его гораздо выше Д. Юма и сенсуализма английской школы. Он считает, что Кант «передвинул центр гносеологических исследований о происхождении познания с психологических вопросов на логическую проблему состава и строя науки как безличного, достоверного и общеобязательного, систематического целого» (Ивановский, 1923, с. 124). К недостаткам его учения Ивановский относит использование «старого и плохо передающего смысл» понятия априорное, а также то, что Канта больше интересовала все же не сама реальность, а наука. Ну и, конечно, определенное внимание при анализе его философии не могло не быть уделено и «неясной», по словам Ивановского, «вещи в себе», которой Кант «злоупотреблял» (Там же, с. 125). Автор увидел в ней «бледный остаток старой идеи субстанции как чего-то отличного от "качеств" и лежащего в основе единства и тождества вещи и идеи, имевшей такое большое значение у Аристотеля». Ивановский оценивает и последователей философии Канта в Германии, полагая, что это была «реакция против его основных идей, "диалектический" поворот», когда «идея критики познания, давшая такие большие результаты в течение XVIII в., временно как бы изжита и центральное внимание переносится на другие проблемы - биологические, общественные, исторические науки» (Там же).

Характеризуя 20-е, а затем и 30-е гг. в контексте интересующей нас темы, трудно отыскать специальные труды, которые были бы посвящены собственно философии Канта, даже учитывая, что 1924 год был юбилейным, когда отмечалось 200-летие со дня его рождения. В какой-то мере это можно объяснить и тем, что вследствие фашистской оккупации территории Белоруссии ряд текстов был просто утерян. Среди работ тех лет, которые все же удалось отыскать в фондах библиотек, следует упомянуть труды С. Я. Вольфсона – декана факультета права и хозяйства БГУ, академика, а с 1931 по 1938 г. директора Института философии и права АН БССР. В опубликованном им курсе лекций «Диалектический матеgy as an organic part of European science and philosophy. He offers a detailed description of Kant's contribution to the study of human reason, comparing him to Hume and rating him much higher than Hume and English sensualism. He believes that Kant "has shifted the focus of epistemological studies on the origin of cognition from psychological issues to the problem of the composition and structure of science as an impersonal, authentic and universally obligatory systemic whole" (Ivanosky, 1923, p. 124). Ivanovsky is critical, though, of Kant's use of the concept of a priori which he considers to be "old and failing to convey the meaning" and the fact that Kant was, at the end of the day, more interested not in reality but in science. And, of course, he was bound to pay attention to the "thing-in-itself," a notion which Ivanovsky described as "unclear" and which he thought Kant "abused" (ibid., p. 125). He saw it as "a pale vestige of the old idea of substance as something different from 'properties' underlying the unity and identity of thing and idea, which was so important for Aristotle". Ivanovsky gives his assessment of Kant's followers in Germany, arguing that it was "a reaction against his basic ideas", "a dialectical turn" when "the idea of a critique of knowledge that yielded such spectacular results in the eighteenth century temporarily outlived itself, as it were, and the focus of attention shifted to other problems - biological, social and historical sciences" (ibid.)

Characterising the 1920s and then the 1930s in the context of our topic, it is hard to find any works expressly devoted to Kant's philosophy, even despite the fact that 1924 saw the 200th anniversary of Kant's birth. Part of the reason for this may be that some texts had simply been lost during the Nazi occupation of Byelorussia. Among the works of the time

риализм» (1923) Вольфсон подробно описывает европейскую историю XVIII в., уделяет определенное внимание французскому материализму и Канту, считая последнего символом «двойственной истины», а его «Критику чистого разума» - «книгой, проникнутой противорелигиозными тенденциями» (Вольфсон, 1923, с. 71). Однако в то же самое время он полагает, что «Критика практического разума» представляет собой «шаг назад» в эволюции философа. Установив различие между теоретическим и практическим разумом, Кант, по словам Вольфсона, «воскресил труп деизма, незадолго пред тем убитого теоретическим разумом» (Там же, с. 72). Вывод, к которому приходит автор, заключается в утверждении превосходства «даже самых умеренных из французских материалистов» перед Кантом, ибо они «штурмовали небо с гораздо большей силой, нежели Кант» (Там же). В завершение автор критикует всю идеалистическую философию, ссылаясь на кантовские вещь в себе и агностицизм, лишающие человека возможности познать мир.

В 1935 г. Вольфсон напишет еще одну работу, в которой так или иначе затронет некоторые аспекты философии Канта, - «Культура и идеология загнивающего капитализма». Это было уже другое время, когда философам приходилось резко критиковать «идеологов умирающего капитализма», писать о так называемой «фашизации буржуазной науки и идеологии» в качестве основной тенденции ее «загнивания». Характеризуя «фашиствующих философов, пытающихся модернизировать многие отжившие, заплесневелые идеи давно прошедших времен», Вольфсон упоминает имена Канта, Гегеля и Фихте. Но он полагает, что современные идеологи «вылущивают все имеющееся в их учении наиболее реакционное». Называя их «великими философами молодой восходящей буржуазии», а современных буржуазных авторов не более чем «философствующими эпигонами умирающего капитализма», он все же отыскивает у Канта реакционные элементы, за которые «хватаются» и используют в

that have eventually been found in library stocks, were the works of Academician Wolfson, Dean of the BSU Faculty of Law and Economics and between 1931 and 1938 Director of the BSSR Academy of Sciences' Institute of Philosophy and Law. In his published "Course of Lectures on Dialectical Materialism" (1923) Wolfson gives a detailed account of European history in the eighteenth century and devotes some space to French materialism and Kant, describing the latter as the last symbol "of dual truth" and his Critique of Pure Reason as "a book permeated with anti-religious tendencies" (Wolfson, 1923, p. 71). At the same time, he considers the *Critique of Pure Reason* to be "a step back" in the philosopher's evolution. In establishing the difference between theoretical and practical reason, Kant, he argues, "has revived the corpse of deism shortly after it was killed by theoretical reason" (ibid., p. 72). The author arrives at the conclusion that "even the most moderate of French materialists" were superior to Kant because "they stormed the sky with far greater force than Kant" (ibid.) In conclusion the author inveighs against all idealistic philosophy, citing Kant's thing-in-itself and agnosticism which prevents humans from cognising the world.

In 1935 Wolfson wrote another work in which he touched upon some aspects of Kant's philosophy, *The Culture and Ideology of Decaying Capitalism*. Times had changed and philosophers were expected to castigate "the ideologists of moribund capitalism," write about "Fascisation of bourgeois science and ideology" as the main tendency of its "decay". Characterising "fascist-leaning philosophers who try to modernise many outdated, mouldy ideas of bygone times," Wolfson mentions Kant, Hegel and Fichte. But he believes that contemporary ideologists "ferret out from

своих целях представители новейшей философии (Вольфсон, 1935, с. 31).

Белорусским автором, сравнительно много и часто писавшим в те годы о Канте, был еще один профессор БГУ — Б. Э. Быховский. Кроме обязательных тогда учебников по диалектическому и историческому материализму он оставил большой корпус работ по истории западноевропейской философии, с отдельными из которых, как, например, его работами о А. Шопенгауэре и С. Кьеркегоре, и сегодня работают студенты-философы. Кстати, в этих двух небольших по формату книгах из серии «Мыслители прошлого» он сравнительно много места уделяет исследованию идей Канта как важного истока философии Шопенгауэра, а также проводит параллели между Кантом и Кьеркегором в понимании религии и этики. Однако это будет уже в 1970-е гг. Пока же, в описываемые нами предвоенные десятилетия, Быховский стал автором одного из первых советских учебников по философии - «Очерк философии диалектического материализма» (1930), который выдержал несколько изданий. В настоящее время в Национальной библиотеке Беларуси можно ознакомиться с этой книгой, изданной в том числе на белорусском языке. Довольно большой раздел «Так называемый критицизм» был специально посвящен философии Канта (Быховский, 1930).

Автор пособия сразу предупреждает читателя, что он предлагает только схематичное изложение, «короткий очерк учения» Канта. Но при этом он не только пересказывает, но также анализирует основополагающие идеи немецкого философа и дает им оценку. Так, Быховский полагает, что Кант «развязывает» в своем учении всего один вопрос — об отношениях субъекта и объекта, я и не-я, идеалистически решая основной вопрос философии (Быховский, 1930, с. 64). Упоминая, что в «Критике чистого разума» Кант резко критиковал Беркли и еще резче — любой идеализм, Быховский подчеркивает, что это дало основания некоторым авторам не считать его ни идеалистом, ни материалистом, а

their teaching all the most reactionary things". Referring to them as "the great philosophers of the young rising bourgeoisie" and contemporary bourgeois authors as merely "philosophising epigones of moribund capitalism" he still finds some reactionary elements in Kant which contemporary philosophers "latch on to" and use for their own purposes (Wolfson, 1935, p. 31).

Another author who wrote frequently and at length about Kant in those years was BSU professor Bykhovsky. In addition to the mandatory writing of textbooks on dialectical and historical materialism, he left a large body of works on the history of Western European philosophy, some of which, e.g. his works on Schopenhauer and Kierkegaard, are still used by philosophy students. Incidentally, these two short books in the "Thinkers of the Past" series devote considerable space to the ideas of Kant as an important source of Schopenhauer's philosophy and draw parallels between Kant and Kierkegaard in their interpretation of religion and ethics. However, that would be later, in the 1970s. In the meantime we are still in the 1920s and 1930s when Bykhovsky wrote one of the first Soviet philosophy textbooks, An Outline of the Philosophy of Dialectical Materialism (1930), which went through several editions. The book, published also in Byelorussian, is available at the national library of Belarus. A large section of the book, "So-Called Criticism", is devoted to Kant's philosophy (Bykhovsky, 1930).

Immediately, the author warns the reader that he offers only a "bare bones" rendering, "a brief summary" of Kant's teaching. In fact, he not only summarises but analyses the German philosopher's views and assesses them. Bykhovsky argues that Kant in his teaching "untangles" only one issue, the relationship between subject and object, "I" and "not I", resolving the fundamental question of philosophy in an

полагать, что он стоит над обеими односторонностями. Однако автор книги ставит вопрос: так ли это? Решается он вполне в духе ленинских указаний. Быховский пишет, что ни одно учение не концентрируется так на гносеологической проблематике, как критицизм, анализирующий разум и человеческие способности, его возможности, структуры и особенности. Излагая далее основные положения теории познания Канта, исследователь справедливо акцентирует первостепенность роли субъекта в ней. Однако таким образом Кант, по словам автора, «опустошает объект», уменьшает его роль в познании и превращает субъекта в единственного законодателя и творца знания. Быховский не видит при этом существенного различия между взглядами Канта и так называемым феноменализмом, который описывается им в предыдущей главе пособия. Это связано с кантовской трактовкой вещи в себе, которая провозглашается немецким философом непознаваемой и недоступной субъекту. По мнению Быховского, речь не идет о каком-либо дуалистическом равенстве субъекта и объекта. Дуализм оборачивается идеализмом, так как только субъект творит мир науки, а объект играет исключительно служебную роль; материя при этом становится не более чем творением духа, а изучение природы сводится к изучению познания.

Но главную ошибку Канта Быховский видит в признании непознаваемости мира, отрыве знания от объективной реальности и его субъективизации с помощью категорий рассудка (Быховский, 1930, с. 73). Он обращает внимание на внутреннюю противоречивость и непоследовательность критицизма, критикует его за отрыв содержания от формы, вещей от их связей. Отмечает он и несогласованность признания существования объективной реальности с принципиальным отказом ее познаваемости.

Оценивая такого рода критику, следует заметить, что все эти обвинения в адрес Канта уже не раз фигурировали в работах его западноевропейских оппонентов, включая и современников философа. Неоднократно отмечал-

idealistic manner (ibid., p. 64). Noting that Kant in the Critique of Pure Reason inveighs against Berkeley and even more heavily against any idealism, Bykhovsky stresses that this prompted some authors to consider him neither an idealist nor a materialist but someone who stands above both extremes. Is this really so? he asks. He proceeds to resolve the question very much in the Leninist way. Bykhovsky points out that no teaching is so focused on epistemological problems as criticism, which analyses reason and human potential, capacities, structures and peculiarities. Summarising the main provisions of Kant's theory of cognition, he rightly stresses the primary role of the subject in it. However, in this way, the author argues, Kant "drains the object of its substance", diminishes its role in cognition and turns the subject into the sole law-maker and creator of knowledge. Bykhovsky sees no essential difference between Kant's views and phenomenalism which he describes in the previous chapter. He associates this with Kant's interpretation of the thing-initself which Kant declares to be unknowable and inaccessible for the subject. In Bykhovsky's opinion, this has nothing to do with a dualistic parity between subject and object. Dualism turns out to be idealism because only the subject creates the world of science while the object plays strictly an auxiliary role; matter becomes merely the creation of the spirit and the study of nature is reduced to the study of cognition. However, the author sees Kant's main mistake in his claim that the world is unknowable, the separation of knowledge from objective reality and its subjectivation through the categories of reason (ibid., p. 73). Bykhovsky notes the inherent contradictions and inconsistency of criticism and criticises it for separating content from form and things from their interconnections. He also notes the discrepancy between recognition of objective reality and flat rejection of its knowability.

ся неисторический подход Канта к трактовке субъекта и человеческого мышления, о чем пишет и Быховский. Правоту своих аргументов по этому поводу он обосновывает при помощи многочисленных ссылок на результаты исследования ряда современных ему наук - индивидуальной психологии, психологии народов и т.п., отвергающих априорность как понятий, так и соответствующих форм чувственности, а также показывающих их возникновение и формирование в детском возрасте. Эту критику кантовского учения характеризует стремление в духе тогдашней идеологии утвердить его в качестве «непоследовательного и эклектичного» идеализма, продемонстрировать, что немецкий философ не превзошел односторонность материализма и идеализма. Не удалось превозмочь Канту, считает Быховский, и крайности эмпиризма и рационализма, так как он ограничил сферу науки лишь областью явлений и субъективным миром (Быховский, 1930, с. 79). Такого рода синтез привел лишь к потере настоящего объекта науки, отрыву сознания и разума от материального мира. Вывод белорусского автора заключается в утверждении, что достичь подлинного соединения знаний с теоретическим мышлением на основе познания объективной реальности смогут лишь учения, которые сменяют критический идеализм, неспособный выполнить свои задачи (Там же). Имеется в виду Гегель, которого Быховский ставит куда выше Канта, так как первый сумел, по его мнению, сохранить объективную реальность мира, обосновать объективность знания и показать, что мир существует независимо от нашего познания и он познаваем.

В 1933 г. в книге с характерным для того времени названием «Враги и фальсификаторы марксизма» Быховский уже гораздо резче оценивает философию Канта, снабжая порой свои оценки не совсем благожелательными эпитетами. На наш взгляд, это вряд ли было обусловлено переменой во взглядах самого философа в отношении Канта и его учения. Скорее, речь идет о формировании более жестких офици-

Commenting on this critique, it has to be noted that all these charges against Kant have more than once been levelled by his Western European opponents, including Kant's contemporaries. Kant's unhistorical approach to the interpretation of the subject and human reason, noted by Bykhovsky, has frequently been mentioned. He makes his case by citing numerous examples of research in contemporary sciences: individual psychology, the psychology of peoples etc., which reject the a priori nature of concepts and corresponding forms of sensibility, as well as research showing that these arise and are formed in childhood. This critique of Kant's teaching reveals the desire, in the spirit of the ideology of the time, to declare it to be "inconsistent and eclectic idealism" and to demonstrate that the German philosopher failed to overcome the one-sidedness of materialism and idealism. Nor has Kant overcome the extremes of empiricism and rationalism because he confined the sphere of science to the domain of phenomena and the subjective world (ibid., p. 79). This kind of synthesis resulted only in the loss of the real object of science, the divorce of consciousness and reason from the material world. The Belarusian author concludes that a genuine marriage of knowledge with theoretical thinking on the basis of cognition of objective reality can only be effected by the doctrines which succeed critical idealism which is not up to its tasks (ibid.). Bykhovsky is referring to Hegel whom he puts far above Kant because the former, he believes, has managed to preserve the objective reality of the world, ground the objectivity of knowledge and show that the world exists independently from our cognition and that it is cognisable.

In a 1933 book under the tell-tale title *The Enemies and Falsifiers of Marxism* Bykhovsky delivers a much more trenchant assessment

альных установок по отношению к любой немарксистской философии, предопределенных чисто идеологическими (а отнюдь уже не философскими) задачами, стоявшими перед авторами тех лет. Так, Быховский обращается к немецкому мыслителю в связи с критикой в адрес его эпигонов в лице примкнувшего к неокантианству австрийского философа, теоретика так называемого австромарксизма М. Адлера. Тот пытался объединить кантианство с марксизмом путем дополнения последнего этикой Канта и логико-методологического обоснования марксистской социологии с помощью кантовского критицизма, что для тех времен в СССР считалось абсолютно недопустимым и идеологически вредным. Быховский отмечает, что в своих попытках «воскресить взгляды Канта» Адлер демонстрирует «попятное движение». Он пытается разоблачить и других эпигонов, которые утверждали, что Канту удалось встать «выше» обоих основных направлений в философии, занять философскую позицию, находящуюся по ту сторону материализма и идеализма (Быховский, 1933, с. 37). При этом, по словам автора, они опираются на «эклектичность, межеумочность его позиции», которая на деле есть не более чем примирение и компромисс. По Быховскому, у Канта доминирует именно идеалистическая сторона, так как он утверждает вторичность, зависимость мира, природы, объекта, материи по отношению к субъекту, мышлению, а сама материя предстает у него лишь явлением, не существующим вне нашей чувственности. И хотя главным вопросом кантовской философии является вопрос о том, как возможно познание, а не основной вопрос философии, он, по Быховскому, не может миновать вопроса об отношении мышления к бытию. И далее автор пытается доказать, что центральная проблема критицизма так или иначе пересекается с одной из возможных формулировок основного вопроса философии, а именно: как относится наше мышление к окружающему миру. Вывод повторяет ленинскую оценку - «он и идеалист и материалист одновременно, половинча-

of Kant's philosophy, using sometimes rather unfriendly epithets. I do not believe that this should be attributed to a change in his own views on Kant and his teaching. Most probably it has to do with the increasingly intolerant official attitude to any non-Marxist philosophy, determined by purely ideological and not philosophical tasks facing the authors at the time. Thus, Bykhovsky turns to Kant in connection with the criticism of his epigones in the person of Austrian philosopher and advocate of Austromarxism, Max Adler. He tried to combine Kantianism with Marxism by supplementing the latter with Kantian ethics and a logical-methodological justification of Marxist sociology using Kantian criticism, an approach considered in the USSR of the time to be absolutely inadmissible and ideologically harmful. Bykhovsky notes that in his attempts to "resurrect Kant's ideas" Adler was "moving backwards". He tries to expose other epigones who claimed that Kant managed to rise "above" the two main trends in philosophy and occupy a philosophical position beyond materialism and idealism (Bykhovsky, 1933, p. 37). They take advantage, Bykhosky believes, of the "eclectic, wishy-washy position" which, in fact, is no more than conciliation and compromise. According to Bykhovsky, Kant is predominantly an idealist insofar as he asserts that the world, nature, object and matter are secondary to the subject and to thinking. Matter itself becomes merely a phenomenon that does not exist outside our sensibility. Although the main question of his philosophy is how cognition is possible, this is not the main question of philosophy as such, and he cannot, accordingto Bykhovsky, sidestep the question of the relation of thought to being. And he proceeds to argue that the central problem of criticism intersects in one way or another with one of the versions of the main question of philosophy, тен, колеблется, агностик и т. п.», что опять-таки свидетельствует о «межеумочности И. Канта» (Быховский, 1933, с. 40).

В начале 1940-х Быховский напишет небольшую книгу «Метод и система Гегеля» (1941), в которой несколько раз будет упомянут Кант, хотя в целом работа посвящена анализу вклада Гегеля в европейскую философию. Анализируя вопрос о познаваемости реального мира, о возможности объективного, истинного его познания, автор сравнивает взгляды двух немецких мыслителей, отводя Гегелю более значимое место в философии, так как тот «переносит в новую плоскость этот вопрос, приведший в тупик философское учение Канта, выводит его на широкий путь историзма» (Быховский, 1941, с. 11).

Краткие упоминания о Канте мы находим у Быховского в работе 1947 г. с также очень характерным для тех лет названием «Маразм современной буржуазной философии». Тем не менее место Канта здесь выгодно отличается от так называемых «современных мракобесов», которых, по словам автора, «уже не удовлетворяют Кант, Гегель, Милль, Спенсер... они ищут вдохновение в средневековых трактатах» (Быховский, 1947, с. 11). Уже в 1970-е гг., как отмечалось выше, Быховский напишет две книги в серии «Мыслители прошлого», в которых много места уделит философии Канта и которые отличаются совершенно иным, более взвешенным анализом взглядов немецкого мыслителя. Но это будет уже другая эпоха, для которой характерны другие оценки, хотя превалирующая роль ленинской критики философии Канта будет давать о себе знать вплоть до середины 1980-х гг. Если же кратко охарактеризовать белорусские рецепции кантианского наследия довоенных лет, то следует отметить относительную свободу исследований 1920-х гг. и пришедший затем им на смену жесткий идеологический контроль 1930-х, обусловленный известными историческими реалиями.

to wit: how does our thinking relate to the surrounding world? His conclusion regurgitates Lenin's view that "he is an idealist and a materialist at the same time, half-hearted, wavering, and agnostic" etc., which again attests to Kant's being "wishy-washy" (*ibid.*, p. 40).

In the early 1940s Bykhovsky wrote a short book, *Hegel's Method and System* (1941). Although it is devoted to Hegel's contribution to European philosophy, it refers to Kant several times. Looking at the question of the cognisability of the real world and the possibility of objective and true knowledge of it, the author compares the views of the two German thinkers, assigning to Hegel a more significant place in philosophy because he "transfers to a new level the issue which led Kant's teaching into a dead end, and puts it on the wide road of historicism" (Bykhovsky, 1941, p. 11).

We find brief references to Kant in Bykhovsky's 1947 book under another tell-tale title, The Degeneracy of Modern Bourgeois Philosophy. Nevertheless, Kant is given a more favourable place than the "modern obscurantists" who, the author writes, "are no longer happy with Kant, Hegel, Mill, Spencer [...], they draw inspiration from medieval treatises" (Bykhovsky, 1947, p. 11). In the 1970s, as noted above, Bykhovsky would write two books in the "Thinkers of the Past" series in which he devotes much space to Kant's philosophy and which offers a totally different, more balanced analysis of the German thinker's views. But that was a different era marked by different attitudes, although the prevalence of Lenin's critique of Kant's philosophy would last into the mid-1980s. To sum up the Belarusian reception of the Kantian heritage in the pre-war years, we should note the relative freedom of research in the 1920s which was replaced by the severe ideological control of the 1930s, caused by the well-known historical realities.

Кант в послевоенные годы (период хрущевской оттепели и 1970—1980-е гг.)

С началом Великой Отечественной войны Кант если и становится интересен, то только как один из представителей немецкой классической философии в целом. В 1943 г. в Москве выходит знаменитый третий том «Истории философии» под редакцией Г. В. Александрова (с 1955 по 1961 г. он работал в Минске заведующим сектором диалектического и исторического материализма Института философии и права АН БССР). Среди активных авторов и организаторов трехтомника был и упоминавшийся выше профессор Быховский, названный в постановлении ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.» (см.: О недостатках..., 1944) одним из виновников «неправильного» освещения классической философии, включая и учение Канта. Его и других авторов упрекали в объективизме, затушевывании консерватизма, отсутствии критики реакционности социально-политических идей и т.п., хотя в большей мере эти упреки относились к изложению философии Гегеля и Шеллинга. Один из ведущих российских кантоведов А. Н. Круглов в статье, посвященной дискуссиям о Канте во время Великой Отечественной войны, подробно описал, как в этих условиях советские философы вели споры о роли кантовской философии в «становлении германского национал-социализма и его агрессивной внешней политики» (Круглов, 2020, с. 192).

В послевоенные годы процесс развития исследований философии Канта в Беларуси был также крайне замедленным. И только в годы хрущевской оттепели наблюдается общее оживление интереса к его наследию в республике, как, впрочем, и в СССР в целом. Белорусский читатель знакомится с издаваемыми в Москве Сочинениями Канта в шести томах, работами В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, М. К. Мамарда-

Kant in the Post-War Years: The Khruschev "Thaw" Period and the 1970s and 1980s

With the start of the Great Patriotic War (World War II) Kant became interesting, if at all, as a representative of classical German philosophy as a whole. In 1943 the famous third volume of The History of Philosophy, edited by Georgij V. Alexandrov (between 1955 and 1961 he would work in Minsk as head of the sector of dialectical and historical materialism at the Belarusian Academy of Sciences' Institute of Philosophy and Law), came out in Moscow. One of the active contributors to, and organisers of, the three-volume collection of articles was the above-mentioned Professor Bykhovsky who was named in the Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (1944) "On the Shortcomings and Errors in Presenting the History of German Philosophy in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries" as one of the culprits of the "wrong" coverage of classical philosophy, including Kant's doctrine. Bykhovsky and other authors were reproached for objectivism, blurring of conservatism, lack of criticism of the reactionary socio-political ideas etc. of those German philosophers, although these charges would be directed more against Hegel and Schelling. One of the leading Russian Kant scholars, Aleksey N. Kruglov (2020, p. 192), in an article devoted to discussions about Kant during the Great Patriotic War gave a detailed account of how in that situation Soviet philosophers were conducting debates on the role of Kantian philosophy in "the emergence of German National-Socialism and its aggressive foreign policy".

In the post-war years the development of Kant studies in Belarus was also very slow. It was not until the Khruschev "Thaw" that overall interest in his legacy quickened in the reшвили, Н. В. Мотрошиловой, Т. И. Ойзермана, Э.Ю. Соловьева и др. С середины 1960-х гг. на философском отделении БГУ начинают читать большой курс «Немецкая классическая философия», в рамках которого в соответствующем времени ключе излагаются и основные идеи Канта. Впрочем, о росте уровня или хотя бы о появлении серьезных исследовательских публикаций, посвященных философии немецкого мыслителя, в республике, особенно в 1970-е гг., говорить не приходится; в лучшем случае это были отдельные работы, приуроченные к памятным кантовским датам. Так, к 250-летию со дня рождения философа в главном партийном журнале страны «Коммунист» выходит юбилейная статья А.С. Карлюка «Предшественник марксистской философии» (1974). Ее автор, опять же в духе риторики тех лет, отмечает, с одной стороны, «значительный след», оставленный немецким философом в духовном развитии человечества, пишет о нем как об одном из родоначальников классической немецкой философии — теоретического источника марксизма, а также о его «глубоких диалектических идеях в докритический период творчества». А с другой - критический период кантовской философии характеризируется как «эклектичный и непоследовательный, примиряющий материализм и идеализм». Карлюк высказывает ряд критических замечаний в адрес Канта, отмечая его неспособность решить поставленные проблемы, дать философское обоснование всеобщности и необходимости математики и теоретического естествознания, игнорирование им исторической и классовой обусловленности норм морали, утопичность вечного мира, неспособность подняться до понимания антагонизма классов и их борьбы и т. п. Правда, заканчивается статья своего рода панегириком в адрес Канта, без которого, по словам автора, не было бы Фихте, Шеллинга, Гегеля, Маркса и Энгельса, преодолевших недостатки классической немецкой философии, отбросивших ее идеологические наслоения и впитавших прогрессивные идеи Канта.

public and indeed across the whole USSR. The Belarusian reader becomes acquainted with the six-volume Works of Kant, published in Moscow, with the works of Valentin F. Asmus, Arseniy V. Gulyga, Merab K. Mamardashvili, Nelly V. Motroshilova, Teodor I. Oizerman, Erikh Yu. Solovyov and others. From the mid-1960s the BSU philosophical department introduced a major course of lectures on "German Classical Philosophy" which treated Kant's ideas in line with the prevailing trends of the time. Still, there were no grounds for talking about a growth or even the existence of serious research publications devoted to Kant in the republic, certainly not in the 1970s. At best there were isolated works, timed for Kant anniversaries. Thus, to mark the 250th birthday anniversary of Kant, Kommunist, the country's flagship party journal, carried a jubilee article by Anatolij S. Karlyuk titled "Forerunner of Marxist Philosophy" (1974). Its author, again deploying the rhetoric of the time, notes, on the one hand, that Kant "had left a significant mark" in mankind's spiritual development and describes him as one of the founders of classical German philosophy, the theoretical source of Marxism and notes the "profound dialectical ideas in the pre-critical period of his work". But, on the other hand. he describes the critical period of Kant's philosophy as "eclectic and inconsistent, reconciling materialism and idealism". Karlyuk makes some critical remarks about Kant, noting his failure to solve the problems raised, to philosophically explain the universality and necessity of mathematics and theoretical natural studies, his ignoring of historical and class sources of moral norms, the utopianism of the perpetual peace idea, the inability to understand the antagonism of classes and their struggle etc. True, the article ends with a panegyric to Kant without whom, the author writes, there would have been no Schelling, Hegel Marx and Engels, who overcame the shortcomings of classical German philosophy, cast aside its ideological accretions and assimilated Kant's progressive ideas.

Среди такого рода юбилейных работ выделяется статья профессора БГУ А.С. Клевчени «Философские идеи Канта в Белоруссии» (Клевченя, 1981), посвященная 200-летию выхода в свет «Критики чистого разума». Отмечая противоречивость философии Канта, автор в то же время полагает, что она уже с конца XVIII в. нашла благоприятную социальную и идейную почву в Белоруссии, где социально-экономическое развитие осуществлялось в острой идеологической борьбе против феодализма и религии. Далее в статье показывается, как идеи немецкого философа интерпретировались виднейшими белорусскими мыслителями XIX в., являвшимися в основном представителями двух высших учебных заведений, действовавших тогда на территории страны, - Виленского университета и Полоцкой иезуитской академии. Автор кратко воспроизводит суть развернувшейся вокруг учения Канта полемики (по вопросам гносеологии, этики и социальной философии), которая в определенной мере способствовала развитию либеральных идей и ослаблению влияния теологии на территории тогдашней Белоруссии.

И все же применительно к развитию белорусской мысли 1970—1980-х гг. вряд ли можно утверждать о наличии серьезного исследовательского интереса к наследию немецкого философа и уж тем более говорить о достижении подлинно научных результатов в деле его осмысления.

Исследования постсоветского периода

Только с началом Перестройки, когда возникает настоятельная потребность в новом «прочтении» классической западной философии, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в республике существенно возрастает внимание к идеям Канта. Одним из основных векторов исследований белорусских авторов становится проблема активности субъекта познания в философии Канта и у представителей немецкого

Contrasting strongly with such jubilee works is the article "Philosophical Ideas of Kant in Belarus" by BSU professor Aleksandr S. Klevchenya (1981), devoted to the 200th anniversary of the publication of the Critique of Pure Reason. Noting the controversial nature of Kant's philosophy, the author writes that it fell on fertile social and intellectual soil in Belarus which, beginning from the late eighteenth century, was an arena of fierce ideological struggle against feudalism and religion. The article then proceeds to give an account of how the German philosopher's ideas were interpreted by the prominent Belarusian thinkers in the nineteenth century, who were mainly representatives of two higher educational institutions, operating at that time in the country — Vilnius University and the Jesuit Academy in Polotsk. The author briefly reproduces the issues of the polemics which developed around Kant's doctrine on the theory of cognition, ethics and social philosophy, which to a certain extent contributed to the development of liberal ideas and weakened the influence of theology in what was then Belarus.

To sum up, it can hardly be said that this period in the development of Belarusian thought was marked by serious interest in the German philosopher's heritage, let alone by significant results in assimilating it.

Research in the Post-Soviet Period

It was not until the start of Perestroika, when an urgent need arose for a new "reading" of classical Western philosophy in the late 1980s and early 1990s that interest in Kant's ideas markedly increased. One of the key directions of research for Belarusian authors became the problem of the activity of the subject of cognition in Kant's philosophy and among

Просвещения в целом. Исследуется также тесно связанное с ней понятие трансцендентального как способа обоснования активной природы субъекта; анализируется специфика кантовского решения данной проблемы, связь его интерпретации субъекта познания с гносеологическими установками немецких философов-просветителей и в то же время выявляется специфика кантовской мысли по сравнению с просветительской традицией (Грудницкий, 1986). Данной проблематике, но уже в более расширенном формате, была посвящена и вышедшая на белорусском языке монография того же автора (Грудніцкі, 2006).

Исследование проблемы активности субъекта продолжается и конкретизируется далее на основе рассмотрения метафизических истолкований пространства и времени. При этом определенное внимание уделяется анализу активности чистых форм чувственного созерцания, вещи в себе, явления и ноумена в их взаимосвязи с учением об априорности чувственных форм (Казарян, 1990).

Повышенный интерес к анализу такого рода проблематики был во многом обусловлен новыми задачами, которые поставило в тот период перед обществоведами политическое руководство страны. Речь шла о важности осмысления глубинных механизмов творчески активной человеческой деятельности. Неслучайно еще одним вектором кантоведческих исследований белорусских философов становится вопрос о сущности и роли идей в познании и практике. Это также отвечало задачам того времени, намечавшимся грандиозным изменениям в жизни страны – повышению роли субъективного фактора, активизации деятельностного подхода к определению субъекта как практического преобразователя социальной действительности. Предпринимаются попытки выявить глубинные теоретические истоки такого деятельностного анализа мышления и становления диалектико-материалистического понимания логики в немецкой классической философии. С этой целью исследуется логическое, раthe representatives of German Enlightenment as a whole. The closely related concept of the transcendental as a way of asserting the active role of the subject is explored; the peculiarities of Kant's solution of the problem and the link between his interpretation of the subject of cognition and the epistemological principles of German Enlightenment philosophers is analysed and, at the same time, the differences of Kant's thought from the Enlightenment tradition are noted (Grudnitsky, 1986). The same author presented an extended treatment of the problem in a monograph published in the Belarusian language (Grudnitsky, 2006).

The problem of the active subject was elaborated on the basis of metaphysical interpretations of space and time. Attention was paid to the analysis of the activity of pure forms of sensible intuition, the thing-in-itself, phenomenon and noumenon and their interconnection with the teaching on *a priori* forms of sensibility (Kazaryan, 1990).

The heightened interest in the above problems is largely attributable to the new tasks the country's political leadership set before social scientists. It was important to understand the inner mechanisms of creative human activity. It is no accident that the issue of the essence and role of ideas in cognition and practice became one more area of Belarusian scholars' research. This met the challenges of the time and the expected grandiose changes in the country's life, i.e. the growing role of the subjective factor, activity-related approach to the determination of the subject as a practical transformer of social reality. Attempts are being made to reveal the theoretical sources of such activity-related analysis of thought and the emergence of a dialectical-materialistic interpretation of logic in German classical philosophy. To this end a study has been undertaken of the logical, rational, objective and true content of the notion of "idea" with Kant and Hegel as representatives of two poles of German classical idealциональное, объективное и истинностное содержание понятия «идея» у Канта и Гегеля как представителей двух полюсов немецкого классического идеализма, выясняются те положения этих учений, которые делают возможным переход от одного к другому. Было предложено также понимание идеи как формы самой действительности, содержанием которой является сущность человеческой деятельности, преобразующей эту действительность, — и одновременно как формы деятельности, содержанием которой является сущность действительности, то есть объективная истина (Семенов, 1987).

Начиная с 1997 г. на белорусский язык переводится ряд произведений Канта. Одним из первых был переведен его трактат «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?». В последующие годы на белорусском языке были опубликованы «Пролегомены ко всякой будущей метафизике» (Кант, 2006), а также фрагменты из «Критики способности суждения». В 1998 г. в Минске выходит в свет первое издание «Новейшего философского словаря» под редакцией А. А. Грицанова, в котором большое место занял корпус статей, посвященных собственно Канту и основным разделам и понятиям его философии. В этой публикации впервые в Беларуси был пересмотрен ряд традиционных идеологических стереотипов и подходов к изложению главных идей мыслителя, показана суть неокантианских рецепций его философского наследия, в том числе в России и Беларуси.

В 1999 г. в связи с 275-летием со дня рождения философа впервые в Беларуси состоялись посвященные его творчеству XV Международные чтения на тему «Великие преобразователи естествознания: Иммануил Кант». Опубликованные тезисы докладов показали широчайший охват тематики кантовского наследия (Великие преобразователи..., 1999).

В 2000-е гг. белорусские исследователи продолжали обращаться к творчеству Канта в контексте гносеологической тематики. Так, в 2001 г. была опубликована книга профессора Н. В. Рожина «Проблема объективной достоверности

ism, and the provisions of their teachings that make it possible to move from one to the other are clarified. The idea was defined as a form of reality whose content is the essence of human activity that transforms reality and at the same time as a form of activity whose content is the essence of reality, i. e. the objective truth (Semyonov, 1987).

Beginning from 1997, several of Kant's works were translated into Belarusian. One of the earliest translations was the treatise An Answer to the Question: What Is Enlightenment? The years that followed saw the publication of Belarusian translations of the *Prolegomena to Any* Future Metaphysics (Kant, 2006), and fragments of the Critique of Judgement. In 1998 the first edition of The New Philosophical Dictionary, edited by Aleksandr A. Gritsanov, was published in Minsk, which contained a large body of articles devoted to Kant and the main elements and concepts of his philosophy. This publication, for the first time in Belarus, cleared away some traditional ideological clichés and approaches to the presentation of the thinker's main ideas, explained the essence of the Neo-Kantian reception of his philosophical heritage, including in Russia and Belarus.

In 1999, which marked Kant's 275th birthday, Belarus for the first time hosted the 15th International Readings on "Great Transformers of Natural Science: Immanuel Kant". The published summaries of speakers' papers demonstrated the broad sweep of Kant's heritage (Aporovich, 2006).

In the 2000s Belarusian scholars continued to invoke Kant in the context of epistemology. Thus, 2001 saw the publication of Professor Nikolaj V. Rozhin's book *The Problem of Objective Veracity of Knowledge in European Philosophy (from Descartes to Wittgenstein)* which, in explaining the reasons why this problem arose, analyses, among other things, what the author calls the "Kantian" problem of objective reality of knowledge. Rozhin argues that Kant initiated

знания в европейской философии (от Р. Декарта до Л. Витгенштейна)», в которой в контексте выявления причин возникновения данной проблемы анализируется и «кантианская», как ее называет автор, проблема объективной достоверности знания. Рожин, в частности, полагает, что именно с Канта берет начало «новая» проблема объективности, переходящая затем в различные ее модификации, обусловленные философскими идеями У. Куайна и Л. Витгенштейна, творчество которых подробно рассматривается в книге (Рожин, 2001).

Еще одним интересным вектором исследований белорусских философов становится тщательная проработка понятийного аппарата традиции трансцендентально-критической философии. Так, в работах А. Н. Шумана такой подход осуществляется в контексте обоснования условий возможности рационального мышления, смены идеалов научной рациональности, а также дальнейшего развития идей трансцендентализма. Основное содержание его диссертации (2001) уже в более развернутом формате найдет отражение в монографии «Трансцендентальная философия». В ней автор дал концептуальную периодизацию основных содержательных блоков трансцендентальной философии в виде выделенных им трех исторически и идейно сменяющих друг друга моделей: классической, неклассической и постклассической. Он также показал преемственность в развитии данной философской традиции и эксплицировал специфическую форму философии, квалифицируемую как трансцендентальная (Шуман, 2002).

И все же особый всплеск интереса к творчеству великого немецкого мыслителя в Беларуси был инициирован объявлением ЮНЕСКО 2004 года годом Канта. Белорусские исследователи начали активно сотрудничать с Институтом Канта при Калининградском государственном университете на родине философа в Калининграде, преобразованным затем в структурное подразделение БФУ им. И. Канта — Академию Кантиану под научным руководством профессора Н. А. Дмитриевой.

the discussion of the "new" problem of objectivity which was later elaborated by Willard Quine and Ludwig Wittgenstein, whose work he examines in detail in his book (Rozhin, 2001).

Another interesting area of research pursued by Belarusian philosophers was a thorough review of the conceptual apparatus of the tradition of transcendental-critical philosophy. Thus, Andrej N. Schuman uses this approach to justify the conditions that make possible rational thought, change of ideals of scientific rationality and further development of the ideas of transcendentalism. The content of his dissertation (2001) would be elaborated in the monograph Transcendental Philosophy which offers a conceptual periodisation of the main substantive blocks of transcendental philosophy into three successive models: classical, non-classical and post-classical. He also demonstrated the continuity in the development of this philosophical tradition and explicated the distinct form of philosophy qualified as transcendentalism (Schuman, 2002).

And yet the biggest surge of interest in Kant's work in Belarus occurred when UNESCO declared 2004 the "Immanuel Kant Year". Belarusian philosophers began to actively cooperate with the Kant Institute at the Immanuel Kant Baltic Federal University in Kant's native Königsberg (now Kaliningrad), subsequently transformed into the *Academia Kantiana* under Professor Nina A. Dmitrieva.

A landmark in the intellectual life of the Republic of Belarus was the realisation in 2004 of an international conference co-hosted by the BSU Faculty of Philosophy and Social Sciences and the Belarus National Academy of Sciences' Institute of Philosophy with the support of the FRG Embassy and the Republic of Belarus National UNESCO Committee. The conference, "Kant's Philosophy and Contemporaneity", found great resonance in the country. Taking part in it were prominent scholars from Russia (M. N. Gromov, L. A. Kalinnikov, S. L. Ka-

Большим событием в интеллектуальной жизни Республики Беларусь стало проведение в юбилейном году международной научной конференции на факультете философии и социальных наук БГУ совместно с Институтом философии НАН РБ и при поддержке посольства ФРГ и Национального комитета РБ по делам ЮНЕСКО. Конференция по теме «Философия И. Канта и современность» вызвала большой резонанс в стране, стала событием в ее интеллектуальной жизни. В форуме приняли участие видные исследователи из России (М. Н. Громов, Л. А. Калинников, С. Л. Катречко, А.С. Колесников, А.Н. Круглов и др.), Германии (Е. Фикара), Польши (К. Баль, В. Сломский), Литвы (Д. Вилюнас), Латвии (И. Винамае) и Украины (М. Ю. Савельева, В. Л. Павлов и др.). Тематика докладов охватывала самые разные аспекты кантовского учения, актуальные не только для его времени, но и в наши дни. Были представлены результаты исследований белорусских философов, касающиеся влияния идей Канта на мысль Беларуси и восточнославянского региона в целом, связей немецкой и белорусской мысли и др. (см.: Философия И. Канта, 2005). В качестве своего рода девиза конференции можно было бы привести название доклада тогдашнего председателя Российского Кантовского общества Л. А. Калинникова на тему «Почему И. Кант является нашим современником?».

В 2000—2010-е гг. одним из важнейших векторов работы по осмыслению наследия Канта становится учебно-методическое обеспечение образовательного процесса, особенно применительно к решению задач по подготовке высокопрофессиональных кадров на факультете философии и социальных наук БГУ. Учитывая бурное развитие историко-философской науки как в России, так и за рубежом, белорусские исследователи и преподаватели ставили перед собой задачу обобщения новейших знаний в области современного кантоведения, выдвигающегося на самые передовые рубежи мировой философии. В свете этих достижений потре-

trechko, A.S. Kolesnikov, A.N. Krouglov and others), Germany (E. Ficara), Poland (K. Bal, V. Slomski), Lithuania (D. Viliunas), Latvia (I. Vinamaje) and Ukraine (M. Yu. Savelieva, V. L. Pavlov and others). The topics of speakers' papers spanned various aspects of Kant's teaching which were relevant not only for his time, but for today as well. The results of studies by Belarusian philosophers concerning the influence of Kant on thought in Belarus and the eastern Slavic region as a whole and the links between German and Belarusian thinkers etc. were presented (see: Zelenkov, Rumyantseva, Liahchylin and Novikov, 2005). The conference motto might well be the title of the paper by the then chairman of the Russian Kantian Society, Leonard A. Kalinnikov: "Why is Kant Our Contemporary?"

In the 2000s and 2010s one of the main areas of effort in interpreting Kant's legacy was the methodological support of the education process, especially with a view to training professional cadres at the BSU Faculty of Philosophy and Social Sciences. Considering the rapid development of historical-philosophical studies in and outside Russia, Belarusian researchers and teachers set themselves the task of generalising the latest knowledge in the field of modern Kantian studies, which are moving to the forefront of world philosophy. In the light of these achievements it was important to write not only fundamental scientific works, but also a new type of textbooks that take a broad view of the essence and significance of the teaching of Kant and his closest followers. Several works of this kind, published in this country, explain the content of the basic concepts of his philosophy, analyse his main works and recount the history of their creation. I would like to mention just some of them. As part of the scientific and methodological support of the study course "German Idealism of the Middle of the Eighteenth and the First Third of the Nineteenth Centuries" offered at the BSU

бовалось создание не только новых фундаментальных научных работ, но и учебных пособий нового типа, широко освещающих суть и значение учения Канта и его ближайших последователей. В стране выходит ряд такого рода публикаций, в которых раскрывается содержание основополагающих понятий кантовской философии, подробно анализируются главные труды, освещается история их создания. Упомяну лишь некоторые из них. С целью научно-методического обеспечения учебного курса «Немецкий идеализм середины XVIII - первой трети XIX в.», читаемого на факультете философии и социальных наук БГУ (103 аудиторных часа), и историко-философских спецкурсов для студентов-философов были выпущены пособия по немецкой трансцендентально-критической философии и немецкому идеализму, в которых большое место занимают разделы, посвященные философии Канта (Румянцева, 2004; 2008; 2015).

В эти же годы в работу по осмыслению кантианского наследия активно включаются представители молодого поколения белорусских философов, многие из которых, будучи еще магистрантами и аспирантами, прошли школу знаменитых Кантовских чтений в Калининграде. Среди них А. Ю. Дудчик, О. Л. Познякова, А. И. Бархатков, А. В. Ермолович и др., которые анализируют в своих статьях, диссертациях, монографиях различные аспекты учения немецкого мыслителя. Результаты этих работ активно используются сегодня молодыми преподавателями, в том числе и в учебном процессе. Так, О. Л. Познякова осуществила в своей монографии теоретическую реконструкцию философии истории Канта в единстве антропологических и социально-политических аспектов, выявив связь между универсальным характером природы человека и политико-правовыми процессами в обществе (Познякова, 2015).

Особый интерес представляют работы, посвященные осмыслению наследия Канта философами — выходцами из Беларуси. В диссертации и ряде статей А. И. Бархаткова, к примеру, выявляются сущность и ключевые аспекты Faculty of Philosophy and Social Sciences (103 class hours) and historical-philosophical special courses for philosophy students, textbooks have been issued on German transcendental-critical philosophy and German idealism, in which sections devoted to Kant's philosophy loom large (Rumyantseva, 2004; 2008; 2015).

In the same years, the work on the Kantian heritage was joined by a young group of Belarusian philosophers many of whom, while still undergraduate and post-graduate students, passed through the school of the now well-known Kantian Readings in Kaliningrad. Among them are Andrej Yu. Dudchik, Ol'ga L. Poznyakova, Anton I. Barchatkou, Arsenij V. Yermolovich and others, who in their articles, dissertations and monographs explore various aspects of the German thinker's teaching. The results of this work are being actively used by new teachers who integrate them into the teaching process. For example, Poznyakova (2015), in her monograph, theoretically reconstructs Kant's philosophy of history, combining anthropological and socio-political aspects and revealing the link between the universal character of human nature and political and legal processes in society.

Of particular interest are the works by philosophers of Belarusian extraction devoted to Kant's heritage. For example, Barchatkou, in his dissertation and a series of articles, reveals the essence and key aspects of the reception and interpretation of Kant's transcendental philosophy by Solomon Maimon (born in the village of Zhukov-Borok, now in Minsk region). The young scholar compares the treatment of the relationship between sensibility and reason in the works of Kant and Maimon, reconstructs Maimon's critique of the Kantian concept of the thing-in-itself, reveals the essence of his teaching on space and time compared to the Kantian ideas, explains Maimon's reinterpretation of the Kantian theory of analytical judgements and determines the place of the native of Beрецепции и интерпретации трансцендентальной философии Канта в творчестве С. Маймона, – уроженца деревни Жуков-Борок (сегодня Минская область). Молодой исследователь показал специфику трактовки соотношения чувственности и рассудка в работах Канта и Маймона, реконструировал особенности критики Маймоном кантовского понятия вещи в себе, выявил сущность его учения о пространстве и времени в сравнении с кантовскими представлениями, эксплицировал суть переосмысления Маймоном кантовской теории аналитических суждений, а также показал место и значение уроженца Беларуси в истории европейской философии (Бархатков, 2015). Позднее, в 2018 г., под общей редакцией Бархаткова и с его большой вступительной статьей на белорусском языке вышла автобиография Маймона, который помимо значительного философского наследия оставил и мемуары, ставшие уникальным документом своего времени и важным источником по истории быта и нравов Великого Княжества Литовского (Майман, 2018). Не случайно сам Кант в одном из своих писем к М. Герцу отзывался чрезвычайно высоко об этом мыслителе (Кант, 1994, с. 526).

Белорусские авторы публикуют свои статьи не только в республиканских изданиях, но и на страницах единственного издаваемого в странах бывшего СССР научного журнала, посвященного философии немецкого мыслителя, — «Кантовского сборника», а также на сайте kant-online.ru; активно участвуют в работе Международных Кантовских чтений, круглых столов в Калининграде (Румянцева, Кажемакс, 2008; Румянцева, 2010; 2011). Аспиранты БГУ М. Г. Шатерник и М. В. Ровбо неоднократно принимали участие в работе Международных летних школ по изучению наследия Канта в Калининграде, а М. В. Ровбо выступала с докладами на международных трансцендентальных семинарах в Москве. Она активно работает над кандидатской диссертацией, публикует статьи, посвященные проблеме трансцендентального субъекта в философии Канта. Ею осуществляlarus in the history of European philosophy (Barchatkou, 2015). Later, in 2018, Barchatkou edited and wrote a long introductory article in Belarusian for the autobiography of Maimon who, in addition to a considerable philosophical legacy, left memoirs which became a unique document of his time and an important source on the history of the life and *mores* of the Grand Duchy of Lithuania (Maimon, 2018). It is no accident that Kant himself wrote about that thinker in highly complimentary terms in his letter to Marcus Herz (Kant, 1994, p. 526).

Belarusian authors publish their articles not only in internal periodicals, but also in the only journal in the former Soviet Union countries devoted to the philosophy of the German thinker, Kantovsky sbornik / Kantian Journal, and on kant-online.ru website. They take an active part in the International Kant Readings Conferences and round tables in Kaliningrad (Rumyantseva, Kazhemaks, 2008; Rumyantseva, 2010; 2011). BSU post-graduate students Mihail G. Shaternik and Marharyta V. Rouba took part in the Immanuel Kant Summer Schools in Kaliningrad, and Rouba made presentations at international transcendental seminars in Moscow. She is writing her dissertation, publishing articles on the problem of the transcendental subject in Kant's philosophy. She is carrying out textological analysis of original works by early opponents and followers of Kantian criticism with the aim of reconstructing the conceptual field in which they placed the concept of transcendental subject (Rouba, 2020).

In 2021 members of the BSU Chair of Philosophy of Culture submitted for publication the first part of the second volume of the *Anthology of Philosophical Thought in Belarus* in which much space is given to the texts of Belarusian authors devoted to the reception and analysis of Kant's philosophy in the nineteenth century (Liahchylin and Dudchyk, 2021). Work is underway on research projects that touch directly upon important aspects of Kant's teaching and

ется, в частности, текстологический анализ оригинальных произведений самых ранних оппонентов и последователей кантовского критицизма с целью реконструкции того концептуального поля, в которое ими было помещено понятие трансцендентального субъекта (Ровбо, 2020).

В 2021 г. сотрудниками кафедры философии культуры БГУ сдана в печать первая часть второго тома пособия «Антологии философской мысли Беларуси», в которой много внимания уделено, помимо прочего, текстам белорусских авторов, посвященным рецепции и анализу философии Канта в XIX в. (Анталогія..., 2021). Ведется работа в рамках научно-исследовательских тем, непосредственно затрагивающих важные аспекты учения немецкого философа, его новейшие рецепции и интерпретации. Так, в Государственной программе научных исследований Республики Беларусь (ГПНИ) на 2021—2025 гг. утверждена тема, по которой уже активно ведется работа, - «Кантовский мирный проект как философско-мировоззренческое обоснование безопасности современного мира» (Т. Г. Румянцева, В. Н. Семенова). Исполнители НИР поставили перед собой цель обосновать философско-мировоззренческий статус и значение кантовского мирного проекта для обеспечения безопасности современного мира путем выявления места политических идей философа в классических и новейших теоретических концепциях и подходах к обеспечению международной безопасности (космополитизм, этатизм, постмодернизм, неолиберализм, неоконсерватизм). Ставится также задача выявить и определить доминирующие векторы практической реализации идей Канта в социально-политических реалиях XX–XXI вв.

Таким образом, в настоящее время в Беларуси сформировалось сообщество молодых исследователей, работающих на факультете философии и социальных наук БГУ, в Институте философии НАН РБ и ряде вузов страны. Они активно занимаются осмыслением наследия Канта в контексте как национальной, так и глобальной проблематики — рецепцией его идей

its modern reception and interpretations. The State Programme of Scientific Research of the Republic of Belarus (GPNI) for 2021 – 2025 contains an item on which work is already in full swing, "Kant's Peace Project as a Philosophical-Worldview Grounding of Security of the Modern World" (N. G. Rumyantseva, V. N. Semyonova). The aim of this project is to ground the philosophical-worldview status and significance of Kant's peace project for security in the modern world by identifying the place of the philosopher's political ideas in classical and modern theoretical concepts and approaches to international security (cosmopolitanism, statism, post-modernism, neo-liberalism, neo-conservatism). Another aim is to reveal and define the dominant vectors of practical implementation of Kant's ideas in the socio-political realities of the twentieth and twenty-first centuries.

Thus, Belarus today has a community of young researchers who work at the BSU Faculty of Philosophy and Social Sciences and at the Philosophy Institute of the Belarus Academy of Sciences and some of the country's universities. They are actively engaged in interpreting Kant's legacy in the context of national and global problems, the reception of his ideas in Belarus, "perpetual peace" and the union of states, the philosophy of law and morals, logic, methodology and transcendental philosophy. This shows that the country's philosophers are actively preparing to mark the 300th anniversary of the great German philosopher's birth, to which a number of events will be devoted.

References

Aporovich, A. F., ed. 2006. Velikie preobrazovateli estestvoznaniya: Immanuil Kant [Great Converters of Natural Sciences: Immanuel Kant]. Abstracts of XV International Conference, 24–25 November 1999. Minsk: BGUIR. (In Rus.)

Barchatkou, A.I., 2015. Razvitie transcendental'noj filosofii I.Kanta v tvorchestve S.Majmona [Development of Kant's Philosophy in Maimon's Works]. Abstract of the Dissertation for the PhD Degree. Minsk: BSU. (In Rus.)

в Беларуси, проектами «вечного мира» и союза государств, философией права и морали, логикой, методологией и трансцендентальной философией. Это свидетельствует о том, что философы страны готовятся достойно встретить 300-летие со дня рождения великого немецкого философа — грандиозное событие, которому будет посвящен ряд мероприятий.

Список литературы

Анталогія філасофскай думкі Беларусі : дапаможнік для студэнтаў, якія навучаюцца па спецыяльнасці 1-21 02 01 «Філасофія» : у 3 т. Мінск : Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2021. Т. 2, ч. 1 / склад. А. А. Лягчылін [і інш.] ; пад рэд. А. А. Лягчыліна, А. Ю. Дудчыка (в печати).

Бархамков А. И. Развитие трансцендентальной философии И. Канта в творчестве С. Маймона : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Минск : Белорусский государственный университет, 2015.

Быхоўскі Б. Э. Нарыс філёзофіі дыялектычнага матэрыялізму. Менск : Бел. дзярж. выдав., 1930.

Быховский Б. Э. Враги и фальсификаторы марксизма. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1933.

 $\mathit{Быховский}\ \mathit{Б.}\ \mathit{Э.}\ \mathsf{Метод}\ \mathsf{и}\ \mathsf{система}\ \mathsf{Гегеля.}\ \mathsf{M.}\ :\ \mathsf{O}\Gamma \mathsf{V13}, 1941.$

Быховский Б. Э. Маразм современной буржуазной философии (об англо-американском семантическом идеализме). М.: Правда, 1947.

Великие преобразователи естествознания: Иммануил Кант: тез. докл. XV междунар. чтений, 24—25 нояб. 1999 г., Минск. Минск: БГУИР, 2006.

Вольфсон С. Я. Диалектический материализм: курс лекций, читанных на факультете общественных наук Белорусского государственного университета. 3-е изд. Минск: Белтрестпечать, 1923. Ч. 1—2.

Вольфсон С. Я. Культура и идеология загнивающего капитализма. М.; Л.: ОГИЗ, 1935.

Грудницкий Г. Д. Проблема активности субъекта познания в немецкой философии второй половины XVIII века: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Минск: Белорусский государственный университет, 1986.

Грудніцкі Р. Нямецкая асвета і Кант (праблемы гнасеалогіі). Наваполацк : Полацкі дзяржаўны універсітэт, 2006.

Ивановский В. Н. Методологическое введение в науку и философию. Минск : Белтрестпечать, 1923. Т. 1.

Bykhovsky, B. E., 1930. Narys filyozofii dyyaletychnaga materyyalizmu [Essays of the Philosophy of Dialectical Manerialism]. Minsk: Bel. dzyarzh. vydav. (In Belar.)

Bykhovsky, B. E., 1933. *Vragi i fal'sifikatory marksiz-ma* [*Enemies and Falsifiers of Marxism*]. Moscow: Sotsekgiz. (In Rus.)

Bykhovsky, B. E., 1941. *Metod i sistema Gegelya* [Method and System of Hegel]. Moscow: OGIZ. (In Rus.)

Bykhovsky, B.E., 1947. Marazm sovremennoj burzhuaznoj filosofii (ob anglo-amerikanskom semanticheskom idealizme) [Marazm of Modern Bourgeois Philosophy (On British-American Semantic Idealism]. Moscow: Pravda. (In Rus.)

Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, 1944. On the Shortcomings and Errors in the Coverage of the History of German Philosophy in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. *Bolshevik*, 7-8, pp. 14-19. (In Rus.)

Grudnitsky, G. D., 1986. Problema aktivnosti sub"ekta poznaniya v nemeckoj filosofii vtoroj poloviny 18 veka [The Problem of the Activity of the Subject of Knowledge in German Philosophy of the Second Half of the 18th Century]. Abstract of the Dissertation for the PhD Degree. Minsk: BSU. (In Rus.)

Grudnitsky, G. D., 2006. Nyameckaya asveta i Kant (prablemy gnasealogii) [German Enlightenment and Kant (Problems of Gnoseology)]. Novopoltsk: Polacki Dzyarzhaŷny Universitet. (In Belar.)

Ivanovsky, V. N., 1923. Metodologicheskoe vvedenie v nauku i filosofiyu [Methodological Introduction to Science and Philosophy]. Minsk: Beltrestpechat'. (In Rus.)

Kant, I., 2006. *Pralegomeny da lyuboj buduchaj filasofii: Traktat [Prolegomena for Any Future Philosophy: Treatise*]. Translated by L. Barshcheuski. Mensk: "Zmicer Kolas". (In Belar.)

Karlyuk, A. S., 1974. Predecessor of Marxist Philosophy. *Kommunist*, 5, pp. 80-86. (In Rus.)

Kazaryan, E. L., 1990. Problema aktivnosti chistyh form chuvstvennogo sozercaniya v gnoseologii I. Kanta [The Problem of the Activity of Pure Forms of Sensual Contemplation in the Kant's Theory of Knowledge]. Abstract of the Dissertation for the PhD Degree. Minsk: BSU. (In Rus.)

Klevchenya, A.S., 1981. Kant's Philosophical Ideas in Belarus. *Vestnik BSU*, 3(7), pp. 25-28. (In Rus.)

Krouglov, A. N., 2020. Discussion about Kant during the Great Patriotic War: The Look 75 Years after the Victory. Part 1. *Voprosy Philosophy*, 5, pp. 192-209. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-5-192-209 (In Rus.)

Казарян Э. Л. Проблема активности чистых форм чувственного созерцания в гносеологии И. Канта: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Минск: Белорусский государственный университет, 1990.

Кант И. Избр. письма // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 8. С. 463—589.

Кант I. Пралегомены да любой будучай філасофіі : Трактат / перакл. Л. Баршчэўскі. Мінск : Зьміцер Колас, 2006.

Карлюк А. С. Предшественник марксистской философии // Коммунист. 1974. № 5. С. 80—86.

Клевченя А. С. Философские идеи Канта в Белоруссии // Вестник Белорусского государственного университета. 1981. Сер. 3. № 7. С. 25—28.

Круглов А. Н. Споры о Канте во время Великой Отечественной войны: взгляд спустя 75 лет после Победы. Часть 1 // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 192—209.

Майман С. Аўтабіяграфія / пер. з ням. М. Патоцкага ; агульная рэд., артыкул А. Бархаткоў. Мінск : Эканомпрэс, 2018.

Мотрошилова Н. В. Предисловие // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. М.: Ками, 1993. Т. 1: Трактаты и статьи (1784—1796). С. 42—73.

Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : В. М. Скакун, 1998.

Познякова О. Л. Философия истории И. Канта: антропологические и социально-политические аспекты. Минск: РИВШ, 2015.

Ровбо М. В. Парадокс кантовского трансцендентального субъекта в немецкой философии конца XVIII века // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 2. С. 7—26.

Рожин Н. В. Проблема объективной достоверности знания в европейской философии (от Р. Декарта до Л. Витгенштейна). Минск: Белорусский государственный университет, 2001.

Румянцева Т. Г. Философия И. Канта (глоссарий). Минск: Белорусский государственный университет, 2004.

Румянцева Т. Г. Немецкая трансцендентальная философия (середина XVIII— первая треть XIX в.). Минск: Белорусский государственный университет, 2008.

Румянцева Т. Г., Кажемакс А. А. Трансформация Кантом стиля философского письма и ее влияние на последующее развитие западноевропейской философии // Кантовский сборник. 2008. № 2 (28). С. 59—66.

Liahchylin, A. A. and Dudchik, A. Y., 2020. Transfer of Foreign Ideas to the Philosophical Culture of Belarus in the 19th and 20th Centuries. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 63(10), pp. 88-102. (In Rus.)

Liahchylin, A. A. and Dudchyk, A. Y., eds., 2021. Antalogiya filasofskaj dumki Belarusi: dapamozhnik dlya studentaÿ, yakiya navuchayucca pa specyyal'nasci 1-21 02 01 "Filasofiya" u 3 t. [Anthology of Philosophical Thought of Belarus: A Manual for Students Who Study in the Specialty 1-21 02 01 "Philosophy": in 3 vol.]. Volume 2, Part 1. Minsk: BSU. (In print). (In Belar.)

Maiman, S., 2018. *Autabiagrafiya* [Autobiography]. Translated from German by M. Patotskii, edited by A. Barchatkou. Minsk: Ekanompres.

Motroshilova, N. V., 1993. *Predislovie* [Preface]. In: I. Kant, 1993. Werke in German and Russian. Volume 1. Treatises and Articles (1784-1796). Moscow: Kami, pp. 42-73. (In Rus.)

Poznjakova, O. L., 2014. Filosofiya istorii I. Kanta: antropologicheskie i social'no-politicheskie aspekty [Kant's Philosophy of History: Anthropological and Socio-Political Aspects]. Minsk: RIVSH. 2015. (In Rus.)

Rozhin, N. V., 2001. Problema ob"ektivnoj dostovernosti znaniya v evropejskoj filosofii (ot R. Dekarta do L. Vitgenshtejna) [The Problem of Objective Reliability of Knowledge in European Philosophy (from R. Descartes to L. Wittgenstein)]. Minsk: BSU. (In Rus.)

Rouba, M. V., 2020. The Paradox of Kant's Transcendental Subject in German Philosophy in the Late Eighteenth Century. *Kantian Journal*, 39(2), pp. 7-26.

Rumyantseva, T. G., 2004. Filosofiya I. Kanta [Philosophy of I. Kant]. Minsk: BSU, 2004. (In Rus.)

Rumyantseva, T.G., 2008. Nemeckaya transcendental'naya filosofiya (seredina XVIII – pervaya tret' XIX vv.) [German Transcendental Philosophy (Mid-18th – the First Third of the 19th Century)]. Minsk: BSU, 2008. (In Rus.)

Rumyantseva, T. G., Kazhemaks, A. A., 2008. Kant's Transformation of the Philosophical Writing Style and Its Impact on the Subsequent Development of Western European Philosophy. *Kantian Journal*, 28(2), pp. 59-66. (In Rus.)

Rumyantseva, T.G., 2010. M. Mendelssohn in the Epistolary Legacy of I. Kant. *Kantian Journal*, 31(1), pp. 41-49. (In Rus.)

Rumyantseva, T.G., 2011. I. Kant, E. Swedenborg and metaphysics of the Supersensitive. *Kantian Journal*, 38(4), pp. 7-17. (In Rus.)

Rumyantseva, T. G., 2015. Nemeckij idealizm: ot Kanta do Gegelya: uchebnoe posobie [German Idealism: from Kant to Hegel: a Textbook]. Minsk: Vyshejshaya shkola, 2015. (In Rus.)

Румянцева Т. Г. М. Мендельсон в эпистолярном наследии И. Канта // Кантовский сборник. 2010. № 1 (31). С. 41—49.

Румянцева Т. Г. И. Кант, Э. Сведенборг и метафизика сверхчувственного // Кантовский сборник. 2011. № 4 (38). С. 7—17.

Румянцева Т. Г. Немецкий идеализм: от Канта до Гегеля: учеб. пособие. Минск: Вышэйшая школа, 2015.

Семенов Н. С. Учение об идее и ее логическом содержании у Канта и Гегеля: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Минск: Белорусский государственный университет, 1987.

Философия И. Канта и современность: матер. Междунар. науч. конф., 19—20 ноября 2004 г. / ред. А.И. Зеленков, Т.Г. Румянцева, А.А. Легчилин, В.Т. Новиков. Минск: Технопринт, 2005.

Шалькевич В. Ф., Легчилин А. А. Рецепция философии И. Канта в Беларуси и Литве в первой трети XIX века // Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Иммануила Канта: тр. междунар. семинара и междунар. конф.: в 2 ч. / под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. Ч. 1. С. 87—98.

Шуман А. Н. Трансцендентальная философия. Минск : Экономпресс, 2002.

Об авторе

Татьяна Герардовна **Румянцева**, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный университет (БГУ), Минск, Беларусь.

E-mail: t.rumyan30@gmail.com

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5893-9852

Для цитирования:

Румянцева Т.Г. И. Кант и его наследие в белорусской философии советского и постсоветского периодов // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 3. С. 127—149.

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-5

© Румянцева Т. Г., 2021.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS
ATTRIBUTION (CC BY) (HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/)

Semenov, N.S., 1987. *Uchenie ob idee i ee logicheskom soderzhanii u Kanta i Gegelya* [*The Doctrine of the Idea and its Logical Content in Kant and Hegel*]. Abstract of the Dissertation for the Degree of Ph.D. Minsk: BSU. (In Rus.)

Schuman, A.N., 2002. *Transcendental'naya filosofiya* [*Transcendantal Philosophy*]. Minsk: Ekonompress. (In Rus.)

Shalkevich, V.F. and Legchilin, A.A., 2005. Reception of the Philosophy of I. Kant in Belarus and Lithuania in the First Third of the 19th Century. In: V. N. Bryushinkin, ed. 2005. Kant mezhdy Zapadom i Vostokom: K 200-letiyu so dnya smerti i 280-letiyu so dnya rozhdeniya Immanuila Kanta [Kant between West and East. On the Occasion of the 200th Anniversary of the Death and the 280th Anniversary of the Birth of Immanuel Kant]: Proceedings of the International Seminar and International Conference: In 2 Parts. Part 1. Kaliningrad: Immanuel Kant Russian State University Press, pp. 87-98. (In Rus.)

Volfson, S. Y., 1923. Dialekticheskij materialism. Kurs lekcij [Dialectical Materialism. Lecture Course]. Parts 1-2. Minsk: Beltrestpechat'. (In Rus.)

Volfson, S. Y., 1935. *Kul'tura i ideologiya zagnivayush-chego kapitalizma* [*Culture and the Ideology of Decaying Capitalism*]. Parts 1-2. Moscow and Leningrad: OGIZ. (In Rus.)

Zelenkov, A.I., Rumyantseva, T.G., Legchilin, A.A. and Novikov, V.T., eds. 2005. Filosofiya I. Kanta i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 19-20 noyabrya 2004 g. [Philosophy of I. Kant and Contemporaneity: Proceedings of International Scientific Conference 19–20 of November 2004]. Minsk: Tekhnoprint. 2005. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Tatiana G. Rumyantseva, Belarusian State University (BSU), Minsk, Belarus.

E-mail: t.rumyan30@gmail.com

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5893-9852

To cite this article:

Rumyantseva, T.G., 2021. Kant and his Heritage in Belarusian Philosophy of the Soviet and Post-Soviet Periods. *Kantian Journal*, 40(3), pp. 127-149.

http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-3-5

© Rumyantseva T. G., 2021.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE (HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/)

СОБЫТИЯ EVENTS

КАНТИАНСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Обзор Первой конференции лаборатории «Кантианская рациональность»

$A. C. Зильбер^1$

Международная научная конференция «Кантианская рациональность в философии науки» прошла с 9 по 11 октября 2020 г. в Балтийском федеральном университете им. И. Канта в Калининграде. Пятнадцать участников из разных стран обсуждали аспекты кантовского понимания науки и роли разума в ней: единство, различие и систематичность функций разума в науке, как они раскрываются в рассуждениях Канта о критериях научности, классификацию наук и методы теоретических и экспериментальных исследований в конкретных науках. В тематике конференции можно выделить два ведущих аспекта: 1) соотношение метафизики и естествознания в контексте кантовской эпохи, 2) значение кантовских идей в современных науках и в концепциях философии науки XX и XXI столетий.

Ключевые слова: Кант, философия науки, рациональность, методология, единство, систематичность, гипотеза, эксперимент

С 9 по 11 октября 2020 г. в онлайн-формате² в Балтийском федеральном университете им. И. Канта состоялась международная конференция «Кантианская рациональность в философии науки», посвященная обсуждению представлений Канта о разуме и рациональности и анализу их применения в философии науки. С докладами на английском язы-

KANTIAN RATIONALITY IN THE PHILOSOPHY OF SCIENCE

Report on the First Conference of the Kantian Rationality Lab

A. S. Zilber¹

The international conference "Kantian Rationality in Philosophy of Science" was held on 9-11 October 2020 at the Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU) in Kaliningrad. Fifteen participants from different countries discussed aspects of the Kantian understanding of science and the roles of reason in it: the unity, difference, and systematicity of the functions of reason in science, as they are revealed in Kant's discussions of criteria of scientificity, the classification of sciences, or methods of theoretical and experimental research in specific sciences. The topics discussed fell into two broad categories: firstly, the relationship between metaphysics and science in the context of Kant's time; secondly, the relevance of Kant's ideas to modern sciences and the concepts of philosophy of science in the twentieth and twenty-first centuries.

Keywords: Kant, philosophy of science, rationality, methodology, unity, systematicity, hypothesis, experiment

The international conference "Kantian Rationality in the Philosophy of Science" devoted to Kant's ideas on reason/rationality and their use in the philosophy of science, was held online² at the Kant Baltic Federal University on 9–11 October 2020. Papers were presented in English by 15 participants from eight coun-

Received: 02.06.2021.

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-6

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236016, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. *Поступила в редакцию: 02 июня 2021 г.* doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-6

²Тезисы докладов см. на сайте kant-online.ru по адресу: http://kant-online.ru/?page_id=4535. Видеозаписи выступлений доступны на Youtube-канале Академии Кантианы по адресу: https://youtube.com/playlist?list=PLd0R4QMdRX52Ns9HYmReyHE-xJ24brKoI.

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University.

¹⁴ Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia.

² Theses of the papers are available on Kant-Online at: http://kant-online.ru/?page_id=4535. Videos of presentations are available on the *Academia Kantiana* YouTube-channel at: https://youtube.com/playlist?list=PLd0R4QMdRX52Ns9HYmReyHE-xJ24brKoI

ке выступили 15 исследователей из 8 стран (Австрия, Бельгия, Великобритания, Испания, Канада, Нидерланды, Россия, США), число слушателей достигало 80 онлайн-подключений. Это первое мероприятие, организованное лабораторией «Кантианская рациональность» — международным исследовательским коллективом, созданным под руководством проф. Томаса Штурма (Барселона / Калининград) в БФУ им. И. Канта в рамках проекта «Кантианская рациональность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах» (поддержан Министерством науки и высшего образования РФ, грант № 075-15-2019-1929).

Одной из главных целей конференции стало осмысление влияния Канта на развитие концепций научной рациональности. Наряду с вопросом о том, в каких пунктах и в какой мере кантовскую концепцию научной рациональности можно использовать в наши дни, актуален вопрос о способах реконструкции самой этой концепции, анализ ее компонентов, прояснение связи между ними, определение специфики и общих моментов. Эти темы обусловлены тем, что Кант приписал разуму целый ряд разнородных функций, в том числе в научном познании: определение методов, выдвижение гипотез (идей), теоретическое сопровождение эмпирических исследований.

Теме единства и различия функций разума посвятил свой доклад открывший конференцию Томас Штурм. Он обратил внимание на то, что, согласно Канту, функции разума в науке не исчерпываются созданием исследовательских проектов, выдвижением гипотез и интеграцией результатов. Разум также играет методологическую роль, определяя и корректируя принципы объяснения и доказательства, начиная с «наук о разуме» (логика, математика, метафизика и «чистое» естествознание) и заканчивая эмпирическими науками, такими как история и антропология, в которых разум определяет область исследования, его средства и цели. Особый интерес представляет роль разума в формировании

tries (Austria, Belgium, Canada, Great Britain, The Netherlands, Russia, Spain, and the USA). The audience numbered as many as eighty participants. This was the first event organised by the *Kantian Rationality Lab* (KRL), an international research team directed by Thomas Sturm (Barcelona / Kaliningrad) as part of the project "Kantian Rationality and its Impact in Contemporary Science, Technology and Social Institutions" at IKBFU with the support of the Russian Federation Ministry of Science and Higher Education (Grant no. 075-15-2019-1929).

One of the Conference's main aims was to assess the influence of Kant on the development of the concept of scientific rationality. Along with the question as to the ways and the degree to which Kant's own concept of scientific rationality can be used today, another relevant topic was the method of reconstructing this concept, analysis of its components and clarification of the links between them and the definition of specificities and common features. These topics arise because Kant ascribed to reason a whole range of diverse functions, including in scientific cognition: defining methods, putting forward hypotheses (ideas) and theoretical support of empirical investigations.

The unity of, and differences between, the functions of reason was the subject of the keynote lecture by *Thomas Sturm*. He pointed out that, according to Kant, the functions of reason in science are not limited to creating research projects, putting forward hypotheses and aggregating the results. Reason also plays a methodological role in determining and adjusting the principles of explanation and reasoning, beginning from the "sciences of reason" (logic, mathematics, metaphysics and "pure" natural science) and ending with empirical sciences such as history and anthropology, in which reason determines the field of study, its

единой структурированной системы («архитектоники») науки, а также вопрос о том, существует ли единая основа различных функций разума. Отвечая на вопросы П. Райхля, М. Б. Макналти и Х. Лу-Адлер, Штурм подчеркнул, что это довольно редкая тема в исследованиях: большинство интерпретаторов фокусируются на единстве теоретического и практического разума, когда обращаются к рассуждениям Канта о различных «применениях» разума. В то же время, как отмечали слушатели, утверждение разнородности ролей или функций («употреблений») разума в науке рождает подозрение, что выделение их единой основы едва ли возможно. Тем не менее, пояснил Штурм, все эти функции систематически связаны, и структуру разума (и рациональности) по Канту можно представить в виде системы модулей. Если определять единую концепцию разума, лежащую в основе его различных употреблений, то ее, по мнению Штурма, могло бы задать «логическое» употребление разума. Некоторые функции разума имеют универсальное значение. Кроме того, Штурм подчеркнул важность вопроса о конкретных употреблениях разума в рамках отдельных наук, в каждой из которых, вероятно, задействована определенная комбинация сразу нескольких функций разума.

Михель ван Ламбальген (Амстердам) в своем докладе поднял проблему соотношения и значения двух групп логических принципов познания в философии Канта: критериев когерентности познания в «Критике чистого разума» и «принципа достаточного основания» в кантовских лекциях по логике. Логические критерии познания вообще - единство, множественность и целокупность, или тотальности, - изложены в «Трансцендентальной аналитике» (§ 12). Они «подводят способ применения категорий под общие логические правила соответствия познания с самим собой» (В 114-116; Кант, 2006, с. 183, 185). Каждое понятие имеет внутреннее единство, подобное единству темы произведения, и вместе с тем многообраmethods and aims. Of particular interest is the role of reason in the shaping of a unified structured system ("architectonics") of science and the question whether the various functions of reason have a common foundation. Answering questions from Pavel Reichl, Michael Bennett McNulty and Huaping Lu-Adler, Sturm stressed that it is a fairly rare research theme, as the majority of scholars focus on the unity of theoretical and practical reason when speaking of Kant's discussion of different "uses" of reason. At the same time, as participants noted, emphasis on the diversity of the roles or functions ("uses") of reason in science gives rise to a suspicion that it is hardly possible to identify a common foundation. Nevertheless, Sturm explained, all these functions are systemically interconnected and the structure of reason (or rationality), according to Kant, can be seen as a system of modules. If we were to define the most basic concept of reason underlying all of its various uses, it could be, according to Sturm, the "logical" use of reason. Some functions of reason are universal. In addition, Sturm stressed the importance of the issue of the concrete uses of reason within individual sciences, each of which apparently uses combinations of several functions of reason at once.

Michiel van Lambalgen (Amsterdam) addressed the problem of the relationship between, and the meaning of, two groups of logical principles of cognition in Kant's philosophy: the criteria of coherence of cognition in the Critique of Pure Reason and "the principle of sufficient reason" in Kant's lectures on logic. Logical criteria of cognition in general — unity, plurality and totality — are set forth in the "Transcendental Analytic" (§ 12): "our procedure with these concepts is only being thought under general logical rules for the agreement of cognition with itself" (KrV, B 114-

зие следствий и признаков его реальности. Тотальностью Кант называет качественную полноту в многообразии признаков и проявлений — в этом моменте множественность, условно говоря, сводится обратно к единству понятия, свидетельствуя о его «совершенстве». Согласно принципу достаточного основания, от истинности следствий можно заключить к истинности суждения, из которого они вытекают, однако опыт не может дать всего многообразия эмпирических следствий, поэтому применение этого принципа относится к регулятивному гипотетическому употреблению разума. Ламбальген представил критерий тотальности как рациональный принцип, позволяющий оперировать в умозаключениях бесконечными множествами суждений и считать эти множества целостными, обладающими единым качеством. Принципы для операций с бесконечными множествами суждений (infinite aggregates of judgements) представлены и в современной математической логике. Показав связь между ними и кантовским пониманием этих принципов, Ламбальген разъяснил, каковы следствия принципов «трансцендентальной диалектики» для понимания развития научных теорий. В частности, понятие тотальности оказывается, по сути, необходимо для трансцендентальной логики и, возможно, также для общей логики.

В последовавшей дискуссии Х. Лу-Адлер и К. де Бёр затронули вопросы о статусе упомянутых логических критериев познания в связи с различением между «логическим» и «реальным» употреблением разума, о соотношении принципов достаточного основания и непротиворечия в философии Канта, а также об альтернативных версиях принципа достаточного основания в «Критике чистого разума». Ламбальген подчеркнул, что в его исследовании центральную роль играют именно те версии принципа достаточного основания, которые представлены в лекциях Канта по логике.

Следующие два доклада были посвящены аспектам гипотез и объяснений в научных умо-

116; Kant, 1998, pp. 217-218). Each concept is marked by internal unity similar to the single topic of a book and, at the same time, diversity of consequences and signs of its reality. Kant defined totality as qualitative completeness in the diversity of marks and manifestations, thus bringing the manifold back to the unity of the concept attesting to its "perfection". According to the principle of sufficient reason, the truth of consequences attests to the truth of the judgement from which they flow. However, experience cannot yield the whole diversity of consequences, therefore the use of this principle belongs to the regulative hypothetical use of reason. Lambalgen saw the criterion of totality as a rational principle that permits inferences to be made by using infinite sets of judgements, considering these sets to be unities possessing the same quality. The principles of operations with infinite aggregates of judgements are represented in modern mathematical logic. Demonstrating the link between these and Kant's notion of these principles, Lambalgen explained the implications of the principles of "transcendental dialectic" for interpreting the development of scientific theories. In particular, the concept of totality turns out to be necessary for transcendental logic and perhaps also for general logic.

In the discussion, Huaping Lu-Adler and Karin de Boer raised three points: 1) the status of the above-mentioned logical criteria of cognition in connection with the distinction between "logical" and "real" use of reason; 2) the relationship between the principles of sufficient reason and consistency in Kant's philosophy and 3) alternative versions of the principle of sufficient reason in the *Critique of Pure Reason*. Lambalgen stressed that in his investigation he

заключениях. Хайн ван ден Берг (Амстердам) и Борис Демарест (Гейдельберг) в совместном докладе осветили такой концепт, как научные гипотезы, в философии Канта в контексте немецкой философии XVIII в., а также современного понимания функции объяснения в науке. В исторической части доклада были изложены взгляды Вольфа, Майера и Крузия на гипотезы и проблему вероятности. Первые двое во многом сходились в критериях правильных гипотез, включавших требование непротиворечивости и соответствия дедуктивно выведенных следствий опытным данным. Вольф считал возможной ситуацию, когда известны все частные основания истинности суждения, и полагал такое суждение достаточно обоснованным. Согласно Майеру, суждение является вероятностным, когда у нас больше оснований для признания его истинности, чем для признания его ложности. Крузий подверг такой взгляд критике: для него вероятность относится к выбору между альтернативами. Кроме того, он обращал внимание на «вес феноменов» и пытался вывести критерии для определения того, насколько феномен или группа феноменов поддерживают определенную гипотезу.

В понимании Канта гипотезы всегда более или менее вероятностны. Подобно Вольфу и Майеру, Кант считает, что гипотезы должны быть самостоятельными, то есть вести к следствиям напрямую, без посредничества других теоретических конструктов, а также что гипотезы могут вести к достоверному знанию, но не индуктивным путем; поскольку знание всех возможных следствий нам недоступно, индуктивный вывод дает только приблизительную достоверность или аналог достоверности. В критерии правильной гипотезы Кант добавил интеграцию с априорными принципами и системой категорий - своего рода критерий априорного подтверждения. С этим тесно связан критерий, на который докладчики обратил особое внимание, - понятность (Verstehen): Кант требует, чтобы гипотезы были не

proceeded from the versions of the principle of sufficient reason presented in Kant's lectures on logic.

The next two presentations were devoted to aspects of hypotheses and explanations in scientific reasoning. Hein van den Berg (Amsterdam) and Boris Demarest (Heidelberg) in their joint paper dealt with the concept of scientific hypotheses in Kant's philosophy in the context of German philosophy in the eighteenth century and the modern perception of the function of explanation in science. The historical part of the paper presented the views of Wolff, Meier and Crusius on hypotheses and the problem of probability. Wolff and Meier in many ways saw eye-to-eye on criteria of valid hypotheses, which included coherence and correspondence of deduced consequences to experimental data. Wolff believed possible a situation when all partial grounds for the truth of a proposition were known and considered such a proposition to be sufficiently grounded. According to Meier, a proposition is probable when we have more grounds for considering it to be true than for considering it to be false. Crusius challenged this view: for him, probability was related to deciding between alternatives. He also paid attention to the "weighing of phenomena" and tried to derive criteria for determining how much a phenomenon or a set of phenomena support a certain hypothesis.

According to Kant, hypotheses are always more or less probable. Like Wolff and Meier, Kant believes that hypotheses should be independent, i.e. should lead to consequences directly, without the support of other theoretical constructs, and that hypotheses could lead to certain knowledge, but not through induction; because we cannot know all the possible consequences the induction method only gives approximate certainty or analogue of certainty.

только мыслимы, но и обладали достаточным объяснительным потенциалом, то есть давали объяснение малоизвестного посредством более известного и более понятного. Перенос акцента с поисков обоснования и достижения достоверного знания на априорные критерии, и в особенности на внятность и доступность объяснения, сближает Канта в большей степени с философией науки XX в., чем с его предшественниками, в частности ньютонианцами и Юмом, или современными последователями последнего. Набор критериев правильных гипотез у Канта оказывается шире, чем у К. Гемпеля, который считал главной функцией научного объяснения предсказание явлений и отстаивал допустимость гипотетического обоснования малопонятного с помощью чего-либо еще менее понятного, «контринтуитивного».

В ходе обсуждения доклада Д. Хайдер поднял вопрос о различении уровней мыслимости (понимание и представление). Т. Штурм затронул проблему содержания теоретических априорных критериев для правильности гипотез, предположив, что они не могут исчерпываться соответствием суждений кантовской системе категорий. Х. Лу-Адлер задала уточняющие вопросы к тезисам докладчиков об ограниченности использования гипотез областью естествознания и об уровнях достоверности согласно Канту.

Джеймс Хебблер (Филадельфия) представил оригинальную трактовку сферы научного у Канта, проведя линию демаркации между наукой и метафизикой с помощью такой функции науки, как объяснение. Кант различал рациональные и исторические учения: первые объясняют факты на основе законов, а вторые ограничиваются описанием и эмпирическим наблюдением, но при этом оба типа учений организованы систематически. Именно в объяснении Кант видел цель «науки в собственном смысле слова», такой как ньютоновская физика. По мнению Хебблера, это ее фундаментальная и единственная цель. Докладчик провоз-

Kant adds to the criteria of a valid hypothesis integration with a priori principles and the system of categories, i.e. a criterion of a priori confirmation. The speakers also drew attention to the criterion of intelligibility (Verstehen): Kant demands that hypotheses should not only be thinkable, but should have a sufficient explanatory power, i.e. should explain what is little known through what is better known and more readily understandable. The shift of emphasis from the search for grounding and for certain knowledge to a priori criteria and especially coherence and clarity of explanation brings Kant closer to twentieth-century philosophy of science than to his predecessors, notably Newtonians and Hume or his modern followers. Kant's set of criteria of valid hypotheses is broader than that of Carl Hempel who believed that the main function of scientific explanation was predicting phenomena and maintained that it was admissible hypothetically to explain what is little understood through something still less understood, "counter intuitively".

In the discussion, David Hyder raised the question of distinguishing levels of conceivability (understanding and presentation). Sturm spoke about the problem of the content of theoretical *a priori* criteria of hypotheses, suggesting that they cannot be confined to the subsumtion of propositions under the Kantian system of categories. Lu-Adler asked about the thesis that the use of hypotheses should be limited to natural sciences and about Kant's levels of certainty.

James Hebbeler (Philadelphia) presented an original interpretation of Kant's view of science, drawing a demarcation line between science and metaphysics with the aid of science's function of explanation. Kant distinguished rational and historical doctrines: the former

глашает «тезис независимости» и предлагает понимать Канта таким образом, будто развивать и использовать науку в собственном смысле, равно как и подлинное знание вообще, можно без знания общей и специальной метафизики, несмотря на то что метафизика раскрывает необходимые условия возможности всякого познания. Данная констатация, полагает Хебблер, не отменяет того, что метафизика природы служит предпосылкой для естествознания в собственном смысле, а также не противоречит кантовскому требованию наличия «чистой» составляющей в науке в собственном смысле. Это означает, что наука ограничена областью того, что поддается научному объяснению, а ее цель — «прогрессивное»³ объяснение каузальных (частных) законов, и границы такого объяснения совпадают с границами науки в собственном смысле. Полноценная реализация функции объяснения является довольно строгим критерием, но Хебблер настаивает на своей трактовке, в которой провозглашается своего рода освобождение науки от метафизических рамок, и кантовский подход к науке оказывается гораздо менее требовательным, чем это принято считать. Наука и философия как метафизика предстают при этом как различные проекты деятельности разума, в каждом из которых реализуются его определенные потребности. К примеру, дедукцию категорий сам Кант в «Пролегоменах» (АА 04, S. 327; Кант, 1994б, с. 87-88) объясняет потребностями метафизики, а не чистой математики и чистого естествознания самих по себе (первая опирается на собственную очевидность, второе — на опыт).

При обсуждении доклада Хебблера были подняты вопросы о различии целей естествознания и разума и о роли априорного знания в обосновании и выведении эмпирического знания. Сужение сферы науки в собственном смысле до сферы научного объяснения, предложенное Хебблером, сулит проблемы для статуса ло-

explain facts on the basis of laws, while the latter restrict themselves to description and empirical observation, whereby both types of doctrines are systemically organised. Kant believed explanation to be the aim of "proper science", like Newtonian physics. Hebbeler held that it is its fundamental and sole aim. He proclaimed the "thesis of independence" and argued that Kant should be interpreted as if he believed that science and knowledge in general could be developed and used in its proper sense without the knowledge of general or special metaphysics even though metaphysics revealed the conditions that made all cognition possible. Hebbeler argued that this statement does not contradict Kant's demand that there should be a "pure" component in the proper science. This means that science is limited to what lends itself to scientific explanation and its aim is "progressive" ³ explanation of causal (particular) laws and the boundaries of such explanation coincide with the boundaries of proper science. Total compliance with the explanatory function is a rather severe criterion, but Hebbeler insisted on his interpretation which, as it were, proclaims the liberation of science from metaphysical constraints and makes Kant's approach look far less demanding than it is usually perceived. This approach views science and philosophy as different projects of reason, each meeting certain of its demands. For example, Kant himself in the Prolegomena (Prol, AA 04, p. 327; Kant, 2004b, p. 79) attributes the need for the deduction of categories to the demands of metaphysics and not pure mathematics and pure natural science in themselves (the former relying on its being self-evident and the latter on experience).

 $^{^3}$ To есть от ближайшего следствия к более отдаленным (А 411 / В 438; Кант, 2006, с. 555).

 $^{^{3}}$ i.e. from proximate to more remote consequences (*KrV*, A 411 / B 438; Kant, 1998, p. 462).

гики и математики, двух неоспоримых наук в представлении Канта. С одной стороны, они соответствуют критериям науки в собственном смысле, хотя не занимаются объяснением. С другой — некоторые фрагменты в трактате Канта о естествознании дают основание полагать, что Кант отделяет математическое познание (как познание разумом) от «науки о природе» (АА 04, S. 469; Кант, 1994а, с. 250—251). По мнению Штурма, этой коллизии можно избежать, если признать, что у Канта есть как широкое, так и узкое определение науки, которые излагаются обособленно друг от друга.

Анжела Брайтенбах (Кембридж, Великобритания) в своем докладе представила версию широкой интерпретации критериев научности по Канту. Она полагает, что в кантовских текстах обнаруживаются два подхода. С одной стороны, строгий подход требует от «науки в собственном смысле» аподиктической достоверности, систематического единства и упорядоченности в соответствии с рациональными принципами, которые направлены на объяснение (в отличие от «исторических» принципов, по которым проводится классификация). С другой – Кант называет науками ряд дисциплин, которые не соответствуют этим строгим критериям, например химию (с оговорками можно упомянуть также биологию и эмпирическую психологию). Он находит их перспективными и слишком интересными, чтобы лишать их статуса науки. Трактовки кантоведов в этой области расходятся: одни (М. Фридман, Дж. Менш, Дж. Заммито) приходят к выводу о том, что единственное подлинное естествознание ограничено областью наук «в собственном смысле слова», другие (Э. Уоткинс, Т. Штурм, М. Б. Макналти) считают науки в собственном и в несобственном (proper and improper) смысле равноценными и полноценными разновидностями естествознания в кантовском понимании. Брайтенбах предлагает нормативную трактовку, своего рода динамичную иерархию наук. С этой точки зрения все дисциплины должны стремиться соответствовать кантов-

In the discussion of Hebbeler's paper, participants raised the questions of the difference of the aims of natural science and reason and the role of a priori knowledge in grounding and deriving empirical knowledge. The narrowing of the sphere of proper science to the sphere of scientific explanation proposed by Hebbeler spelled problems for the status of logic and mathematics, two unquestionable sciences in Kant's view. On the one hand, they meet the criteria of proper science although they do not do explanatory work. On the other hand, some fragments in Kant's treatise on natural science suggest that Kant distinguishes mathematical cognition (cognition by reason) from "natural science" (MAN, AA 04, p. 469; Kant, 2004a, p. 184). Sturm believes that this contradiction can be resolved by recognising that Kant has a broad as well as a narrow definition of science, which he sets out separately.

Angela Breitenbach (Cambridge, UK) presented a version of a broad interpretation of Kant's criteria of scientificity. She pointed to two different approaches in Kant's texts. On the one hand, the strict approach demands from "proper science" apodictic certainty, systemic unity and ordering in accordance with rational principles aimed at explanation (as distinct from "historical" principles on which classification is based). On the other hand, Kant includes in sciences some disciplines that do not meet these strict criteria, e.g. chemistry (with some reservations, biology and empirical psychology can also be mentioned). He finds them too promising and interesting to deny them the status of sciences. Opinions among Kant scholars vary: some (M. Friedman, J. Mensch, J. Zammito) come to the conclusion that the only true natural science is limited to the area of the "proper natural sense", while

скому идеалу научности («науке в собственном смысле»), но необязательно соответствуют ему изначально. В данной интерпретации область науки в целом шире, чем рациональное учение о природе, а оно, в свою очередь, шире, чем наука о природе в собственном смысле, удовлетворяющая всем строгим критериям.

Тему критериев научности на примерах конкретных дисциплин продолжил Майкл Беннет Макналти (Миннеаполис / Сент-Пол) в своем докладе о единстве разума и его вариациях. Объектом рассмотрения стали суждения Канта о химии, психологии и естественной истории (в вопросе о расообразовании) тех науках, методы которых не вписываются в классическую кантовскую схему научной рациональности «сверху вниз», то есть в схему выведения априорных законов естествознания из категорий рассудка. Науки, ведущие исследование «снизу вверх», от эмпирических наблюдений, дают примеры своего рода альтернативной рациональности. Макналти исследовал подход Канта к обобщению разнообразных эмпирически ориентированных исследований и их систематизации в соответствии с критериями научности. Он показал, что предпосылками этих процедур служат генерализации, названные в докладе «нелогическими единствами» ввиду их эвристического, гипотетического, а вместе с тем и синтетического - в кантовском смысле – характера. Макналти подробно осветил специфику этих единств на примерах того, какое значение Кант придавал в научном объяснении следующим понятиям: флогистону в химии, душе в психологии, а также телеологической концепции замысла природы относительно человеческого рода в естественной истории, а точнее, в учении Канта о расах.

Два доклада были посвящены конститутивному употреблению рассудка в естествознании. Лидия Паттон (Блэксберг, Виргиния) представила реконструкцию содержательных и методологических основ кантовской концепции физической материи и материальных тел. Она показала, что Кант стремится построить все-

others (E. Watkins, T. Sturm, M. B. McNulty) believe that sciences in the proper and improper senses are equally varieties of natural science in the Kantian meaning. Breitenbach proposed a normative treatment, a kind of dynamic hierarchy of sciences. From her point of view, all disciplines should seek to comply with the Kantian ideal of scientificity ("proper science"), but not necessarily comply with it from the beginning. In this interpretation, the area of science as a whole is broader than the rational doctrine of nature, which in turn is broader than the proper science of nature that meets all the strict criteria.

The topic of scientificity in concrete disciplines was picked up by Michael Bennett Mc-Nulty (Twin Cities) in his paper on the unity of reason and its varieties. He focused on Kant's notions on chemistry, psychology and natural history (the origin of races). These are the sciences whose methods do not fit into the classical Kantian scheme of "top-down" scientific rationality, i.e. the derivation of a priori laws of natural science from the categories of reason. The "bottom-up" sciences which proceed from empirical observations are, as it were, instances of alternative rationality. Mc-Nulty examined Kant's approach to the generalisation of various empirically oriented investigations, and their sysematisation in accordance with scientificity criteria. He showed that the prerequisites for such procedures are generalisations, which he called "non-logical unities" on account of their heuristic, hypothetical and at the same time synthetic (in the Kantian sense) character. He illustrated these unities with examples showing the significance which Kant attached in scientific explanation to such concepts as phlogiston in chemistry, the soul in psychology and the teleобъемлющую рациональную теорию материи, основанную на трансцендентальных аргументах, и это важный компонент в целостной системе природы. Эта теория *a priori* определяет свойства материальных тел и условия их отнесения к объектам опыта. В докладе были затронуты вопросы трактовки кантовского понятия «полноты» логических и физических рассуждений, а также роли гипотетических рассуждений и мысленных экспериментов в естествознании. Один из ключевых вопросов в данной теме - выведение законов движения тел: вероятно, мы можем судить о том, что тела подчинены таким законам, но не о том, как эмпирические законы могут быть выведены из априорных принципов рассудка. Паттон выступила против как «выводящего» (derivation), так и «подчиняющего» (necessitation) подходов к ответу на этот вопрос, представив свое «финитистское» прочтение, согласно которому «сущностные свойства субстанций сопоставляются с законами для построения системы природы».

Дэвид Хайдер (Оттава) представил кантовскую концепцию естествознания в контекстах его эпохи и позднейших открытий. Хайдер показал, что «Метафизические начала естествознания» Канта имеют признаки глубокого влияния новаторской математики и механики Леонарда Эйлера. Вместе с тем Эйнштейн в работе «К электродинамике движущихся тел» (1905) также обращается к эйлеровскому доказательству инвариантности галилеевых преобразований. Внутреннюю связь между двумя пространственно-временными структурами, представленными Эйлером и Эйнштейном, обнаружил и описал Г. Минковский в работе «Пространство и время» (1909). Как показал Хайдер, уже современники Эйнштейна отмечали схожесть принципа локальности, примененного в экспериментах Эйнштейна — Подольского – Розена, со второй аналогией опыта в «Критике чистого разума», но третья аналогия опыта Канта опровергается специальной теорией относительности.

ological concept of nature's aim concerning the human species in natural history, more precisely, Kant's doctrine of races.

Two papers were devoted to the constitutive use of understanding in natural science. Lidia Patton (Blacksburg) offered a reconstruction of substantive and methodological foundations of Kant's concept of physical matter and material bodies. She demonstrated that Kant seeks to build a comprehensive rational theory of matter on transcendental arguments, and this is an important component of a complete system of nature. The theory determines a priori the properties of material bodies and the condition of referring them to objects of experience. The paper looked at interpretations of Kant's concept of "completeness" of logical and physical reasoning as well as the role of hypothetical reasoning and mental experiments in natural science. One key issue in this area is deriving the laws of the motion of bodies: we can probably say that bodies obey such laws, but not how empirical laws can be derived from a priori principles of reason. Patton opposed both the "derivation" and "necessitation" approaches to answering this question. She proposed her own "finitist" account, whereby "the essential properties of substances work with the laws to build the system of nature."

David Hyder (Ottawa) presented Kant's concept of natural science in the contexts of his epoch and later discoveries. He argued that, on the one hand, Kant's Metaphysical Foundations of Natural Science shows signs of being profoundly influenced by Leonard Euler's innovative mathematics and mechanics. On the other hand, Einstein, in his Electrodynamics of Moving Bodies (1905), also invokes Euler's proof of the invariance of Galilean transformations. The inner connection between the two spatio-temporal structures presented by Euler and Einstein

Рудольф Мер (Грац / Калининград) осветил в докладе исторический контекст, в рамках которого Кант сформулировал принципы своей телеологии и представил их в качестве эвристического и методологического средств научного познания. Фокусом исследования стал малоизученный источник этих принципов - телеологическая концепция П. Л. де Мопертюи и его формулировка принципа наименьшего действия: «Когда в природе происходит некоторое изменение, количество действия, необходимое для этого изменения, является наименьшим из возможных». Своеобразная экономность природы, избирающей кратчайшие и легчайшие пути, была отмечена уже античными натурфилософами, но только в 1744 г. принцип экономности обрел достаточно определенную математическую, физическую и философскую форму в работах Эйлера и Мопертюи. Мопертюи вывел из этого принципа законы отражения и преломления света. Принцип стационарности действия, как принято называть его сегодня, остается одним из ключевых положений в современной физике.

Философское значение своего принципа Мопертюи видел в нахождении единой основы для различных законов природы, что было значительной вехой в общем направлении деятельности Мопертюи: этот принцип давал разгадку естественного порядка и служил орудием борьбы с прежней телеологией в науке и богословии. Однако, как отмечает Дж. Макдонох (McDonough, 2020, р. 150—179), значение и восприятие универсального принципа наименьшего действия в XVIII в. были далеко не однозначны. Парадоксальным образом этот принцип сулил развитие новой телеологии, в том числе и богословской, и даже отчасти послужил ей пропедевтикой. Это замечание полностью совпадает с общими выводами Р. Мера, который к тому же в своем докладе раскрыл неявное влияние Мопертюи на Канта, чей проект во многом был направлен на поиски единой основы многообразия явлений и понятий. Собwas discovered and described by Minkovsky in his work *Space and Time* (1909). Hyder showed that already Einstein's contemporaries noted the similarities between the locality principle used in the Einstein-Podolsky-Rosen experiments and the second analogy in the *Critique of Pure Reason*, but that the third analogy in Kant's experiment is refuted by the special theory of relativity.

Rudolf Meer (Graz / Kaliningrad) described the historical context in which Kant formulated the principles of his teleology and presented them as heuristic and methodological instruments of scientific cognition. The paper focused on the little-studied source of these principles, the teleological concept of Pierre-Louis Maupertuis and his principle of least action: When a change occurs in nature the amount of action necessary for such a change is the least amount possible. Nature's frugality in choosing the shortest and easiest paths was already noted by ancient natural philosophers, but it was not until 1744 that Euler and Maupertuis gave the frugality principle a precise mathematical, physical and philosophical form. Maupertuis derived the laws of reflection and refraction of light from this principle. The stationary action principle - as it is called today - remains a key principle in modern physics.

Maupertuis saw the philosophical relevance of his principle in that it offered a single foundation for various laws of nature, which was a landmark in his work, because the principle offered the key to the natural order and a weapon in combating the old teleology in science and theology. However, as noted by McDonough (2020, pp. 150-179) the significance and perception of the universal principle of least action were controversial in the eighteenth century. Paradoxically, this principle paved the way for a new teleology, including theological teleology, and even partly ushered it in. This is the

ственно телеологическая часть кантовской критической теории познания - это регулятивное употребление идей чистого разума, о котором Кант повествует в приложении к «Трансцендентальной диалектике» (А 652 / В 680; Кант, 2006, с. 835). Упорядочивание понятий об объектах и формирование их единства является функцией разума (А 643 / В 671). Мер показал, что «Приложение» к «Трансцендентальной диалектике» выступает своего рода мостом между космогонией раннего Канта, который в «теории неба» отвергает прежнюю телеологию так же, как Мопертюи, и «Критикой способности суждения», в которой тезисы о конструировании природы значительно смягчаются и подчеркивается субъективная суть этого процесса: рефлектирующая способность суждения ничего не предписывает объекту (АА 05, S. 184; Кант, 2001, с. 111), математические аналогии и законы механики «не притязают поэтому на то, чтобы быть телеологическими основаниями объяснения в физике» (AA 05, S. 382; Кант, 2001, с. 583). Исследование Мера раскрывает ранее незамеченные источники кантовской концепции систематического единства мира и принципов его познания, которая, как отмечает К. Фугейт (Fugate, 2014, р. 25–27), установила новую связь между традиционными телеологическими концепциями и базовой структурой рациональности. Эта структура рациональности позже станет основой динамической концепции разума, лежащей в основе немецкого идеализма.

Два доклада были посвящены эмпирическому употреблению разума в науке. *Хуапин Лу-Адлер* (Джорджтаун) представила анализ кантовского подхода к обращению с историческими и географическими свидетельствами, сопоставив изложение этого подхода в лекциях по логике с его применением в двух трактатах о расообразовании (1775 и 1785). Кант относил географические и исторические свидетельства к историческому типу познания и сформулировал ряд критериев их достоверности. Историческое познание он считал столь же необходимым, как и

overall conclusion arrived at by Meer, whose paper indeed revealed an indirect influence of Maupertuis on Kant, whose project was in many ways aimed at finding a common foundation for the diversity of phenomena and concepts. In fact, the teleological part of Kant's critical theory of cognition is the regulative use of the ideas of pure reason which Kant spells out in the supplement to the "Transcendental Dialectic" (KrV, A 652 / B 680; Kant, 1998, p. 595). Ordering the concepts of objects and forming their unity is the function of reason (KrV, A 643 / B 671). Meer has demonstrated that the Supplement to the "Transcendental Dialectic" is a kind of bridge between the cosmogony of early Kant, who, like Maupertuis, rejects the old teleology in his Theory of the Heavens and the Critique of the Power of Judgement in which the thesis on the construction of nature is significantly remitted and the subjective essence of the process is stressed: the reflective power of judgement does not prescribe anything to the object (KU, AA 05, p. 184; Kant, 2000, p. 70); mathematical analogies and the laws of mechanics "can make no claim on that account to be teleological grounds of explanation within physics" (KU, AA 05, p. 382; Kant, 2000, p. 253). Meer's study revealed previously overlooked sources of the Kantian concept of systematic unity of the world and the principles of its cognition, which, as noted by C. Fugate (2014, pp. 25-27), established a new link between traditional teleological concepts and the basic structure of rationality. This structure of rationality would later form the basis of the dynamic concept of reason which underpins German idealism.

Two papers were devoted to the empirical use of reason in science. *Huaping Lu-Adler* (Georgetown) analysed Kant's approach to the treatment of historical and geographical testimony, comparing the description of this

рациональное. Изучение природы без гипотез невозможно, и следует быть готовым по итогам проверки изменять их либо вовсе отвергнуть. Постигать природу - обязанность разума, но другой известный тезис Канта гласит, что разум постигает в природе то, что сам в нее вкладывает; природа не только постигается, но и конструируется. Кант сравнивает разум с судьей, который допрашивает свидетеля и самой постановкой вопросов оказывает значительное влияние на ответы. Лу-Адлер напоминает, что альтернативный способ дачи свидетельских показаний в суде заключается в том, что вопросы свидетелю задает привлекшая его сторона защиты или обвинения, и судья вначале только выслушивает эти вопросы и показания.

В трактатах о расах применение свидетельств было связано с позицией Канта в дискуссии между сторонниками моногенеза и полигенеза. Кант выступает за единство происхождения всех рас, и его главным аргументом было то, что моногенез более соответствует априорным принципам. В качестве подкрепления приводятся свидетельства плантатора-рабовладельца Джеймса Тобина в пользу расовой, то есть природной, обусловленности умственных различий. Прислушиваться к свидетельству такой фигуры противоречит кантовским критериям достоверности свидетельств, которые включают в себя этическое измерение. Однако Кант все же решается использовать эти свидетельства, поскольку они соответствуют тому, что он считал разумным, то есть априорным принципам. Лу-Адлер резюмирует этот подход Канта следующим образом: свидетельства играют сугубо «пассивную роль», и их интерпретация выстроена в полном соответствии с кантовскими принципами разума как «инквизиторский» допрос свидетеля судьей; Кант предостерегал от фанатичного следования гипотезам, от склонности держаться за убеждения, но это не могло полностью застраховать его самого от некоторых заблуждений, характерных для его времени. В обсуждении этого

approach in the lectures on logic and its application in the two treatises on the origin of races (1775 and 1785). Kant, who considered geographical and historical accounts to be a historical type of cognition, formulated several criteria of their veracity. He considered historical cognition to be as necessary as rational cognition. It is impossible to study nature without hypotheses, so one has to be prepared to verify them in order to change or reject them altogether. It is reason's duty to comprehend nature, but Kant also said famously that reason understands in nature only what it puts into it; nature is not only cognised, but constructed. Kant compares reason to a judge who interrogates a witness and significantly influences the answers by the way he puts the questions. Lu-Adler remarked that an alternative method of testifying in a law court has the witness interrogated by defence or the prosecution, with the judge initially just listening to these questions and answers.

In the treatises on races the use of testimony was prompted by Kant's position in the discussion between the advocates of monogenesis and polygenesis. Kant maintains that all races have a common origin, his main argument being that monogenesis accords better with a priori principles. To establish that fact, he calls as a witness the slave-owning planter, James Tobin, in favour of racial, i.e. natural mental differences. Heeding the testimony of such a figure contradicts Kant's criteria of the certainty of testimony, which include an ethical dimension. And yet, Kant decides to use this testimony because it corresponds to what he considers to be reasonable, i.e. a priori principles. Lu-Adler summed up Kant's approach in the following way: testimony plays a strictly "passive role" and its interpretation fully corresponds to Kant's principles of reason as an доклада вполне предсказуемым образом были подняты вопросы о согласованности и о преобладающей тональности взглядов Канта на расы в контексте его универсалистской этики и прогрессивной философии истории.

Серхио Фуэнтес Гонсалес (Калининград) осветил место мысленных экспериментов в философии Канта — в частности, был представлен анализ предположений М.Г. Калина (Каlin, 1972) о том, что мысленные эксперименты играют ключевую роль в подтверждении трансцендентальных принципов. Кроме того, Фуэнтес представил рассмотрение ряда натурфилософских рассуждений Канта (как раннего, так и позднего периодов) в качестве примеров мысленных экспериментов, показав при этом тесную связь темы мысленных экспериментов с вопросами аналогии и воображения в критической философии Канта.

Алексей Жаворонков (Москва / Калининград) изложил свой взгляд на пути развития современной социологии с точки зрения той концепции прагматического разума, которую Кант положил в основу своей прагматической версии антропологии. Жаворонков доказывает, что концепция прагматического разума может послужить основой для антропологически фундированной социологии и способствовать прояснению некоторых социологических проблем – и таким образом возможно преодоление социологической оппозиции нормативности и эмпиризма. С этой точкой зрения Жаворонков противостоит доминирующему в современной социологии тезису о том, что нормативные концепты Канта несовместимы с актуальными эмпирико-аналитическими подходами.

Валентин Бажанов (Ульяновск / Калининград) в своем докладе проанализировал эпистемологические и социально-философские следствия, вытекающие из сопоставления кантовской концепции математики с современной нейронаукой. Недавние открытия в этой области свидетельствуют об онтогенетической основе математического мышления. Ее образует

"inquisitor's interrogation" of a witness by the judge; Kant warned against fanatical adherence to hypotheses, the tendency to hold on to convictions, and yet this could not always preserve him from some delusions characteristic of his time. In the discussion, participants raised the question of how the tonality of Kant's views on races squared with his universalistic ethics and his progressive philosophy of history.

Sergio Fuentes Gonzalez (Kaliningrad) examined the place of mental experiments in Kant's philosophy. In particular, he analysed Martin G. Kalin's suggestion that mental experiments play the key role in corroborating transcendental principles (cf. Kalin, 1972). Fuentes also presented a number of Kant's philosophy-of-nature reflections — of the early and later periods — as examples of mental experiments, demonstrating the close link between mental experiments and the issues of analogy and imagination in Kant's critical philosophy.

Alexey Zhavoronkov (Moscow / Kaliningrad) set forth his views on the development of modern sociology in terms of the concept of pragmatic reason which Kant made the basis of his pragmatic approach to anthropology. Zhavoronkov argued that the concept of pragmatic reason can be the basis of anthropologically grounded sociology and can help to clarify some sociological problems and thus perhaps overcome sociological opposition to normativeness and empiricism. Zhavornkov thus challenged the prevalent thesis that Kant's normative concepts are incompatible with the current empirical-analytical approach.

Valentin Bazhanov (Ulyanovsk / Kaliningrad) analysed the epistemological and socio-philosophical consequences of the comparison of Kant's concept of mathematics and mod-

«чувство числа» - способность к различению количества предметов и простейшим протоарифметическим операциям. Оно имеет свою нейрофизиологическую основу и связано с ориентацией в пространстве и времени («ячейка места»), это одна из стартовых точек когнитивной эволюции интеллекта. Врожденность «чувства числа» означает его априорность, в связи с чем современные исследователи называют свою программу изучения архитектоники мозга «кантианской исследовательской программой» и говорят о «кантианском мозге». Понятийная и символическая репрезентация «чувства числа» происходит уже в процессе аккультурации, и этот процесс имеет культурную и языковую специфику. Формирование систем исчисления на этой онтогенетической основе можно описать, по словам Бажанова, как трансцендентализм деятельностного типа, в том смысле что «стартовая позиция процедур счета, как известно, связана с непосредственной деятельностью» (Бажанов, 2020, с. 91), в которой множества предметов обычно сопоставляются с количеством человеческих конечностей. Это свидетельствует в пользу антиреализма и одновременно натурализма в философии математики: развитие формальных идей в математике происходит благодаря деятельности, но их основа - природная. В связи с этим Бажанов поднял в своем докладе вопросы о взаимосвязи социокультурной и биологической детерминации в развитии личности.

Два заключительных доклада были посвящены теме параллелей между философией Канта и концепцией истории науки Томаса Куна. Карин де Бёр (Лёвен) и Павел Райхль (Ньюкасл) обратились к вопросу о сходствах между двумя концепциями, а точнее, к вопросу о том, имеет ли концепция Куна кантианские корни. В конце жизни Кун сам отмечал сходство своих идей с идеями Канта, однако он не был знаком с кантовской концепцией науки во время написания своей книги «Структура научных революций». Де Бёр указала на вероятное опосредованное влияние Канта на Куна, поскольку Кун

ern neuro-science. Recent discoveries in this field attest to the ontogenetic nature of mathematical thinking. It is formed by "the sense of number", i.e. the capacity to tell the number of objects and perform simple proto-arithmetical operations. It has its neuro-physiological basis in, and is connected with, orientation in space and time ("the place cell") and is one of the staring points of the intellect's cognitive evolution. Since "the sense of number" is inborn, it is a priori, which is why modern scientists call their programme of studying the architectonics of the brain "the Kantian research programme" and speak about the "Kantian brain". The conceptual and symbolic representation of the "sense of number" takes place in the process of acculturation, which has cultural and linguistic features. The formation of the counting systems on this ontogenetic basis can, according to Bazhanov, be described as activity-based transcendentalism in the sense that "the starting position for counting is connected with direct activity" (Bazhanov, 2020, p. 91), in which sets of objects are usually related to the number of human extremities. This is an argument in favour of anti-realism and simultaneously naturalism in the philosophy of mathematics: formal ideas in mathematics develop thanks to activity, but their basis is natural. In this context, Bazhanov raised the question of interconnection between the socio-cultural and biological determination of the development of the personality.

The last two papers were devoted to the parallels between Kant's philosophy and Thomas Kuhn's concept of the history of science. *Karin de Boer* (Leuven) and *Pavel Reichl* (Newcastle) looked at the similarities between the two concepts and tried to answer the question whether Kuhn's concept has Kantian roots. Towards the end of his life, Kuhn himself noted the similarity of his ideas to those of Kant; however,

вдохновлялся работами французских авторов начала XX в. — Александра Койре, Эмиля Майерсона и Элен Мецжер, а их взгляды частично основывались на неокантианских прочтениях Канта. Основным содержанием доклада стало сравнение идей «Структуры научных революций» с малоизученной и новаторской для своего времени работой Элен Мецжер, выполненной в период между Первой и Второй мировыми войнами. (Стоит отметить, что в этот же период времени появилась еще одна подобная работа, долго остававшаяся незамеченной, книга Л. Флека «Возникновение и развитие научного факта».) Леонид Корнилаев (Калининград) в своем докладе больше внимания уделил теме различий между идеями Канта и Куна по вопросу о возможности построения единой науки с систематическими связями между дисциплинами, единого научного образа мира, а также по вопросу о возможности преодоления тенденций к разобщению научных дисциплин. Предметом анализа стали основания различных позиций Канта и Куна, а также их взгляды на роль философии в формировании единства и разобщенности в науке.

Конференция собрала немалую аудиторию, более полусотни постоянных слушателей со всего мира, активно обсуждавших затронутые темы. Публикация статей, подготовленных на основе докладов, которые были представлены на конференции, планируется в журнале «Исследования по истории и философии науки» (Studies in History and Philosophy of Science) в специальном выпуске на тему «Вопросы использования разума в кантовской философии науки» под редакцией Т. Штурма и Р. Мера.

Благодарности. Данная публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2019-1929 «Кантианская рациональность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах», реализуемый на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград). he was not actually familiar with Kant's concept of science when he was writing his book The Structure of Scientific Revolutions. De Boer suggested that Kuhn may have been influenced by Kant indirectly because he was inspired by the works of French authors at the beginning of the twentieth century: Alexandre Koyré, Emile Meyerson and Helene Metzger whose views were partly based on neo-Kantian readings of Kant. The focus of the paper is the comparison of The Structure of Scientific Revolutions with the little studied and, for her time, ground-breaking work of Helene Metzger, written in the period between the two world wars. (It is worth noting that the same period saw the publication of another work which had long remained unnoticed, Ludwik Fleck's Genesis and Development of a Scientific Fact). Leonid Kornilaev (Kaliningrad) paid more attention to the differences between Kant and Kuhn on the question whether it is possible to build a single science with systemic links between disciplines and a common scientific picture of the world, and whether the trend of disciplines to disunity could be overcome.

The conference attracted a sizeable audience, more than fifty permanent listeners from across the world who actively discussed the topics raised. There are plans to publish articles based on the papers presented at the conference in the journal "Studies in the History and Philosophy of Science", in a special issue entitled "The Uses of Reason in Kant's Philosophy of Science", edited by T. Sturm and R. Meer.

References

Bazhanov, V. A., 2020. Nature of Mathematics through the Lens of Cognitive Research, *Voprosy Filosofii*, 11, pp. 87-96. (In Rus.)

Fugate, C. D., 2014. *The Teleology of Reason. A Study of the Structure of Kant's Critical Philosophy.* New York & Berlin: De Gryuter.

Список литературы

Бажанов В. А. Природа математики в оптике когнитивных исследований // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 87— 96.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 4. С. 247—372.

Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 4. С. 5-152.

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Наука, 2001. Т. 4. С. 68—833.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Fugate C. D. The Teleology of Reason. A Study of the Structure of Kant's Critical Philosophy. N.Y.; Berlin: De Gryuter, 2014.

Kalin M. G. Kant's Transcendental Arguments as Gedankenexperimente // Kant-Studien. 1972. Bd. 63. P. 289–328.

McDonough J. K. Teleology: A History. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Об авторе

Андрей Сергеевич Зильбер, кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: AZilber@kantiana.ru

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8317-4086

Для цитирования:

3ильбер А. С. Кантианская рациональность в философии науки. Обзор Первой конференции лаборатории «Кантианская рациональность» // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 3. С. 150—166. doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-6

© Зильбер А. С., 2021.

Kalin, M.G., 1972. Kant's Transcendental Arguments as Gedankenexperimente. *Kant-Studien*, 63, pp. 289-328.

Kant, I., 2004a. *Metaphysical Foundations of Natural Science*. In: I. Kant, 2004. *Theoretical Philosophy after 1781*, edited by H. Allison and P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 171-270.

Kant, I., 2004b. *Prolegomena to Any Future Metaphysics*. Translated and edited by G. Hatfield. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgement*. Translated and edited by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

McDonough, J. K., 2020. Teleology: A History. Oxford: Oxford University Press.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Andrey S. Zilber, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia.

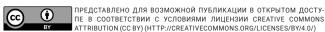
E-mail: AZilber@kantiana.ru

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8317-4086

To cite this article:

Zilber, A.S., 2021. Kantian Rationality in the Philosophy of Science. Report of the First Conference of the Kantian Rationality Lab. *Kantian Journal*, 40(3), pp. 150-166. http://dx.doi:10.5922/0207-6918-2021-3-6

© Zilber A.S., 2021.

HΕΚΡΟΛΟΓ OBITUARY

ПАМЯТИ ФИЛОСОФА НЕЛЛИ ВАСИЛЬЕВНЫ МОТРОШИЛОВОЙ (1934—2021)

23 июня 2021 ушла из жизни Нелли Васильевна Мотрошилова – философ, мудрый и красивый человек, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, специалист по истории европейской и отечественной философии. В сегодняшней России нет ни одного человека, причастного к философии или интересующегося ею, которому не было бы знакомо имя Н. В. Мотрошиловой, кто не читал ее книг, статей, эссе, не слушал ее выступления на университетских площадках и в средствах массовой информации. Живой яркий человек, любящий жизнь, умеющий шутить и спорить, ценящий в окружающих ум и профессионализм, Нелли Васильевна замечала и ценила красоту идей и

IN MEMORIAM: PHILOSOPHER NELLY V. MOTROSHILOVA (1934–2021)

Nelly Vasilyevna Motroshilova, a philosopher, a wise and wonderful person, Doctor of Sciences, Professor, Principal Research Fellow at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (RAS), and specialist in the history of European and Russian philosophy, passed away on 23 June 2021. In today's Russia there is hardly a person engaged or interested in philosophy who does not know the name of Motroshilova, who has not read her books, articles and essays, has not attended her talks at academic gatherings, and has not viewed her presentations in the media. A lively, bright person who knew how to joke and argue, who valued the intellect and professionalism of those

логику смыслов, при этом оставаясь открытой миру повседневности. Она дорожила дружбой, любила и была любима, искренне интересовалась жизнью окружающих ее людей.

Уже нельзя набрать врезавшийся в память номер телефона и услышать приветливый голос Нелли Васильевны; она больше не распахнет навстречу двери своей уютной квартиры в знаменитом московском «доме на ножках», не будет сидеть чуть сгорбившись за своим любимым письменным столом в секторе истории западной философии на четвертом этаже Института философии на Гончарной, 12... Но еще в течение нескольких лет, подобно свету угасших звезд, будут выходить из печати новые работы, написанные ею в последние месяцы жизни. Будут переиздаваться, заново перечитываться и переживаться ее книги, будоража умы новых поколений ее читателей. Приверженцы философского знания будут обсуждать, опровергать, отстаивать и заново, уже в иных условиях, анализировать и оценивать ее идеи. Ее труды будут цитироваться, задуманные ею проекты продолжаться. Ее хрупкий белокурый образ и ее строгий бескомпромиссный стиль работы будут жить в ее учениках, друзьях и коллегах.

Будучи лицом отечественного философского поколения шестидесятников, культовой фигурой в когорте российских историков философии второй половины XX - начала XXI столетия, мыслителем, воплощающим в своем творчестве взаимовлияние русской и западной философских традиций, Нелли Васильевна также занимала видное место в западном философском сообществе. Владея немецким, английским, французским и итальянским языками, являясь энциклопедически образованным человеком, Нелли Васильевна была примером мыслителя европейского масштаба. Благодаря ее исследовательской, переводческой и популяризаторской работе отечественные интеллектуалы знакомились с современными тенденциями в западной, прежде всего немецкоязычной, философии, а зарубежные коллеги на основе around her, she had a great appreciation for the beauty of ideas and the logic of meanings while remaining open to the world of everyday life. She treasured friendship, loved and was truly loved, and was sincerely interested in the life of the people around her.

One can no longer dial the telephone number etched in memory and hear her warm and friendly voice. She will never again fling open the door of her cozy flat in the famous Moscow "house on legs" or sit slightly hunched over at her favourite desk in the History of Western Philosophy department office on the fourth floor in the Institute of Philosophy building at 12, Goncharnaya Street... Yet, for the next few years, new works written by her in the last months of her life will continue coming out, reaching us like the light of extinct stars. New editions of her books will be published, studied again, and thought through, exciting the minds of new generations of readers. Experts and other adherents of philosophical knowledge will discuss, challenge, defend, analyse and assess her ideas under new conditions. Her works will be cited, and the projects she conceived will be carried on. Her fragile blonde image and her strict and uncompromising work style will live on in her pupils, friends and colleagues.

Motroshilova was the face of the 1960s generation of Russian philosophers, a cult figure in the cohort of Russian historians of philosophy in the latter half of the twentieth and early twenty-first centuries, a thinker whose work embodied the cross-pollination of the Russian and Western philosophical traditions. She also occupied a prominent place in the Western philosophical community. She was a broadly educated thinker of a high calibre, speaking German, English, French, and Italian. Thanks to her work as a researcher, translator and populariser, Russia's intellectuals were gradually introduced to contemporary trends in Western, especially German-language philosophy,

ее текстов, публикуемых в ведущих зарубежных изданиях, составляли представление о работе российских философов. Нелли Васильевна — лауреат премии Фонда Александра фон Гумбольдта. Она была награждена Рыцарским крестом ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» (Bundesverdienst-kreuz am Bande) и медалью Института философии РАН «За вклад в развитие философии».

Нелли Васильевна Мотрошилова родилась 21 февраля 1934 г. в селе Староверово Харьковской области. В 1956 году с отличием закончила философский факультет МГУ и поступила в аспирантуру Института философии АН СССР. В 1963 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Критика идеалистических теорий активности субъекта (на примере феноменологии Э. Гуссерля и социологии познания)», а в 1970 г. – докторскую диссертацию «К проблеме социальной обусловленности познания (из истории философии XVII—XVIII вв.)». В Институте философии Нелли Васильевна проработала 60 лет. В течение 27 лет она возглавляла сектор истории западной философии, одно из наиболее продуктивных и известных своим звездным составом исследователей подразделение Института философии РАН. Более четверти века Н. В. Мотрошилова была председателем диссертационного совета по истории философии и заведовала отделом истории философии Института.

Одновременно в разные годы Н. В. Мотрошилова преподавала в МГУ, МИФИ, ВГИК, ГА-УГН и других высших учебных заведениях нашей страны. Она подготовила к защите 26 аспирантов, многие из которых впоследствии защитили докторские диссертации и сегодня продолжают успешно работать в философии.

В 1986 г. Н. В. Мотрошилова основала «Историко-философский ежегодник» и была его бессменным главным редактором до последних дней своей жизни. За три с половиной десятка лет «Ежегодник» стал одним из наиболее авторитетных и читаемых периодических изданий

while foreign scholars learned about work of their Russian colleagues from her numerous writings that appeared in leading publication venues abroad. Motroshilova is the laureate of the Alexander von Humboldt Research Award, a recipient of the Knight's Cross of the Order of Merit of the Federal Republic of Germany (Bundesverdienstkreuz am Bande), and a medal of the RAS Institute of Philosophy For Contribution to the Development of Philosophy.

Nelly Motroshilova was born on 21 February 1934 in the village of Staroverovo in the Kharkov Region. In 1956, she graduated magna cum laude from Moscow University Philosophical Faculty and was admitted as a PhD student at the USSR Academy of Sciences' Institute of Philosophy. In 1963, she defended a PhD dissertation entitled "Critique of Idealistic Theories of the Subject's Activity (the Case of the Phenomenology of E. Husserl and the Sociology of Cognition)", and in 1970 a Doctor of Sciences (Dr Habil.) dissertation entitled "On the Problem of Social Conditioning of Cognition (from the History of Philosophy of the Seventeenth and Eighteenth Centuries)". She worked at the Institute of Philosophy for 60 years. For 27 of those years, she served as the Head of Department of the History of Western Philosophy, one of the most productive research units at the RAS Institute of Philosophy, well known for its stellar team of researchers. For more than a quarter of a century Nelly Motroshilova chaired the Dissertations Council on the History of Philosophy and led the Institute's Division of the History of Philosophy.

She also taught in various years at Lomonosov Moscow State University, Moscow Engineering Physics Institute (MEPhI), the State Institute of Cinematography (VGIK), the State Academic University for the Humanities (GAUGN) and other institutions of higher education in Russia. She supervised 26 PhD students who defended their dissertations and many of whom went on to

по истории философии в России, на публикациях которого выросло не одно поколение отечественных философов. Нелли Васильевна была членом редколлегий многих российских и зарубежных журналов, включая такие как «Вопросы философии», «Философский журнал», «История философии», «Ногізоп: Феноменологические исследования», «Кантовский сборник», «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», «Studia Spinozana» и «Hegel Bulletin».

Нелли Васильевна — автор и ответственный редактор более 30 индивидуальных и коллективных монографий, общее число ее публикаций (учитывая онлайн-тексты и расшифровки ее выступлений) приближается к четыремстам.

Под руководством Н. В. Мотрошиловой был подготовлен самый востребованный на рубеже XX-XXI столетий четырехтомный учебник по истории философии «История философии: Запад - Россия - Восток» (1995-1999, 2010). Учебник нового типа, свободный от идеологизации каких-либо учений, школ, направлений и этапов философского развития, он до сих широко используется студентами и преподавателями вузов страны в качестве учебного пособия по философии. Помимо широты охвата - изложения значительных достижений западной, восточной и русской философии от древности до наших дней - новизна учебника состояла в самом подходе к процессу историко-философского развития. Вместо господствовавшей в течение многих десятилетий в нашей стране интерпретации истории философии с точки зрения борьбы между материализмом и идеализмом здесь была предпринята попытка рассмотреть развертывание историко-философской мысли как динамичный процесс развития духа, выступающий важнейшей составляющей цивилизационного прогресса.

Уникальность Н. В. Мотрошиловой — в многогранности и масштабе ее академических интересов. Всю жизнь, с первых статей, она смело бралась за разработку трудных тем, требующих глубинного погружения в проблему и широ-

successfully defend DSc (*Dr Habil*.) dissertations and continue to be active in philosophy.

In 1986, Nelly Motroshilova founded the "History of Philosophy Yearbook", serving as its editor in chief until her death. Over the past three and a half decades it became one of the most authoritative and most widely read periodicals on the history of philosophy in Russia, with whose publications several generations of Russian philosophers grew up. She served on Editorial Boards of numerous journals in Russia and abroad, including "Voprosy Filosofii", "Philosophy Journal", "History of Philosophy", "Horizon: Phenomenological Studies", "Kantian Journal", "Deutsche Zeitschrift für Philosophie", "Studia Spinozana" and "Hegel Bulletin".

Nelly Motroshilova authored and edited more than 30 individual monographs and collective volumes, with her total number of publications (including online texts and transcripts of her oral presentations) approaching nearly four hundred.

She served as the managing editor of the four-volume textbook, A History of Philosophy: West - Russia - East (1995-1999, 2010), which was the most popular textbook at the turn of the twentieth and twenty-first centuries. A philosophical publication of a new type, free from ideologisation of any doctrines, schools, trends and stages in the development of philosophy, it is still widely used by students and instructors as a textbook for philosophy at the country's higher education institutions. In addition to its breadth of coverage - including presentation of the significant achievements of Western, Eastern and Russian philosophy from antiquity to the present - the textbook pioneered a new approach to the process of the development of philosophy. Instead of assessing the history of philosophy from the point of view of the struggle between materialism and idealism, the interpretative tradition that prevailed in our country for many decades, it

кого интеллектуального кругозора: начав свой творческий путь с изучения социологии познания, она исследовала историю немецкой классической философии, феноменологию, экзистенциализм, отечественную философию XIX— XX вв., проблемы цивилизации и варварства и др. Герои книг Нелли Васильевны — Д. Бруно, Р. Декарт, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, Э. Гуссерль, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Х. Арендт, В. С. Соловьев, Л. И. Шестов, М. К. Мамардашвили, Ю. Хабермас, мыслители первого регистра в философской традиции. Каждый раз, готовя новую публикацию, Нелли Васильевна прорабатывала пласты научной литературы и первоисточники на языках оригиналов до тех пор, пока не постигала суть изучаемого феномена. Ее работы — образец ясного и структурированного анализа, сочетающегося с глубоко личностным отношением к анализируемым феноменам.

Еще будучи студенткой МГУ, Н. В. Мотрошилова взялась за изучение феноменологии Гуссерля, с которой мало кто был тогда знаком в нашей стране. Да и труды Гуссерля не только не были переведены на русский язык, но и оставались практически недоступны отечественному читателю. Кстати, по воспоминаниям самой Нелли Васильевны, именно занятия Гуссерлем и необходимость читать его работы на языке оригинала заставили ее заняться изучением немецкого языка, которым впоследствии она овладела в совершенстве. Феноменологии Гуссерля была посвящена ее дипломная работа, написанная под руководством профессора В. Ф. Асмуса, замечательного специалиста и одного из столпов отечественной истории философии. Анализ феноменологии Гуссерля был также положен в основу ее кандидатской диссертации. Однако ее увлечение феноменологией и Гуссерлем на этом не закончилось. В 1980—1990-е гг. Нелли Васильевна опубликовала ряд статей по феноменологическому методу Гуссерля. Наиболее значительные ее исследования по этой теме появились уже в 2000-е гг., когда вышли в свет две впечатляющие - и по объему, и по содержанию – монографии, поattempted to look at the unfolding of historicalphilosophical thought as a dynamic process of the development of the spirit as the key component of civilisational progress.

Nelly Motroshilova's uniqueness consists in the diversity and scale of her academic interests. Throughout her life, since her first articles, she boldly tackled difficult themes that called for deep immersion in the problem and for a broad intellectual horizon. Starting with the sociology of cognition, she later studied the history of classical German philosophy, phenomenology, existentialism, the Russian philosophy of the nineteenth and twentieth centuries, the problems of civilisation and barbarism and so on. The leading figures of her books include Giordano Bruno, René Descartes, Immanuel Kant, Georg Wilhelm Friedrich Hegel, Edmund Husserl, Friedrich Nietzsche, Martin Heidegger, Hannah Arendt, Vladimir Solovyov, Lev Shestov, Merab Mamardashvili, and Jürgen Habermas – all top-level thinkers in the world philosophical tradition. Each time she was preparing a new publication, she delved into the literature and primary sources in the original languages until the essence of the phenomenon studied became clear to her. Her works are models of clear and structured analysis combined with a profoundly personal attitude to the phenomenon she was exploring.

While Moscow still University undergraduate, Motroshilova took up the study of Husserl's phenomenology which was very little known in the country at the time. Indeed, Husserl's works were practically unavailable in Russia, either in translation or in the original language. As she recalled, it was her delving into Husserl that prompted her to study German, which she later mastered to perfection. Husserl's phenomenology was the theme of her Master's thesis, written under the guidance of Professor Valentin F. Asmus, a brilliant scholar and one of the pillars of Russian history of philosophy. священные гуссерлевской философии: семисотстраничная «"Идеи I" Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию» (2003) и восьмисотстраничная «Ранняя философия Эдмунда Гуссерля (Галле, 1887—1901)» (2018). «"Идеи I" Эдмунда Гуссерля...» - это первое в отечественной литературе систематическое и выполненное на обширном текстологическом материале исследование созданной Гуссерлем трансцендентальной феноменологии с подробным обсуждением его феноменологического метода, а также детальным изложением его основных понятий, тем и аргументов. Книга «Ранняя философия Эдмунда Гуссерля...» посвящена начальному этапу развития мыслителя. Речь идет о десяти с лишним годах, проведенных им в Галле, которые совпали с отказом Гуссерля от занятий математикой и переходом к изучению философии. Именно в этот период он пишет свою первую значительную книгу, знаменитую «Философию арифметики», все еще не переведенную на русский язык, второй том которой так и не увидел свет, несмотря на многочисленные авторские наброски, черновики и другие подготовительные материалы. В своей монографии Нелли Васильевна предприняла детальный текстологический анализ ранней книги Гуссерля, с привлечением многочисленных архивных документов и неопубликованных манускриптов немецкого философа, что позволило ей представить читателю труд Гуссерля во всей его полноте и завершенности. Если говорить о гуссерлевской феноменологии, огромная заслуга Нелли Васильевны состоит в том, что она, будучи первопроходцем в изучении наследия Гуссерля в нашей стране, позволила отечественным исследователям и просто широкому кругу читателей открыть для себя богатство сложной гуссерлевской мысли и познакомиться с западной гуссерлианой, столь хорошо известной самой Нелли Васильевне.

Интерес Н. В. Мотрошиловой к немецкой философской мысли далеко не исчерпывается ее исследованиями Гуссерля и феноменологии. На протяжении всей жизни она активно занималась изучением того периода в исто-

Husserl's phenomenology also formed the basis of her PhD dissertation. However, her enthusiasm for phenomenology did not end there. In the 1980s and 1990s, she published a series of articles on Husserl's phenomenological method. Yet the most significant results of her research into this topic became known in the 2000s when she published two monographs of impressive size and content, devoted to Husserl's philosophy: the 700-page study, Edmund Husserl's 'Ideas I' as an Introduction to Phenomenology (2003) and the 800-page treatise, Early Philosophy of Edmund Husserl (Halle, 1887–1901) (2018). Edmund Husserl's 'Ideas I' is the first systematic Russian study of Husserl's transcendental phenomenology that draws on a vast body of textual material and discusses in detail his phenomenological method and his main concepts, themes and arguments. Early Philosophy of Edmund Husserl focuses on the early period of his development, i.e. approximately the first ten years that he spent in Halle, when he abandoned mathematics in favour of philosophy. It was during this period that he wrote his first significant book, the famous Philosophy of Arithmetic, which has yet to be translated into Russian and whose second volume has never seen the light of day, despite numerous sketches, drafts and other preparatory materials. In her book, Nelly Motroshilova undertook a detailed textual analysis of Husserl's early writing, drawing on his numerous archive documents and unpublished manuscripts, enabling her to present Husserl's work to the reader in its entirety and complexity. The great merit of Motroshilova's pioneering research on Husserl in our country is that her work enabled Russian scholars and a wide circle of readers to discover for themselves the richness of the German philosopher's complex thought and get to know Western Husserl scholarship, with which Motroshilova was so thoroughly conversant. Motroshilova's interest in German philosophical thought was by no means confined to her studies

рии мировой философской мысли, который у нас обычно именуется эпохой немецкой классической философии, и прежде всего наследием Гегеля. Ее увлеченность этим автором появилась еще в студенческие годы, когда она, входя в группу Э.В. Ильенкова, преподававшего тогда на философском факультете МГУ и страстно увлекавшегося Гегелем и его философией, стала открывать для себя малодоступные в те годы русскоязычному читателю работы Гегеля, пытаясь разобраться в хитросплетениях его мысли. Одной из таких работ была статья «Кто мыслит абстрактно», впервые (в 1956 г.) переведенная на русский язык Ильенковым. По воспоминаниям самой Нелли Васильевны, именно эта статья немецкого мыслителя, а также беседы о Гегеле с Ильенковым и прогегельянски настроенными сокурсниками и пробудили ее интерес к Гегелю. Результатом размышлений о немецком философе и его творчестве стала монография Нелли Васильевны «Путь Гегеля к "Науке логики"» (1984). Это книга о формировании Гегеля и его философских взглядов. На основе обширных архивных документов и текстологических материалов здесь прослеживается идейное развитие Гегеля начиная с юношеских лет — сначала в Штутгарте, а потом в Тюбингене – и вплоть до первых набросков «Науки логики», сделанных им уже в Нюрнберге, где он работал в качестве директора гимназии и сам преподавал студентам курсы по введению в философию. Основной фокус книги - формирование принципов системности и историзма. Это наиболее фундаментальные идеи гегелевской философии, без осмысления которых трудно понять как замысел, так и реальное содержание философского проекта Гегеля. Заслуга Нелли Васильевны состоит не только в том, что в своей книге она показала, что в идейном развитии Гегеля системные идеи и идеи истористские постоянно сплетались в единство, которое на каждом из этапов, в каждом из произведений отличалось своеобразием, определяя специфику развертывания мысли философа. Она также по-новому поставила вопрос о системности Гегеля, которая в отечественной (большей частью марксистской) философии рассматривалась как явно противо-

of Husserl and phenomenology. Throughout her life, she actively studied the period in the history of world philosophical thought known as the epoch of classical German philosophy, most notably Hegel. She developed an interest in Hegel in her student years when, as a member of the group of Evald Ilvenkov, who taught at Moscow University's philosophical faculty and was a well-known expert on Hegel and his philosophy, she began to discover Hegel's works that were still largely unavailable to the Russianspeaking reader, trying to sort out the intricacies of his thought. One of these works was the article, "Who Thinks Abstractly", first translated into Russian by Ilyenkov in 1956. As Nelly Motroshilova recalled, it was this very article, as well as her conversations about Hegel with Ilyenkov and pro-Hegel classmates that sparked her interest in Hegel's philosophy. The result of her reflections about the German thinker and his work was her book, Hegel's Path to "The Science of *Logic*" (1984). It draws on a large body of archive documents and texts to trace Hegel's evolution from his youth — first in Stuttgart and then in Tübingen — until the first sketches of *The Science* of Logic made in Nuremberg where he worked as a grammar school (Gymnasium) director and taught introductory courses in philosophy. The book's focus is on the formation of the principles of systematicity and historicity. These are the fundamental ideas of Hegel's philosophy without which it is hard to understand the idea and real content of Hegel's philosophical project. Nelly Motroshilova's contribution is not confined to her showing that systematicity and historicity in Hegel's evolution were constantly intertwined, assuming a different pattern at every stage, forming the specificity of the unfolding of the philosopher's thought. She also looked from a different angle at the question of Hegel's systematicity which, in the Russian (for the most part Marxist) philosophy, was seen as obviously contradicting dialectics, at the core of which lies

речащая диалектике, в основе которой лежит принцип непрекращающегося развития. Отвечая на данную трудность, книга Мотрошиловой позволяет понять, что принцип системности, отстаиваемый Гегелем, весьма далек от идеи завершенности, статичности и абсолютной замкнутости, как он часто толкуется, и что системность гегелевской философии может быть верно понята только во взаимосвязи с его диалектикой. Не менее важно и то, что своей книгой Нелли Васильевне удалось разрушить многие существующие стереотипы в отношении к Гегелю и к его философии и тем самым пробудить в читателях интерес к идеям немецкого мыслителя, ценность которых отнюдь не исчерпывается их чисто историко-философским значением.

Нелли Васильевна — кантовед с мировым именем¹. По ее инициативе и под ее руковод-

1 Избранная кантиана Н. В. Мотрошиловой:

Иммануил Кант. Сочинения на немецком и русском языках / Immanuel Kant. Werke. Zweisprachige deutschrussische Ausgabe. М.: Каті; Наука; Канон+РООИ Реабилитация, 1994–2014:

Т. I : Трактаты и статьи (1764—1796). М. : КАМИ, 1994; издатель (совместно с Б. Тушлингом), автор вступительной статьи, подготовка научного аппарата (совместно с Т. Б. Длугач).

Т. II: Кн. 1-2: Критика чистого разума / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга, Т.Б. Длугач, У. Фогеля. М.: Наука, 2006; новая редакция перевода и комментарий.

Т. III: Основоположение к метафизике нравов. Критика практического разума / под ред. Э. Ю. Соловьева, А. К. Судакова, Б. Тушлинга, У. Фогеля. М.: Наука, 1997; издатель (совместно с Б. Тушлингом).

Т. IV: Критика способности суждения. Первое введение в «Критику способности суждения» / под общ. ред. Н. В. Мотрошиловой, Т. Б. Длугач, Б. Тушлингом, У. Фогелем. М.: Наука, 2001; автор вступительной статьи (совместно с Т. Б. Длугач), новая редакция перевода и комментарий.

Т. V : Метафизика нравов. Ч. 1 : Метафизические первоначала учения о праве / под общ. ред. Н. В. Мотрошиловой и А. Н. Круглова, Б. Дёрфлингера и Д. Хюнинга ; пер. А. К. Судакова. М. : Канон+, 2014.

Т. V : Метафизика нравов. Ч. 2 : Метафизические основные начала учения о добродетели / под общ. ред. Н. В. Мотрошиловой и А. Н. Круглова, Б. Дёрфлингера и Д. Хюнинга ; пер. А. К. Судакова. М. : Канон+, 2018.

Мотрошилова Н. В. Социально-исторические корни немецкой классической философии. М.: Наука, 1990. Мотрошилова Н. В. Рождение и развитие философских идей. М.: Политиздат, 1991.

the idea of continuous development. Responding to this difficulty, Motroshilova's book argues that Hegel's principle of systematicity is far removed from the idea of completeness, statics and absolute closedness, as he is often interpreted, and that the systematicity of Hegel's philosophy can only be correctly understood in its interconnection with dialectics. Equally important, Motroshilova manages to overturn many clichés concerning Hegel and his philosophy in her book, and thus awakens readers' interest in his ideas, whose value is not limited to their relevance to the history of philosophy.

Motroshilova is a Kant scholar of international repute.¹ She initiated, edited and took an active

¹ Selected Kant publications of Nelly Motroshilova:

Immanuel Kant. Works in German and Russian / Immanuel Kant. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Moscow: Kami; Nauka; "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya", 1994–2014:

Volume 1: *Treatises and Articles* (1764–1796). Moscow: Kami, 1994; publisher (with B. Tuschling), author of the introductory article, preparation of the scientific apparatus (with Tamara Dlugach).

Volume 2: Parts 1 and 2: Critique of Pure Reason. Edited by N. Motroschilova, B. Tuschling, T. Dlugach, U. Vogel. Moscow: Nauka, 2006; new translation and commentary. Volume 3: Groundwork for the Metaphysics of Morals. Critique of Practical Reason. Edited by E. Solovyov, A. Sudakov, B. Tuschling, U. Vogel. Moscow: Nauka, 1997; publisher (with B. Tuschling).

Volume 4: *Critique of Judgment*. First Introduction to the *Critique of Judgment*. Edited by N. Motroshilova, T. Dlugach, B. Tuschling, U. Vogel. Moscow: Nauka, 2001; author of the introductory article (with T. Dlugach), new translation and commentary.

Volume 5: *Metaphysics of Morals*. Part 1: Metaphysical First Principles of the Doctrine of Law. Edited by N. Motroshilova, A. Krouglov, B. Dörflinger, D. Hüning; translated by A. Sudakov. Moscow: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya", 2014.

Volume 5: *Metaphysics of Morals*. Part 2: Metaphysical First Principles of the Doctrine of Virtue. Edited by N. Motroshilova, A. Krouglov, B. Dörflinger, D. Hüning; translated by A. Sudakov. Moscow: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya", 2018.

Motroshilova, N. V. Social-Historical Roots of German Classical Philosophy. Moscow: Nauka, 1990. (In Rus.) Motroshilova, N. V. The Birth and Development of Philosophical Ideas. Moscow: Politizdat, 1991. (In Rus.) Motroshilowa, N., ed. Zum Freiheitsverständnis des Kantischen und nachkantischen Idealismus. Neuere

ством, а также при ее активном участии в России было опубликовано первое двуязычное собрание сочинений Канта на русском и немецком языках в пяти томах (1994—2018). Работа над двуязычным собранием сочинений Канта – многолетний международный проект Нелли Васильевны — была начата ею совместно с профессором Марбургского университета Буркхардом Тушлингом и его группой еще в начале 1990-х гг. Сам проект по изданию параллельного двуязычного собрания сочинений Канта был и остается уникальным как по своему замыслу, так и по исполнению; по объему опубликованных текстов он не имеет прецедентов на Западе. Это первое в истории отечественной философии двуязычное параллельное издание основных работ Канта, включающее все три его «Критики», основные трактаты и статьи по проблематике практической философии, в том числе его ключевые сочинения по этике. Основная цель проекта состояла в том, чтобы не только предложить русскоязычному читателю новые или основательно отредактированные - с точки зрения достижений современного кантоведения переводы основных работ Канта, но и предоставить доступ к оригинальным текстам философа, что позволило бы желающим по достоинству оценить как глубину кантовской мысли, так и строгую последовательность его аргументов. Сегодня можно с уверенностью сказать, что результат превзошел ожидания. Благодаря усилиям Нелли Васильевны и всех тех, кто – как с российской, так и немецкой стороны — работал с ней над реализацией этого грандиозного проекта, русскоязычный читатель получил издание сочинений Канта, где наряду с уточненным, а в ряде случаев и совершенно новым пе-

Zum Freiheitsverständnis des Kantischen und nachkantischen Idealismus. Neuere Arbeiten russischer Autoren / hrsg. von Nelli Motroshilowa. Frankfurt a/M: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, 1998.

Иммануил Кант: наследие и проект / под ред. В. С. Степина, Н. В. Мотрошиловой. М. : Канон+РООИ Реабилитация, 2007.

Kant in Spiegel der russischen Kantforschung heute / hrsg. von Nelly Motroschilowa und Norbert Hinske. Stuttgart (Bad Cannstatt): Frommann-Holzboog, 2008. part in the publication in Russia of the first fivevolume bilingual collection of Kant's works in Russian and German (1994–2018). She started work on the bilingual edition of Kant – her international project of many years - jointly with Burkhard Tuschling of Marburg University in the early 1990s. The project of publishing a bilingual parallel edition of Kant is unique in terms of conception and execution; it has no precedent in the West in terms of the volume of published texts. It is the first bilingual parallel edition of Kant's works in Russian philosophy, which includes all three of his *Critiques*, the main treatises and articles on practical philosophy together with key works on ethics. The main aim of the project was not only to put new or thoroughly edited (from the vantage point of modern Kant scholarship) translations of Kant's main works within reach of the Russian reader, but also to give access to his original texts so that people could appreciate the depth of Kant's thought and the rigorous consistency of his arguments. It can be safely said today that the result exceeded expectations. Thanks to the efforts of Motroshilova and all the other people – on the Russian and German side – who worked with her on this ambitious project, the Russian-speaking reader received an edition of Kant which provides the original texts along with an amended — and in some cases totally new – translation of the philosopher's works. Both the original and Russian texts are printed on a two-page spread strictly in accordance with the divisions, chapters and paragraphs of Kant's works. Now readers can easily locate and check the corresponding fragments of text, compare

Arbeiten russischer Autoren. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, 1998.

Stepin, V.S. and Motroshilova, N.V., eds. *Immanuel Kant: Legacy and Project*. Moscow: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya", 2007. (In Rus.)

Motroschilowa, N. and Hinske, N., eds. *Kant im Spiegel der russischen Kantforschung heute*. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 2008.

реводом работ философа даются тексты на языке оригинала. При этом оба варианта текста — оригинальный и в переводе — приводятся параллельно, на одном развороте книжной страницы, с точным следованием разделам, секциям и параграфам кантовских сочинений. Теперь с легкостью можно найти и сверить соответствующие фрагменты текста, сравнить употребление слов и выражений на немецком и русском, пользуясь параллельным расположением текста. Для кантоведов, а также читателей, желающих познакомиться с аутентичным Кантом, появление такого издания, несомненно, стало значительным событием.

На протяжении более чем двадцати лет работы над проектом Нелли Васильевна оставалась неизменным главным редактором издания с российской стороны, неся основную тяжесть по координации деятельности всего коллектива. Наряду с общим руководством проекта она собственноручно подготовила новую редакцию переводов «Критики чистого разума», «Критики способности суждений» и «Учения о праве» в «Метафизике нравов», снабдив переводы обширными комментариями и детальным научным аппаратом, что сделало использование данных текстов более удобным и эффективным. Одновременно она также выступила в качестве автора ряда вступительных и заключительных статей, посвященных проблемам и темам, центральным для отечественного и мирового кантоведения.

На протяжении четверти века проект по изданию двуязычного собрания сочинений Канта был для Нелли Васильевны поистине делом ее жизни. Она вкладывала в него всю свою душу и талант, участвуя в подготовке каждого тома издания включая те, ответственным редактором которых она официально не являлась, часто самолично выверяя переводы и снабжая их дополнительными аналитическими замечаниями и уточняющими примечаниями. Ее основной заботой всегда была максимальная точность новых и откорректированных переводов — с тем, чтобы не были утрачены глубокие оттенки кантовского философствования и сохранилось все

the use of words and expressions in German and Russian, thanks to the parallel location of the texts. The publication of this edition is undoubtedly a landmark for Kant scholars and readers who want to become acquainted with the authentic Kant.

For the period of more than twenty years that the work on the project lasted Motroshilova was the chief editor on the Russian side, carrying most of the burden of coordinating the work of the whole team. Along with managing the whole project, she personally prepared a new edition of the translations of the Critique of Pure Reason, the Critique of Judgement and "The Doctrine of Right" in the Metaphysics of Morals, providing the translations with long commentaries and detailed references, which made the use of these texts more convenient and effective. In addition, she authored several introductory and concluding articles devoted to the issues and topics that are central to Kant scholarship in Russia and the world.

For over a quarter of a century, the project of publishing a bilingual collection of Kant absorbed Motroshilova. She gave it her soul and talent, taking part in preparing each of the volumes, including even those of which she was not the contractual editor, often personally checking the translations and providing them with further analytical remarks and clarifications. Invariably, her main concern was the maximum accuracy of the new and corrected translations — so as not to lose profound shades of meaning in Kant's thinking and preserve the diversity of sometimes very subtle terminological distinctions. Clarification of Kant's terminology, which is the key to understanding his ideas, made a significant contribution to Russian Kant scholarship. One salient example of such an emendation is Motroshilova's translation of one of Kant's central terms Ding an sich selbst, which was translated into Russian in the pre-Soviet and Soviet periods as veshch' v sebe (the thing in

многообразие порой весьма изощренных терминологических различий. Значительным вкладом в отечественное кантоведение стало уточнение существенной для понимания идей Канта терминологии. Среди наиболее ярких примеров такого уточнения – предложенный Нелли Васильевной новый перевод одного из центральных кантовских терминов «Ding an sich selbst», который, как известно, в русскоязычных изданиях Канта досоветского и советского периода транслировался как «вещь в себе». Н. В. Мотрошилова аргументированно продемонстрировала, что тот смысл, который Кант вкладывал в понятие «Ding an sich selbst», более точно можно передать оборотом «вещь сама по себе». Она показала, что в формуле «вещь в себе», во-первых, полностью отсутствует какое-либо упоминание «selbst», имеющего важное смысло-созидающее значение в оригинальном термине Канта, и, во-вторых, предлог «an» толкуется в значении «in», что полностью меняет смысл всего выражения.

Нелли Васильевна была первым в нашей стране и одним из первых в мире исследователей, кто откликнулся на публикацию «Черных тетрадей» Хайдеггера. Причем в отличие от ряда зарубежных коллег, которые отказались сколь-либо содержательно комментировать работу Хайдеггера ввиду ее явно выраженного антисемитского характера, она подвергла публикацию немецкого философа глубокому критическому анализу. На основе тщательного изучения текстов «Черных тетрадей» она рассмотрела содержание основных понятий и терминов, используемых Хайдегтером, поставив их в связь с центральными понятиями и концепциями, фигурирующими в других его работах.

Будучи всегда в авангарде событий, обладая острой историко-философской чувствительностью, Нелли Васильевна первой в России представила подробный анализ недавно вышедшей двухтомной монографии Хабермаса «Еще одна история философии» («Auch eine Geschichte der Philosophie»), посвященной новому пониманию истории философии в контексте поворота к постметафизическому мышлению.

Нелли Васильевна живо интересовалась историей отечественной философии, утверждая принципиальное единство русской и за-

itself). Motroshilova made a well-argued case to show that Kant's concept of *Ding an sich selbst* is more accurately conveyed if rendered as *veshch' sama po sebe* (the thing [as it is] by itself). She demonstrated that the formula "thing in itself", first, completely dispenses with *selbst*, which plays an important meaning-generating role in Kant's original term and, second, the preposition *an* is interpreted as meaning *in*, which completely changes the meaning of the whole expression.

Nelly Motroshilova was the first in Russia and one of the first in the world to respond to the publication of Heidegger's *Black Notebooks*. Unlike some scholars outside Russia who refused to comment on Heidegger's work substantively on the ground that it was openly anti-Semitic, she provided a profoundly critical analysis of the German philosopher's publication. Proceeding from a thorough study of the *Black Notebooks*, she examined the content of the main concepts and terms Heidegger uses, tracing their connection with the central concepts found in his other works.

Being always on the cutting edge of research and sensitive to new trends in the history of philosophy, Motroshilova offered a detailed analysis of the recently published two-volume study by Habermas, Another History of Philosophy (Auch eine Geschichte der Philosophie), where he developed the new concept of the history of philosophy in the context of the turn towards post-metaphysical thinking.

Nelly Motroshilova had a keen interest in Russian history, emphasising the fundamental unity of Russian and Western philosophical traditions, pointing out convergences and mutual echoes of various schools and trends in European and Russian thought. Recently, she focused her attention on the Russian philosophy of the Soviet period. She vehemently criticised the prejudices and stereotypes in contemporary assessments of philosophical development in the USSR that juxtapose the prevalent Marxist-Leninist dogma

падной философских традиций, исследовала смысловые пересечения, перекличку различных школ и направлений европейской и русской мысли. В последнее время ее внимание было сосредоточено на отечественной философии советского периода. Она активно критиковала предрассудки и стереотипы, содержащиеся в современных оценках философии в СССР, противопоставляя господствовавшей в советские годы официальной идеологии догматизированного марксизма-ленинизма новаторскую исследовательскую мысль, формировавшуюся в различных областях отечественной философии как под влиянием философов, принадлежавших к неофициальному сообществу, так и в русле тенденций мировой философии. Ее анализ процесса интернационализации философского знания в позднесоветскую эпоху, в частности размышления о философском поколении шестидесятников и анализ творчества М. К. Мамардашвили, — вдумчивое свидетельство от первого лица о становлении отечественной мысли во второй половине XX столетия.

На стене в зале заседаний Ученого совета Института философии РАН висит фотопортрет Нелли Васильевны, привнося в прямоугольное пространство комнаты уют и покой. Ее образ бережно хранится в сердцах ее близких и коллег, ее жизнь длится в написанных ею книгах, ее судьба стала главой мировой истории философии.

М. Ф. Быкова, Ю. В. Синеокая

Для цитирования:

Быкова М. Ф., Синеокая Ю. В. Памяти философа Нелли Васильевны Мотрошиловой (1934—2021) // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 3. С. 167—178. doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-7

© Быкова М. Ф., Синеокая Ю. В., 2021.

to innovative research taken shape in various areas of Soviet philosophy under the influence of philosophers belonging to the "underground" community and the mainstream tendencies in world philosophy. Her analysis of the process of internationalisation of philosophical knowledge in the late Soviet era, especially reflections on the philosophical generation of the Sixties and analysis of the work of Merab K. Mamardashvili, is a thoughtful first-person testimony about the formation of Russian thought in the second half of the twentieth century.

A large photograph of Nelly Motroshilova hangs on the wall in the conference room of the Academic Council of the RAS Institute of Philosophy, brings comfort and peace to the room's rectangular space. Her image is treasured in the hearts of her close ones and colleagues, her life continues in her books, and her legacy has become a chapter in the history of world philosophy.

Marina F. Bykova, Yulia V. Sineokaya

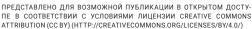
Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

To cite this article:

Bykova, M. F., Sineokaya, Y. V., 2021. In Memoriam: Philosopher Nelly V. Motroshilova (1934–2021). Kantian Journal, 40(3), pp. 167-178. http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-3-7

© Bykova M. F., Sineokaya Y. V., 2021.

Научное издание

KAHTOBCKИЙ СБОРНИК KANTIAN JOURNAL

2021 Том Vol. 40 № 3

Перевод на англ. Е.Н. Филиппов Редактор Д.А. Малеваная Выпускающий редактор И.О. Дементьев Корректор С.В. Ильина Компьютерная верстка А.В. Иванов

Translated from Russian by E.N. Filippov Copy-edited by D.A. Malevanaya Publishing editor I.O. Dementev Russian version proofread by S.V. Ilina English version proofread by K. Caskie Layout by A.V. Ivanov

Подписано в печать 18.10.2021 г. Формат $84\times108\,^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 18.8 Тираж 500 экз. (1-й завод 65 экз.). Заказ 107 Свободная цена. Подписной индекс 80623

Sent to the printers on October 18, 2021 Size 84×108 ¹/₁₆. 18.8 sheets 500 copies (first print: 65 copies). Order 107 Free price. Subscription index: 80623

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта 236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

Immanuel Kant Baltic Federal University Press 6 Gaidara st., Kaliningrad, 236001, Russia